

Александр Яковлев

A detailed portrait of a Russian Orthodox bishop, likely Filaret, seated in a church setting. He has a long, grey beard and is wearing a white mitre with a cross on top. His vestments include a dark brown outer robe with white sleeves and a blue inner garment. He is adorned with several medals and a large, ornate pendant. He holds a string of prayer beads in his left hand. The background shows the interior of a church with arches and columns.

*Век
Филарета*

Александр Яковлев

Век Филарета

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

2017

УДК 271.2-335
ББК 86.372

Яковлев А. И.

Век Филарета / А. И. Яковлев — «Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви», 2017

ISBN 978-5-7789-0299-2

Роман Александра Яковлева повествует о жизни и служении святителя Филарета (Дроздова, 1782–1867), митрополита Московского и Коломенского, выдающегося богослова, церковного и государственного деятеля России XIX в., в 1994 г. решением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви причисленного к лику святых. В книге показан внутренний драматизм жизни митр. Филарета, «патриарха без патриаршества», как называли его современники. На долгий век Святителя пришлось несколько исторических эпох, и в каждой из них его место было чрезвычайно значимым. На широком фоне важных событий российской истории даны яркие портреты современников свт. Филарета — императоров Александра I, Николая I, Александра II, князя А.Н.Голицына и иных сановников, а также видных церковных деятелей архим. Фотия (Спасского), архим. Антония (Медведева) прот. Александра Горского и других. Книга адресована широкому читателю всем неравнодушным к истории России и Русской Церкви.

УДК 271.2-335
ББК 86.372

ISBN 978-5-7789-0299-2

© Яковлев А. И., 2017

© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви, 2017

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	45
Глава 8	54
Часть вторая	63
Глава 1	63
Глава 2	67
Глава 3	72
Глава 4	77
Глава 5	82
Глава 6	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Век Филарета

Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви.
ИС Р15-503-0124

Часть первая У Троицы

Глава 1 Хлопоты в Коломне

Жизнь человеческая – что ручей, вдруг пробивающийся из земных глубин на свет Божий и бегущий неудержимо вперёд, чтобы слиться с иными и стать частью большой реки, а там и моря-океана. Иной ручей к концу своему оказывается мал – иной велик, иной чист – иной грязен, иной едва заметен – иной шумлив и бурлив неудержимо, иной короток, едва мелькнёт в лесной чаще и пропал, иной течёт себе и течёт, будто нет конца ему. А в истоках своих все они одинаковы, поди различи, кому что предстоит...

Коломна, небольшой, но славный город, была соседкою Москвы, находясь в ста вёрстах от первопрестольной столицы и с давних времён прикрывая её с юга от вражеских нашествий. В XIII веке войско Батыева после опустошения Рязанской земли двинулось на Коломну, в жестокой сече одержало победу над великокняжескими дружинами Всеволода Юрьевича и Романа Ингваревича и взяло Москву. В конце XIV века Мамай, обуреваемый яростью за непослушание русских князей, решил повторить Батыево нашествие. Московский князь Дмитрий назначил всем полкам сбор в Коломне, а сам накануне выступления получил благословение в Свято-Троицком монастыре у прославленного пустынника Сергия Радонежского. Выступив из Коломны, русское войско вскоре достигло Дона, где и состоялась великая Куликовская битва. Правда, свирепый хан Тохтамыш спустя несколько лет вновь пошёл на Русь, и вновь прежде Москвы была сожжена Коломна.

Для обороны от казанцев и крымцев русские города старалась укреплять. В 1526 году в Коломне был построен «кремль – город каменный», хотя это не уберегло её в начале XVII века от захвата и разграбления мятежниками Болотникова, от разорения в ходе кровопролитных сражений полков царя Василия Шуйского и Самозванца. В одной из башен коломенского кремля укрывалась Марина Мнишек с малолетним сыном. Спустя несколько десятилетий по повелению царя Алексея Михайловича в коломенском уезде было положено начало строительству русского морского флота. Первому кораблю дано было название «Орел».

С тех пор город уже не боялся вражеских нашествий, но народ забурлил в правление царя Петра Алексеевича. Яростное сопротивление чрезмерно жестоким преобразованиям оказали стрельцы, и Коломна оказалась важным пунктом в этом восстании «за старину». Народное предание сохранило память о пребывании Петра в Коломне накануне его южных походов.

Между тем город понемногу слабел. Сошло на нет его значение в качестве военной крепости. С обмелением Москвы-реки сократились торговые перевозки, и богатое купечество стало перебираться в Москву. Самыми примечательными событиями становились пожары и разбойничьи грабежи.

Однако местоположение Коломны оставалось удобно и живописно. Жители занимались извозом, торговали хлебом, салом, гуртами скота. Город украшали два десятка церквей и три монастыря – Староголутвинский в четырёх вёрстах от Коломны, Бобринев, бывший всего в версте, и Новоголутвинский Троицкий монастырь внутри городской черты. Такова была Коломна в конце XVIII века.

Рождественские праздники 1799 года в доме коломенского священника Михаила Фёдоровича Дроздова встречали в беспокойстве. Хозяин дома отправлял положенные службы в своей церкви Троицы в Ямщицкой слободе, и самый приподнятый дух их облегчал сердце. По выходе из храма вдруг приметно уколола, будто заноза, мысль о дальнейшей судьбе старшего сына Василия. Предстоящая свадьба дочери Ольги заботила меньше. Всё было непросто с первенцем.

И родился он раньше положенного срока, будто спешил на белый свет, и по характеру оказался странно тих и сосредоточен, но с натурой страстной и пылкой, а ко всему – замкнут, скрытен. Да и упрям. В нынешнем году вышло решение Святейшего Синода об упразднении их коломенской епархии, отходящей к Москве. Упразднялась и коломенская семинария, не чуждая отцу Михаилу, ибо в ней он обучался восемь лет наукам и после два года прослужил учителем. Ныне в семинарии обучался сын. Думалось, закончит, Бог даст, с отличием, а там женится, рукоположит его добродушный епископ Мефодий в сан иерея и даст в Коломне приход. Чего лучше? Чего большего можно было желать?.. Теперь же Синод предлагал коломенским семинаристам продолжать образование либо в Туле, либо в Троицкой лаврской семинарии, либо в Московской славяно-греко-латинской академии.

Василий, как услышал, загорелся: Москва! Только Москва ему была нужна! Отец прямо сказал, что у Троицы образование посolidнее, не хуже киевской академии, а иные говорят – и лучше. Наконец, высокопреосвященный митрополит Платон любовно опекает семинарию и благодетельствует отличным ученикам, а уж Василий среди последних не окажется.

Сын почтительно слушал, а потом тихо, но обдуманно возразил, что жить на свой кошт¹ у Троицы ему денег неостанет, а в Москве есть дедушка Александр Афанасьевич, родной брат деда по матери, и занимает дедушка Александр не последнее место – сакеллария, а попросту говоря, ключаря главного храма России – Большого Успенского собора. Он и раньше звал в первопрестольную, и теперь не откажется принять и помочь. Конечно, решение отца закон, но должен же батюшка понять, насколько удобнее и спокойнее жить и учиться, зная о надёжной подмоге рядом... Воистину, *baibara philosophum non facit* – не борода созидает философа. Отмахнуться от такого практического соображения было невозможно.

Закончив дела в храме, отец Михаил отправился на базар за провизией и рождественскими подарками для семьи. Помочь вызвался дьячок Ефрем, говорливый и услужливый. Он заложил санки, прихватил два мешка и три корзины, и отправились.

– Дома у вас, батюшка, дым коромыслом! – с удовольствием рассказывал Ефрем. – Я за мешками-то когда бегал, гляжу – убираются, скребут, чистят. Матушка сама половики на двор вынесла...

– Что ж там, никого больше не было? – с неудовольствием отозвался отец Михаил. – А старухи где?

– Старухи в доме полы моют! – с готовностью объяснил Ефрем. – Дочки на своей половине, видать, чегой-то делали, а сынок младшенький с собачкой играл. Кричит ей: «Жучка!» – она мигом к нему... Старшего не видал, а от тестя вашего батюшки Никиты Афанасьевича приходили, но по какому случаю, не ведаю...

Лошадка шла неспешно. Налево и направо тянулись родные улочки Коломны, сначала его прихода, потом соседнего. Сугробы закрывали заборы, а иные домики едва не по окна были занесены снегом. Дым из труб от сильного мороза ровно, будто по линейке, поднимался в ясное голубое небо.

¹ Кошт – иждивение, содержание; вообще расход, издержка.

В такой же вот декабрьский предпраздничный день семнадцать лет назад молоденький дьякон кафедрального собора Михаил, только что рукоположенный в священный сан по хлопотам тестя, и сам протоиерей Успенского собора отец Никита, на дочери которого он женился в январе, отправились по заведённому порядку на базар за провизией на две праздничные недели. Купили что надо, а по возвращении огорошили их новостью: беда с Дуней. Семнадцатилетняя Дуня была уже сильно в тягости, и прибавления семейства ожидали в новом году. Отец Никита приказал жене и дочери прибраться в доме. Дуня не осмелилась ослушаться батюшки, и вот когда пыль в чулане вытирала, вдруг её схватило.

Молодой дьякон, глубоко и нежно любивший свою Дуняшу, был как громом поражён и совсем потерялся. Отец Никита хоть и не признал вслух свою оплошность, тоже переживал. Из многих детей у них с матушкой Домникой Прокопиевной в живых остались только дочери Марина да Дуня. Отцовское сердце терзалось запоздалым чувством вины.

Мужчинам запретили выходить из горницы, и они до ухода на вечернюю службу только из притворенной двери слышали тихие стоны роженицы да обрывистые разговоры повитухи с матерью.

Вот тогда-то и решил дьякон Михаил Дроздов как можно скорее зажить своим домом. Не то чтобы недобрые чувства возникли у него к тестю, нет, любил и почитал, как положено, но понял он смысл заведённого порядка вещей, когда семья должна жить сама собою.

В те опасные декабрьские дни тёща стала ему дорога, будто вторая мать. Она да старуха Фроловна спасли Дуню и их первенца. Роды случились в ночь с 25 на 26 декабря 1782 года, на второй день Рождества, и были трудными. Радость от рождения сына омрачилась болезнью Дуни. Молодой отец терзал себя, а помочь ничем не мог. Лихорадка и жар жестоко терзали бедную и сильно ослабили её. Но Бог милостив, пережили благополучно.

Как знать, не это ли первое осложнение стало примечательным знаком на жизненном пути святителя? Ничто на земле не возникает просто, и все люди приносят жертвы, подчас неявные для них самих, за свои обретения. И чем более великая судьба определена человеку, тем более сложностей должно ему преодолеть на своём пути.

Впрочем, об этом никто в доме настоятеля не думал. Беспокоились о простом: выжил бы младенец.

– Ой, не жалец... – вздохнула повитуха, отдыхая за самоваром после трудной ночи.

Дьякон Михаил похолодел. Побежал в собор, едва достучался до сторожа и, пока не началось чтение Часов, пока не появились первые богомольцы, молился в пустом холодном храме перед образом Святой Троицы, слабо освещённым негасимой лампадой.

Человек предполагает, а Бог располагает. 1 января 1783 года в ближней Богоявленской церкви младенец был окрещён с именем Василия в честь святого Василия Великого. При святом таинстве восприемниками были друг отца соборный ключарь Пётр Васильев и бабушка новорождённого Домника Прокопиевна.

Нет ничего случайного на свете. Имя, нарекаемое человеку, связано не только со днём его появления на белый свет, не только призывает покровительство того святого, чья память празднуется в день рождения. По Вышнему Промыслу в том виден предугаданный путь человека, от свободной воли которого, правда, зависит, следовать ли сим путём. Святой Василий Великий славен в истории Церкви не только своими богословскими трудами, но и обширной деятельностью по устроению Православной Церкви в IV веке.

Фроловна вскоре перешла жить в новый дом отца Михаила, куда в конце февраля переехала молодая семья уже с полуторамесячным Василием, и стала верной нянькою малышу. Она ходила за ним, ласкала и баловала первые годы, когда Господь даровал им деток одного за другим (хотя выжили только ещё сын и две дочки), и у Дуни на всех не хватало сил и рук.

Вот тогда приступила к нему тёща: пусть-де Васенька поживёт у них, и они по внуку скучают, и Дуне станет полегче, и малышу будет покойно. Что на это возразить?

От нежного ли сердца, от пережитых ли волнений отец Михаил так сильно полюбил сына, что жена с тещей посмеивались, а он бы и не отходил от маленькой колыбели. Мальчик был слаб. Плохо спал по ночам, просыпался очень рано, до заутрени. Отец целовал его в твёрдый лобик, а когда возвращался, отслужив обедню, те же ясные карие глазки внимательно смотрели на него.

– Голубь ты мой бессонный, что ты не спишь? – гладил он маленькие ручки.

Сердце болело от одной мысли о расставании, но он видел, как устаёт Дуняша, и уступил. Сам отвёз сына в дом тестя.

Правду сказать, трудными оказались первые годы их семейной жизни. Только-только рукоположили его в сан священника, только-только дали приход, и не из бедных – Троицкий храм в Ямщицкой слободе, где и стоял его купленный за сто тринадцать рублей домик, на крыше которого плотники По его указанию соорудили башенку с куполом, осенённым крестом. Из башенки совсем близкими казались дома городской окраины, окружённые садами и огородами, рядом – дома диакона, причетников, за большим и глубоким оврагом – поля. От красоты Божиего мира сердце замирало... Только бы и начинать жить по известному порядку, а нет!

Прихожане Троицкого храма хотели поставить своего священника и были обижены назначением отца Михаила. Прежний владыка Мефодий был на их стороне, но митрополит Платон решительно менял старые порядки и отдавал предпочтение при постановке настоятеля образованным. Отец Михаил не только закончил семинарию из первых, но и послужил в ней же учителем латинского языка – вот и был назначен.

Богатые ямщики и купцы не смирились. Решили не мытьём, так катаньем избавиться от неугодного попа. Они перестали платить за требы. И после молебна, крещения или отпевания напрасно отец Михаил топтался в сених, ожидая двугривенного или полтинника. Не давали. В церковной кружке монетки едва дно покрывали. Ладно хоть свечи покупали упорные противники молодого священника, продолжали женить и выдавать замуж своих детей да заказывать сорокоусты родне. Получилось, что ожидали достатка, а впали в полную бедность.

Поначалу молодой иерей пустился в траты: заказал икону Святой Троицы, уплатив пятнадцать рублей за работу да за доску восемьдесят копеек, приобрёл новые Типикон² и Псалтирь, а заодно и портреты особ царствующего дома от императрицы Екатерины Алексеевны до малолетних великих князей Александра и Константина, уплатив целых шесть рублей.

Похвастался жене, а она попросила денег на подушки и одеяла. Отец Михаил в кошель – там пусто. Беда! Правда, мир не без добрых людей: прихожане из кафедрального собора принесли кое-что бывшему дьякону, да ведь на одну милость людскую семьёй прожить нельзя. А сборы в храме один другого меньше.

Прожили так неделю, другую, месяц, и как-то вечером отец Михаил сказал жене:

– Ну, Дуняша, видно, посылает нам Господь испытание. Давай терпеть.

Промолчала молодая жена, хотя самым простым виделось – уйти от недобрых людей, попроситься вторым священником в какой-нибудь храм, всё лучше, чем считать копейки да кусочки. Был соборным диаконом, и то лучше жили. Но муж **решил**...

Мягок и незлобив был отец Михаил, а в делах прям и твёрд. Ни в чём не изменил он ни церковных служб, ни исполнения треб. С готовностью отправлялся в дома, служил неспешно, с благолепием, наставлял и утешал с ласкою. Дуня его, не опуская глаз, проходила в стареньком салопчике мимо богатых купчих. Каши с постным маслом да молоко в скоромные дни только и бывали у них на столе, если тесть с тещей не побалуют гостинцем.

² Типикон (или Устав) – церковно-богослужебная книга, содержащая в себе систематическое указание порядка и образа совершения церковных служб. К этому присоединены правила о пище для всех христиан, и особенно для монахов. В конце Типикона помещены храмовые главы, Пасхалия и Лунник.

И отступили ямщицкие притеснители. Сами же заправилы сговора принесли отцу Михаилу повинную и без утайки открылись на исповеди. Разом повернулась жизнь к лучшему. Чаше на столе появлялось коровье масло да курятина, возможным стало поправить прогнившее крыльцо, справить Дуне обнови: два новых платья – шёлковое и атласное, бархатный капор, две новые юбки да кофты, а мальчишкам новые штаны. Наконец расплатился с долгами, одарил Фроловну и других старух, помогавших по дому, – Алексеевну и Васильевну.

Терпением да смирением добился своего. Суровы жизненные уроки, тяжко их переносить, а запоминаются крепко...

Почему же Василий не хочет принять его правоты?..

В те давние годы он часто забегал в дом тестя после службы, чтоб только глянуть на сынка.

– Голубь мой ясноглазый, голубь мой тихонькой, узнаешь меня?

Первое слово, которое Вася выучился говорить, было «голубь».

Ходили по рядам неспешно, зная, что нужно купить и у кого. Корзины и оба мешка постепенно наполнялись. Ефрем находил товар, выбирал, торговался, а после обращался с вопросом:

– Батюшка, который окорок взять: этот, побольше, или этот, попостнее?..

От мясных рядов пошли в хлебный, где взяли баранок, расписных пряников, маковой жамки и орехов.

– Вот ведь дороговизна, – рассуждал Ефрем. – В год рождения вашего старшенького четверть ржи стоила четыре рубля, а нынче аж шесть! Крупа гречневая по-старому в шесть – шесть с полтиной, а яйца куриные – была сотня за шестьдесят копеек, теперь семьдесят! Да... Фунт говядины вместо трёх – пять копеек, а иной и шесть запрашивает! Ну времена...

Отец Михаил слушал его вполуха, отвечал рассеянно, а сам продолжал думать о Василии. Беда в том, что сын долгое время прожил под влиянием деда, который при всей строгости своей баловал внука почём зря. В доме бабушки и дедушки желания Васеньки были законом – того Васенька хочет, того не любит... Жили, конечно, побогаче. Дом тестя большой, две горницы с мезонинами, при каждой горнице топлюшка с простой печью, а в горницах печи голландские с изразцами расписными, стены заклеены бумажными обоями. Зеркало в раме красного дерева... Отец Михаил признавался Дуне, что ему всё равно, на чём сидеть и из чего есть и пить. Однако со временем купил серебряных ложек, большой пузатый самовар и часы с боем. Не жалел денег он на книги, выписывая из Москвы труды по философии, богословию, истории, благо их на русском языке стало появляться всё больше.

Пока сын жил вне отцовского дома, отец Михаил его часто навещал и заметил, что маленький Вася предпочитал общество мальчишек младше себя, позволяющих командовать и приказывать. С ровесниками дело иное, там Вася оказывался и ростом меньше всех (в мать пошёл), и силёнкою не богат.

Там же, в доме тестя, полюбил Вася одиночество, возможность забиться куда-нибудь в уголок и о чём-то думать. Правда, благодаря деду пристрастился к чтению. Надо бы радоваться, но беспокоила страстность тихого сына даже в чтении Священного Писания. Подчас такие вопросы задавал, что не скоро и сообразишь, что ответить. Как это Бог сотворил **небеса** в первый день творения, а **небо** – во второй?.. И все-то ему надо понять, и все-то у него какие-то сомнения... а что станет в академии?

Пленило мальчишку слово – **академия**, а не понимает того, что за словом может быть пустота. Знакомые рассказывали, что лекции читаются там кое-как, а большую часть дня студенты бродят по Никольской да по Красной площади, буянят, пьянствуют, распутствуют. Каково кровиночку свою бросить в этот омут праздности и развращения? В семинарии же совсем другое дело – вокруг монахи, лавра за высокими стенами...

– Батюшка, материи брать будете?

– Чего? – не сразу понял отец Михаил.

– Материи, говорю, матушке Евдокии Никитичне и дочкам брать будете? – пояснил Ефрем.

– Буду.

С деньгами у отца Михаила было по-прежнему туго, но хотелось порадовать домашних... да и знал, что тесть наверняка приготовит подарки дочке и внукам и не преминет невзначай полюбопытствовать, чем одарил их любезный зятюшка... Дуне надо покрыть новый лисий салоп, да ещё и на летнюю штофную епанчу, Оленьке и Грушеньке – материи на платица да бусы надо бы...

Дроздовых считали со странностями. Вдовый отец Михаила Фёдоровича Фёдор Игнатьевич долго служил приходским священником, но вдруг без видимого повода и ещё будучи в добром здравии передал приход старшему сыну, а сам удалился от семьи и стал вести жизнь почти монашескую, в посте и молитве. Жил скудно, в глубоком уединении, выходя лишь в церковь. Такое поведение выламывалось из привычного образа жизни коломенского духовенства. Отец Михаил и его старший брат Иван побуждений отца понять не могли и положили их не обсуждать. Оба знали, что в иных домах Коломны с усмешкою говорят о нищем иерее-богомольце, живущем с одной свечою и без часов, обходящемся хлебом с квасом да капусткой... Как тут забыть про обеспеченную и прочно устроенную родню тестя в Москве. Только начни разговор в его доме, наверняка отец Никита возьмёт сторону Васи. Так не лучше ли решить нынче же? Василия отвезти к Троице!

С этим решением отец Михаил вернулся домой, хотя объявил его вечером по возвращении из храма.

– Резоны твои, Василий, понятны, но я решил окончательно. С деньгами у нас скудно, но помогать будем, ты твёрдо надейся. На еду и на квартиру должно хватить. А ты всё ж таки просись на казённый кошт. Не сразу, а через полгода.

Тоненький светлоголовый подросток молча стоял перед отцом и теребил светлый пушок на подбородке. Возражать он не смел, но тонкие губы кривились с неудовольствием.

Бедная Евдокия Никитична замерла. Разговоры о месте продолжения учёбы Васи шли давно, но ей всё казалось, это нескоро. Неведомое место, мнилось, будто их соседний Бобренев монастырь вроде и не Коломна, но близко и знакомо. В глубине души таила она наивную надежду, что учебное дело Васи как-нибудь так само обернётся, что он останется дома. Оказалось же, что действительно надо ехать, и ехать далеко и ехать надолго... Тихие слёзы показались из материнских глаз.

– Там, полагаю, экзамен может случиться, – продолжал отец. – Так что сразу после праздника бери латинскую грамматику, Винклерову философию и зубри...

А Евдокия Никитична разом видела и нынешнего стройного и румяного Васю, и маленького, тщедушного, бледного, кричавшего от голода, а у неё пропало молоко, покупали коровье, и судачили втихомолку кумушки: «Ну, от скотского-то молока как есть поповский сын дурачком вырастет!.. Пастухом станет!» А нынче те же соседки поневоле хвалят её Васю да завидуют: он и послушный, и учёный, и вежливый, а их сынки дурни дурнями выросли! «Прости, Господи, за осуждение злобное! – осеклась Евдокия Никитична. – Скоро старость, а страсти не отпускают». А было попадье в ту пору тридцать пять годов.

В спальне наедине тоном помягче сказал отец Михаил жене перед долгими своими вечерними молитвами:

– Ты, мать, потихоньку одежонку его починяй. Сюртучок бы ему новый надо, да не получится справиться нынче. Ты тот его, фризový почисти. Хочется, чтобы не хуже других выглядел, а куда деться – приданое Олюше собирать надо... Особенно не спеши, милая, отправимся после Крещения.

Тёмная, звёздная и морозная ночь опускалась на тихую Коломну, на окраине которой в маленьком домике в четыре окна с чудесной башенкой на крыше готовились к близкому расставанию.

Глава 2

Ночные думы

Сон никак не шёл. Впал было в дрему под тихое бормотание отца, стоявшего на коленях в спальне перед божницею, но вдруг будто тёплой водою смыло всю сонливость.

Он уезжает!

Милая, любимая Коломна, которую обегал сотни раз, в которой все и всё знакомо, от высоких речных берегов до широких дорог, уходящих за городскими заставами на юг и на север, от дедовского собора и всех церквей до городских лавок... И здесь останутся матушка и батюшка, любимые сестрички и брат, дедушка и бабушка, и странный второй дедушка, и крестный, и добрая Фроловна, и нелюбимые семинарские учителя, и сосед, ласковый ямщик Николай, уже старенький, давно передавший своё дело сыновьям, – отчего-то полюбился ему Вася Дроздов, и дед Николай при встрече совал ему то пряник, то жменю семечек. Большому уж и неловко было брать, отдавал младшим... Прощай, дед Николай!

Василий осторожно повернулся на узком сундуке и лёг на спину. Растопленная к ночи печь дышала жаром, и он распахнул старенький армяк, которым укрывался. В правом углу перед иконой Спасителя едва мерцала лампада. Кот спрыгнул с печи и тёмной тенью скользнул на топчан, в ноги к меньшим. За окном сторож ударил в колотушку. Да уже час ночи...

Чего не жаль, так это семинарии с её вечно грязными коридорами, не топленными в лютые морозы классами, бесконечной латынью и схоластическими рассуждениями, неизбежно вгоняющими в сон и рьяного любителя премудрости. Одно хорошо: в толпе грубых и ленивых семинаристов Василий обрёл нескольких товарищей, которые понимали его и были интересны ему.

Поначалу его обходили и косились, зная, чей он внук и сын. Всегда чисто, даже щеголевато одетый, тихий, вечно с опущенным взором, он держался наособицу. Все знали, что Дроздов наизусть помнит уроки из риторики, истории, латыни. Прохладный круг одиночества ограждал его, был привычен, но и тягостен. Вот почему вдруг вспыхнувшее товарищество сильно скрашивало неказистую жизнь в семинарии. Теперь же друг любезный Гриша Пономарёв поступал в тверскую семинарию, и его очень будет не хватать, но Ваня Пылаев и Андрей Саксин тоже отправляются к Троице.

Как жаль, что батюшка не позволил ехать в Москву, как жаль. Василий ни разу не был в Москве, но по рассказам деда и отца представлял огромный город с большим Кремлем посредине. Древняя столица манила своими легендами о прошлом величии и нынешней бурной жизнью при государе Павле Петровиче, при котором, слышно, всё быстро меняется. Вышел указ об отмене телесных наказаний для духовных. Вс больше бывших поповичей-семинаристов становятся то докторами, то приказными чиновниками, иные выслуживают дворянство, покупают мужиков...

Василий нередко слышал такие мечтания в семинарии, раздумывал над ними, и они манили его, но душа на них не отзывалась. Он сознавал, что вполне мог бы пойти и в академию и в университет, светская карьера привлекала своим блеском, светский мундир много красивее немудрёной священнической рясы... А как смотрели дочери соседского настоятеля отца Симеона на офицеров, когда уланский полк проходил в петровский пост через город на новые квартиры. И Верочка, и Катенька, и Олечка глаз не могли оторвать от киверов, позументов, сабель, шпор... И бесполезно объяснять им, что не в блеске эполет подлинное счастье, подлинный смысл жизни. Ужасно обидно, потому что знаешь твёрдо: для тебя этот путь закрыт, а всё ж таки – слаб человек в семнадцать лет – невольно представляешь и себя на коне с саблею...

Как всё просто было в давние годы у дедушки Никиты. Долгими зимними вечерами Домника Прокопиевна сидела за прядением или шитьём при уютном огоньке сальной свечи, а вну-

чок рядом на маленькой скамеечке, и хорошо им было. Текли нескончаемые бабушкины рассказы о былом.

— ...а каких страхов я натерпелась в год рождения матери твоей. Объявились разбойники. Вожаком у них был атаман по прозвищу Кнут. Видно, успели его добрые люди отделать. На больших дорогах грабил с дружками купцов и всех прохожих, иных и убивали. Уж такого страху нагнали, что мы боялись за заставу выйти... Ловил разбойников присланный из Москвы сыщик Ванька Каин, сам из таких же. Вот он, говорили, и открыл, что гнездо душегубов на купеческих судах, а самих их чуть не полсотни. Ну, прислали солдат на конях и с ружьями, и они, конечно, разбойников одолели. Когда вели их в Москву, весь город сбегался посмотреть. Я в тягости была, сидела дома, соседки потом всё-всё порассказали, что видали... А то драки меж своими коломенскими случались, купцы у нас гордые, с норовом, чуть что не по ним — никому не спустят. Вот, помню, я ещё в девушках была, обиделись купцы на ямщиков городских за неуважение. Собрались да и разбили несколько дворов ямщицких, а иные и спалили. Всё так с рук и сошло. После кирпичники из Митяевой слободы вздумали на купцов жалобу подать. Куда там, купцы в суде так дело повернули, что кирпичники оказались во всём виноватыми, будто бы не их били и мучили, а они. Известное дело — с богатым не судись...

Строгий дедушка не одобрял бабушкиной бывальщины. Он звал Васю к себе, зажигал особенную свечу в серебряном подсвечнике и раскрывал большую тяжёлую книгу в потёртом кожаном переплёте.

Истории из Священного Писания были интересны для мальчика по-другому. Тут главным были не сменяющие друг друга цари и пророки, битвы и страдания простых людей, а Господь Вседержитель, по милости своей устроивший землю и всё на ней, открывший грешным людям законы жизни и пути спасения. Однако самой любимой была у Васи история ветхозаветного Иосифа, всякий раз трогавшая до слёз. Не раз случалось, что дед намеревался прочитать иное, что Вася упрашивал его прочитать про Иосифа. Посопев и побряхтев, дед соглашался. Усаживался удобнее, оглаживал седую окладистую бороду и громко и внятно, как и следовало читать Святую Книгу, начинал:

— Иосиф, семнадцати лет, пас скот вместе с братьями своими, будучи отроком... Израиль любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сын старости его; и сделал ему разноцветную одежду.

И увидели братья его, что отец их любит его более всех братьев его; и возненавидели его, и не могли говорить с ним дружелюбно...

И сказали друг другу: вот идёт сновидец;

Пойдём теперь и убьём его, и бросим его в какой-нибудь ров, и скажем, что хищный зверь съел его...

Когда Иосиф пришёл к братьям своим, они сняли с Иосифа одежду его...

И когда проходили купцы Мадиамские, вытащили Иосифа из рва, и продали Иосифа Измаильтянам за двадцать сребренников; а они отвели Иосифа в Египет...

Бабушка откладывала работу и тоже внимала древней истории, поглаживая голову самозабвенно слушающего внука. Как переживало детское сердце горе бедного отца и страдания самого Иосифа, но и как же было уверено в окончательном торжестве правды, ибо читал дед:

— ...И был Господь с Иосифом; он был успешен в делах...

Глаза старика скоро уставали. Он откладывал книгу, но малыш продолжал смотреть на него вопрошающе. Сейчас-то Василий понимал, что скромнее познаниями был протоиерей Никита, не такой великий книголюб, как батюшка, но прост и твёрд был в вере своей, сохранив до преклонных лет простодушное удивление перед величием Господа.

...Сколь лет живу, грешный, а не перестаю удивляться милосердию Господнему. Нам если кто причинит зло, иной изничтожить готов, а всемогущий Господь, жизнь и смерть нашу владеящий, нас, окаянных, терпит во всей скверне нашей...

Вася любил эти нечастые серьёзные рассуждения. Он как должное воспринимал сдержанность и внешнюю суровость деда, который был **перей**, стоящий между обычными людьми и самим Богом.

Когда же на праздники приходили гости, дед доставал гусли, засучивал рукава рясы и играл то церковные распевы, то протяжные песни, то плясовые мелодии, да так, что маменька с бабушкой в пляс пускались, там и крестный дядя Пётр... Только маленький Вася стеснялся, пока его не вытаскивали на середину круга, и приходилось вертеться и бить каблуками об пол.

Летом нередко отправлялись в гости к коломенским батюшкам, к знакомым купцам, но самыми памятными были посещения нескольких дворянских домов прихода. Там были не простые слуги, а лакеи в ливреях. Икон в комнатах было мало, на стенах всё больше висели здоровенные тарелки и картины, которые Вася со вниманием разглядывал. Хозяева встречали их в непривычных нарядах: в коротких кафтанах, с напудренными косичками и в диковинных чулках и башмаках. В таких гостях Васю за обедом сажали за отдельный столик с детьми, что было унижительно.

Вообще же мир в детстве виделся разумным и прочно устроенным. Сомнения возникали то при виде нищих слепцов, то ковыляющей на трёх лапах собаки, которую гоняли по базарной площади купеческие приказчики, а она послушно отбегала и просяще оглядывала людей.

В один из дней бабьего лета накануне Васиного поступления в семинарию пошли с бабушкой на кладбище. Навестили могилки своих и отцовских родных, помолились об упокоении душ умерших, прощении им всяческих грехов и даровании жизни вечной, перекусили яблоками с хлебом, посидели на лавочке у ворот, и тут бабушка сказала:

– Ох, грехи наши... Почитай сколько здесь лежит святых...

– Святые в церкви! – возразил внук.

– Те, что в церкви, их все знают, а сколько тихих, малых, одному Богу известных своим терпением да любовью, трудом да верою. Тут близ церкви духовные лежат, дворяне, подалше купцы, а остальные все – мужики да бабы, а они – не мещане, а дворовые да деревенские – всё народ подневольный, крепостной. Легко ли терпеть чужую волю!.. Помещики разные бывают. Иные подлинно родные отцы мужикам, а иные что звери хищные...

И потекли рассказы о свирепстве и жестокости владельцев крепостных душ.

–..А прошедшей зимой проехали наши слободские в лес за дровами и нашли замерзшего мальчика чуть ли не твоих годов. Оказалось, был в дворовых графа здешнего и как-то случайно – мальчишки народ резвый – разбил любимый графский цветок. Граф приказал пороть мальчика, да не один раз, а всю неделю. Малый на второй день едва живой был, да и сбежал. Лес рядом.

От побоев-то он ушёл, а в лесу от мороза куда уйдёшь?.. Собака какая-то его грела, да, видно, заснул он и не проснулся. После собаку эту на кладбище видели, где его отец твой хоронил.

– Бабушка, не эта ли собака по базару нынче бегала?

– Кто ж её знает...

– А граф?

– Граф он граф и есть. Он волен наказывать своих людей, как считает нужным. Говорят, правда, в дворянском собрании с ним иные здороваться перестали, да что с того...

Так обнаруживалось, что не все люди свободны, добры и счастливы, что в земном порядке имеются изъяны... Насколько же разумнее и добрее церковный образ жизни. Прав, прав батюшка!

Храм Божий для Васи Дроздова был привычен и знаком, как родной дом. Прежде всего, то было место особого присутствия Божия, особой благодати Господней. В храме детей крестят, взрослых венчают, покойников отпевают. Вся жизнь человеческая в главных её моментах оказывается связанной с храмом.

То был также дом молитвы. Конечно, молиться можно и дома, и Господь не пропустит искреннее обращение к нему, но всё же молитва в храме особенная. Скудость молитвы одного восполняется здесь сосредоточенностью другого, усиливается молитвами священнослужителей, подкрепляется присутствием Святых Тайн, пением и чтением священных текстов. Дед частенько повторял, что в храме одна молитва Господи, помилуй имеет гораздо большую силу, чем многие молитвы и поклоны на дому.

В детстве Вася отправлялся в храм с бабушкой. Идти было недалеко. И зимой по хрустящему снежку, и летом по мягкой травке Вася домчался бы в одно мгновение, но это не позволялось. Бабушка укоризненно качала головой, а дед мог потрепать за ухо:

– Не на ярманку летишь! Уважай храм Божий!

Как обижала тогда Васю непонятливость деда – ведь просто хотел поскорее переступить порог храма, ощутить привычный запах ладана, поставить свечки перед иконами, которые считал «своими»: Николая Чудотворца, Божией Матери Владимирской, Всех Святых и перед образом Спасителя... А после приходили другие люди и зажигали свои свечи от его огонька. Необъяснимо тепло и радостно становилось тогда.

Читались положенные молитвы, диакон обходил с курящимся кадилом весь храм, а после выходил перед царскими вратами и басом возглашал:

– Господу помолимся!

И певчие отвечали:

– Господи, помилуй!

И все в храме крестились и совершали поклоны, ибо нет людей вовсе безгрешных, и всякий молит о милосердии Господнем. Возглашал диакон прошения к Господу о здравии священнослужителей и всех молящихся, о прощении грехов наших, о благоденствии града и отечества нашего, дабы миновали его мор и голод, войны и внутренние распри; о спасении душ всех христиан возносятся моления, душ и живых и умерших... Можно ли остаться равнодушным к такой молитве?

Порядок службы Вася незаметно выучил наизусть, но ему никогда не надоедало смотреть, как появляется на малом входе дед из алтаря, торжественно-строгий и чуть незнакомый, вскидывает руку перед вознесённым Евангелием; как величаво, нараспев диакон читает святое Евангелие, как радостно и всякий раз со значением дед произносит молитву перед таинством Причащения.

Вася твёрдо и безусловно **знал**, что Господь незримо присутствует в храме, что искренняя молитва непременно дойдёт до Него, и Он пошлёт **благодать**, то неземное ощущение светлой теплоты и тихой радости, которые мальчик чутко выделял среди повседневных житейских чувств. В детстве он подходил к причастию каждое воскресенье. Замирало сердце от мысли, что Всемогущий Господь послал Своего Сына на крестные муки ради нас, таких обыкновенных, что Он дарует нам часть Крови Своей и Тела Своего для спасения душ наших... Двигутся люди ко святой чаше, все ласковы, добры и предупредительны: сначала дворянские семейства, потом они с бабушкой, потом остальные, будто действительно – братья и сёстры. Если б только можно было всегда так, всегда такими быть, то никто бы не погубил бедного мальчика. Эту бабушкину историю он почему-то запомнил навсегда.

Иногда крестный дядя Пётр водил его в кафедральный Успенский собор. Вася немного робел громадности храма, незнакомых людей и очень боялся совершить оплошность, ведь он был сыном и внуком уважаемых священников. Дядя Пётр брал его на колокольню. Запыхав-

шись от крутизны лестниц, Вася всякий раз бывал поражён открывавшимся сверху видом родного города, который ему никогда не надоедало разглядывать. Он видел и дедовский дом, и церковь, где крестили его, а в другой стороне – отцовский храм Троицы, луковку с крестом на крыше родного дома; торговые ряды казались совсем близко, а базарная площадь виделась даже маленькой. Прекрасно были видны оба храма недалёкого Бобренева монастыря.

Но ещё большее наслаждение Вася получал от колокольного звона. С первым ударом большого, многопудового колокола оглушала глухота, а после радостное тепло появлялось в груди. Звонарь Алексей перебирал перепутанные, казалось бы, верёвки, нажимал на дощечки, а то всем телом раскачивал язык большого колокола, и дивный благовест плыл над Коломной, сливаясь с перезвонами других церквей. Очень тогда хотелось Васе стать звонарём.

Отец однажды взял его с собой в Бобренев монастырь на празднование чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери и там сводил его в иконописную мастерскую. В полном восторге от увиденного он решил, что самое замечательное – это иконопись, благолепное выписывание образов святых. Отец похвалил его намерение, и строгий дед тоже...

– Ох, грехи наши тяжкие... – услышал Василий старушечий голос и шаркающие шаги из кухни по коридору, а там и увидел в неприкрытую дверь тёмную фигуру Алексеевны, просто-волосой, в бесформенной юбке и рубашке.

«Что это она вскочила?» – подумал Василий и тут только сообразил, что на соборной колокольне пробили уже четыре раза.

– Алексеевна, – шёпотом окликнул он, – что, уже утро?

– Известно, утро, – подошла она к двери, крестя раскрытый в зевоте рот. – Чего не спишь-то? Мне пироги ставить надо, а тебе, соколик, самое время сны бархатные видеть.

– Это какие ж такие бархатные? – улыбнулся юноша.

– А ты, голубок, ляг на правый бочок, закрой глазки и увидишь. Охо-хо... Господи, помилуй! Господи, помилуй меня, грешную...

Василий только закрыл глаза и мгновенно заснул глубоким счастливым сном.

Глава 3

В поисках счастья

За семнадцать лет до описываемых событий, в год рождения Василия Дроздова, произошло много примечательных событий в Российской империи и в чужих краях.

Матушка-государыня Екатерина отметила надворного советника Гаврилу Державина, сочинившего славную оду «Фелица». Был утверждён договор с Австрией о разделе Турецкой империи (до чего дело, правда, так и не дошло). Среди многих доносов императрица выделила те, в которых намекалось на намерение наследника, великого князя Павла Петровича, превратить возникшие в дворянских кругах масонские общества в свою опору для борьбы за трон... Но оказалось, что то не более чем пустой навет, правда, крайне неприятный и настораживающий. Радовал сердце внук Александр, в пять лет выучившийся читать, могший рассуждать с недетской серьёзностью, оставаясь по виду сущим ангелом: голубоглазый, с кудрявыми белокурыми локонами и ярким румянцем на нежном личике.

В ту пору государыня назначила ему законоучителем протоиерея Андрея Афанасьевича Самборского. Исходила она при этом из того, что отец Андрей многознающ, полжизни провёл за границей и потому сможет предоставить великому князю Александру и брату его Константину всю полноту познаний Закона Божия на новейшем европейском уровне. Петербургский митрополит Гавриил, правда, осмелился заметить, что уж больно не похож отец Андрей на православного священника: брит, ходит в светской одежде, женат на англичанке – ну совсем пастор, а не российский батюшка. Государыня этим мнением пренебрегла. Она вознамерилась приуготовить из внука подлинно европейского государя. Вот почему главными наставниками внуков были определены представители родовой русской аристократии во главе с генералом Николаем Ивановичем Салтыковым, а действительным воспитателем стал тридцатитрёхлетний швейцарский адвокат Фредерик Сезар де Лагарп, воодушевлённый высокими идеями.

Пруссия в ту пору готовилась к новым войнам, Англия и Франция богатели, хотя и по-разному. В Лондоне Вестминстер и Букингемский дворец смогли договориться о разделе власти ради сохранения себя самих в состоянии благополучия и всевозрастающего процветания. А в Париже Лувр по-прежнему видел себя вершиною власти, не сознавая, что таковой уже не является.

Франция действительно богатели: осваивались торговые фактории на Востоке, появлялись новые мануфактуры и фабрики, развивались торговля и банковское дело. Если бы жизнь человеческая зависела лишь от материальных обстоятельств, нормандцам, беарнцам, бургундцам и парижанам предстояло бы безоблачное житье на пути превращения во французскую нацию. Но человек несводим к одному желудку.

И как в ветхозаветные времена позавидовал Каин Авелю, сильно огорчился, восстал на брата своего и убил, так и французские верхи отвернулись от братьев своих меньших, считая их не более чем за полезный и безгласный скот, а низы ожесточились на аристократию и дворянство. И тёмная сила раздувала эту вражду.

Впрочем, на поверхности видно было лишь стремление к благу, даже **всеобщему благу**, уверения в желании **счастья для всех**. Зло ведь никогда не выступает под своим именем, старательно прикрываясь благородными намерениями.

Вдруг появилась масса памфлетов, воззваний, обличений, в которых истина переплеталась с клеветой, призывы к облегчению положения крестьян смешивались с требованием **равенства** вообще, вопреки самой человеческой природе. Звучал христианский лозунг **братства**, но всё было проникнуто духом вражды и приправлено едкой насмешкою. Громовый хохот стоял над французскими землями: осмеивалась религия, «тупое исполнение пустых обрядов»;

осмеивались старые порядки, по которым дворяне процветали за счёт нищих крестьян, живущих в землянках и питающихся просовой кашей; осмеивалась надменная королева Мария-Антуанетта, а там и сам король Людовик XVI. Но общество оказалось так разделено, что верхи – двор и аристократия – если и слышали шквал недовольства, то не признавали его значения.

Впрочем, иные отлично сознавали. Так на пожаре иной прохожий радуется случаю погреться, а ловкий вор – возможности поживиться. Братья короля прикидывали, как бы спихнуть Людовика с трона, жиреющая буржуазия мечтала о баронских и графских коронах на своих каретах, высшее католическое духовенство – все сплошь развращённые до мозга костей аристократы – готовилось к радикальному преобразованию Церкви... И так, интригуя, богатея и веселясь, Франция шла к кровавой революции.

Между тем в России на Францию продолжали смотреть снизу вверх, желая поучиться у просвещённой Европы премудростям и французской моды, и новейшей французской философии. Парижские просветители с готовностью пользовались денежной помощью, щедро предлагаемой российской императрицей, обменивались с нею прекраснотушными посланиями, которых нравственные рассуждения сильно бывали разбавлены неумеренной лестью повелительнице Северной Пальмиры. На её приглашение прибыть в Петербург не спешили, но наконец Дени Дидро решился. Екатерина Алексеевна предназначала его в наставники внуку.

Дидро ехал в дикую Московию с настороженностью и любопытством, полагая своей миссией просвещение глухой окраины мира, но вскоре понял, что Россия – сама **иной мир**, для него, естественно, чужой, но интересный. Он вращался в петербургском кругу галломанов, высшей аристократии, имел аудиенции у императрицы, посетил университет... Очень хотелось затеять ему дискуссию с русским духовенством, но те уклонялись.

Однажды на одном из приёмов во дворце Дидро решительно подошёл к митрополиту московскому Платону, которого ему рекомендовали как самого умного из русских архиереев. Проповеди митрополита, переведённые по приказу императрицы на французский язык, привели Дидро в восхищение ещё в Париже.

– А знаете ли, святой отец, – обратился на латинском языке философ к митрополиту, – что Бога нет, как сказал Декарт.

– Да это ещё прежде него сказано, – не замедлив, отвечал митрополит.

– Когда и кем? – спросил озадаченный невер.

– Пророком Давидом, – спокойно отвечал Платон. – Рече безумец в сердце своём: нет Бога. А ты устами произносишь то же.

Поражённый неожиданностью и силою отповеди, Дидро застыл, потом неловко обнял Платона.

В тот самый 1782 год в самарских степях, далёких и от Парижа, и от Петербурга, в имении вдовой помещицы Марии Лукиничны Яковлевой случилась беда. Владелица имения тяжело переживала смерть мужа. Потрясение оказалось столь велико, что и спустя полгода она продолжала сидеть, запершись в своей спальне, отказываясь видеть даже детей. Горе было понятно, но, когда горничная услышала, как госпожа увлечённо разговаривает с кем-то за закрытой дверью, в доме забеспокоились.

Вызвали сестру помещицы, жившую неподалёку. Та на цыпочках подошла к спальне и услышала знакомый голос, который жалобно просил:

– Евдоким, голубчик мой, ты меня никогда не оставишь? Я для тебя всем пренебрегла, даже детьми...

Повредила в уме – иного заключить было нельзя. Сестра пробовала войти в спальню, но бедная больная то на коленях молила оставить её с мужем, то с яростью бросалась выталкивать.

– Помогите, матушка, – просила старая нянька. – Деток больно жалко. Уж мы все молимся за неё, и детки молятся, а беда не уходит.

– Мы к ней хотели зайти, – рассказала старшая, двенадцатилетняя Аня, – а она закричала, что ненавидит нас, чтобы нас увели, мы ей больше всех мешаем.

– Потерпите ещё немного. Я вызову брата из Петербурга.

Спустя месяц приехал брат, предупреждённый обо всём. Решительно вошёл к больной и велел отворить окна. Та в бешенстве бросилась на него, царапая и кусаясь.

– Лошадей готовьте! – крикнул он.

– Умоляю вас, не разлучайте меня с мужем! – кричала. – Я умру без него!

Закутав в одеяло, он на руках вынес сестру и посадил в коляску, велел кучеру гнать в город «во всю ивановскую». Дорогою так кричала бедная, что прохожие в страхе крестились.

Брат привёз её в свой самарский дом. Шесть недель не отходили от неё он, вторая сестра и приходский священник. Она, казалось, не слушала их, то разговаривала сама с собою, то читала Евангелие, принесённое отцом Никодимом. Вдруг в одну ночь вскочила Мария Лукинична, бросилась к иконам и на коленях стала молиться.

– Позовите поскорее батюшку! – попросила она сестру. – Я хочу причаститься!

С радостью поспешил к ней отец Никодим. После причащения Святых Тайн так же возбуждённо обратилась она к сестре:

– Детей привезите, пожалуйста! – и облегчённо заплакала.

Мир и покой воцарились в доме. Вечером, когда спешно привезённых детей увели спать, Мария Лукинична рассказала брату с сестрой и священнику, что в эту решающую ночь ей во сне привиделся старичок и стал строго выговаривать, какое она делает страшное преступление против Бога и как она могла думать, что муж к ней ходит. «Ежели бы ты знала, с каким ты духом беседовала, то ты бы сама себя ужаснулась! Я тебе его покажу. – И она увидела страшное чудовище. – Вот твой собеседник, для которого ты забыла Бога и первый твой долг – детей!» «Помоги мне, грешной, – взмолилась она, – исходатайствуй прощение моему преступлению. Обещаюсь с сей минуты служить Господу моему, стану нищих, больных, страждущих утешать и им помогать». «Смотри же, – мягче ответил старичок, – исполни и тем загладишь своё преступление. Сейчас вставай и зови доброго пастыря, чтобы он тебя приобщил Святых Тайн».

Наутро Мария Лукинична привела детей к брату и сказала им:

– Вот ваш отец и благодетель. Он вам мать возвращает, и вы теперь не сироты.

Жизнь её действительно переменялась решительно. Детей стала воспитывать строго, не баловала. Шубы у Ани не было, ходила зимой, закутанная в платки. На завтрак детям подавали горячее молоко и чёрный хлеб, чаю не знали, в обед – щи, каша, иногда кусок солонины, летом – зелень и молочное.

Резвая Аня любила бегать, купаться, что поощрялось матерью, и лазить по деревьям, что строго запрещалось; много ходила пешком, ездила верхом. Мать приучила её читать Священное Писание и молиться.

Навещавшая их тётка, напротив, девочку ласкала. С осторожностью разговаривая с сестрой, она как-то решилась спросить:

– Зачем ты дочку так грубо воспитываешь?

– Я не знаю, в каком она положении будет. Может быть, и в бедном или выйдет замуж за такого, с которым должна будет по дорогам ездить – так и не наскучит мужу прихотями, всем будет довольна, всё вытерпит. А ежели будет богата, то к хорошему легко привыкнет.

Зимою жили в городе, и там Аня постигала другую науку – милосердия. Всякую неделю мать с дочкой хаживали в тюрьму, где раздавали деньги, еду и сработанные своими руками рубашки, чулки, колпаки, халаты. Больных Мария Лукинична лечила, кормила особенной пищею и поила чаем. Аня не стояла в стороне, подчас и раны обмывать приходилось.

Приходили в дом нищие – и оделялись деньгами, рубашками, башмаками. Сама их кормила за столом и заставляла детей прислуживать. Мало того, одного из своих дворовых она отрядила специально для поисков немощных и страждущих. Сколько бедных домов было у неё на содержании, сколько сирот выдала замуж!

– Ежели ты будешь в состоянии делать добро для бедных и несчастных, – нередко повторяла мать Ане, – то ты исполнишь закон Христов, и мир в сердце твоём обитать будет, и Божие благословение сойдёт на главу твою, и умножится богатство твоё, и ты будешь счастлива. А ежели ты будешь в бедности и нечего тебе дать будет, то и отказывай с любовью, чтобы и отказ твой не огорчил несчастливую, и за отказ твой будет тебя благословлять. Но в бедности твоей ты можешь делать добро: посещать больных, утешать страждущих и огорчённых. И помни всегда, что они есть ближние твои и братья, и ты за них будешь награждена от Царя Небесного. Помни и не забывай, мой друг, наставления матери твоей...

Так в трудах и молитвах текли дни доброй помещицы, и никто не ждал их скорого пресекновения. Но вот как-то арестанты увидели в дверях одну Аню с узелками.

– Жива ли наша благодетельница?

– Жива, – ответила девочка, – но больна. И говорят, опасно.

Болезнь навалилась на Марию Лукиничну вдруг и разом придавила её. Все вокруг и сама она сознавали, что наступили последние дни земной её жизни. И вот тут откуда-то возникли соседи – Елизавета Фёдоровна Карамышева с сыном Александром Матвеевичем, двадцати семи лет. Повадились ездить на весь день. Мать сидела с больной, а сын – с Аней в гостиной. Ей эти посещения были неприятны, а отчего – понять не могла.

Александр Михайлович рассказывал о своей военной службе, о поездках по России, а то просто смотрел на неё и странно улыбался.

В мае переехали в деревню. Больная едва отошла от дороги, как велела позвать Аню.

– Вот что, друг мой, – слабым голосом сказала Мария Лукинична. – Выслушай от меня спокойно всё, что я буду тебе говорить. Ты видишь, что нет надежды к моему выздоровлению. Я не боюсь смерти и надеюсь на милосердие Спасителя, но горько мне тебя оставить в таких годах... Брата твоего я пристроила, а у тебя есть другая мать и покровитель. Не откажи только признать их за таковых. Дай мне спокойно умереть!

Девочка от усталости и ошеломления даже не заплакала.

– Я, маменька, никогда вашей воле не противилась...

– Так знай, что я тебя помолвила за Александра Матвеевича и ты будешь скоро его женою. Будто одеревенела тринадцатилетняя Аня.

– Ты поняла меня?

– Кто же будет ходить за вами, маменька?

– Тебя со мною не разлучат. Да и недолго уже...

Со свадьбой не медлили, но далее жизнь пошла не так, как ожидала Аня. С матерью её разлучили, несмотря на горькие слёзы и отчаяние. Муж отвёз её в свою деревню, в небольшой старый дом, где отвёл ей комнату, объявив, что она должна слушаться во всём его и его племянницу, которая с ними будет жить постоянно, и даже спать будет с ним в одной спальне, так как очень любит дядю, и ей тягостно ночь провести, не видевши его. Но говорить об этом никому никогда не надо. Так много горя обрушилось на Аню, что у неё и сил не осталось удивиться, почему нельзя говорить никому о горячей любви племянницы к дяде.

Началась новая жизнь, чаще – беспросветно тягостная, реже – дарящая утешение. Будто знала покойная Мария Лукинична, к чему надо готовить дочку. Муж был способен и удачлив по службе в горном ведомстве, имел влиятельных покровителей и хороший доход, но деньги уходили на игру и гульбу. С женою был то груб и злобен, то насмешлив: в Великий пост заставлял есть мясной суп, а то предлагал ей завести любовника. «Племянница» вскоре пропала, но он ни одной юбки не мог пропустить. Дома своего не было – снимали квартиры то в Петер-

бурге, то в Петрозаводске, то в Архангельске, то кочевали по Малороссии. Так прожила она без малого двадцать лет.

Но всё имеет конец на этом свете. Похоронив мужа, Анна Евдокимовна вскоре вышла замуж за Александра Фёдоровича Лабзина, молодого (на восемь лет моложе её) чиновника секретной экспедиции Санкт-Петербургского почтамта. Сблизило их испытываемое обоими сильное религиозное чувство и с удивлением открытое друг в друге стремление ещё более приблизиться к Господу, полнее и глубже, чем проповедуют священники в церкви, понять учение Христово.

В то время русское дворянство оказалось оторванным от родных корней народной жизни и православия. Могучей рукою Петра была вырыта пропасть между дворянским слоем и основной массой народа, немногие могли преодолеть её. Большинство же, пытаясь удовлетворить естественную тягу души к духовному просвещению, обратилось к мистическим учениям, во множестве появившимся в Европе. Масонство виделось желанным лучом света, и многие спешили на этот свет.

В книге «О заблуждениях и истине» одного из Виднейших европейских мистиков Сен-Мартена говорилось: «Следить за материей – значит толочь воду. Я познал лживые науки мира сего и познал, почему мир не может ничего постичь: на эти науки направлены только низшие способности человека. Для наук человеческих нужен один разум, оне не требуют души; между тем для наук божественных разума не нужно, ибо душа их вся порождает...» Масонство предлагало организованные формы для проявления такого рода мистических настроений.

Казалось бы, явными противниками масонства были вольтерьянствующие вольнодумцы. Отзыв их кумира об учении Сен-Мартена был таков: «Не думаю, чтобы когда-либо было напечатано что-либо более абсурдное, более тёмное, сумасшедшее и глупое, чем эта книга». Между тем поэмы Вольтера, самый дух его сочинений, широко известных во всех домах столичного и отчасти провинциального российского дворянства, был пронизан ядом насмешки и ненависти к святыням христианства, что с очевидностью также влекло от церкви, от веры отцов и дедов.

При всей закрытости масонства известно было, что цели оно Провозглашает самые благородные и чистые, что все входящие в общество (и князья и лавочники) считались братьями и обязаны были помогать друг другу. Масонство выглядело неким собранием благородных людей. Пылкий и чистый сердцем Лабзин с радостью принял предложение о вступлении в общество, и жена поддержала его. Оба желали посвятить себя делам милосердия и благотворения, дабы увеличить счастье на скудной добром земле.

Продвигаясь по этому пути, Лабзин стал видным масоном и в 1800 году основал в Петербурге новую ложу. Анна Лабзина стала его верной помощницей и даже, в нарушение масонских правил, запрещавших участие женщин, присутствовала на некоторых заседаниях, что, впрочем, не указывалось в протоколах.

Власть занимала в отношении масонов позицию смутную. Открытого преследования их не начинали, поскольку в масонство вошли сливки русской аристократии – князь Андрей Борисович Куракин, князь Григорий Петрович Гагарин, граф Яков Алексеевич Брюс, граф Пётр Разумовский, барон Строганов. С другой же стороны, власть не могла смириться с существованием в государстве тайной организации, прямо связанной с иностранными державами и преследующей неясные цели. Государыня Екатерина Алексеевна вознамерилась побороть зло. Приближённые её (сами почти сплошь вольные каменщики) указали противника – Николая Новикова³.

³ Новиков Николай Иванович (1744–1818) – русский просветитель, писатель, журналист, издатель. Выпускал сатирические журналы «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелёк». В 1779 г. арендовал на 10 лет типографию Московского

Расчёт был прост. Новиков, верно, принадлежал к масонскому обществу и был чрезвычайно активен в своей деятельности, однако не совсем в той сфере, в какой желательно было бы обществу. Во взятой в аренду университетской типографии для всемерного распространения **просвещения** в России он издавал сотни книг, от букварей и учебников до богословской и философской литературы. А в Зимнем дворце помнили, как недовольна была государыня многими публикациями в давних новиковских журналах, где прямо звучала насмешка над иными её драматическими творениями. Молодой Новиков принял за чистую монету вольнолюбивый дух екатерининского Наказа⁴, забыв, что опасно задевать самолюбие автора, тем более автора венценосного и очень памятливого. Приманка сработала.

Высочайшим указом императрицы от 23 декабря 1785 года московскому главнокомандующему графу Брюсу и высокопреосвященному митрополиту московскому Платону предписывалось освидетельствовать издания типографии отставного поручика Новикова, ибо, как отмечалось, из оной типографии выходят «странные книги». Митрополиту Платону поручено было также испытать самого Новикова в православном законе, «а в книгах типографии его не скрывается ли умствования, несходных с простыми и чистыми правилами веры нашей православной и гражданской должности».

26 января 1786 года митрополит Платон донёс государыне, что поручик Новиков призван был и испытан в догматах православной греко-российской Церкви и оказался примерным христианином. Изъятые книги митрополит разделил на три разряда: 1) книги собственно литературные, которые по скудости литературы отечественной желательны к распространению; 2) книги мистические, которых высокопреосвященный просто не понял и потому судить о них не может; 3) книги самые зловерные, развращающие добрые нравы и ухитряющиеся подкапывать твердыни святой нашей веры. «Сии-то гнусные и юродивые порождения так называемых энциклопедистов, – писал митрополит Платон, – следует исторгать, как пагубные плевели, развращающий добрыя нравы». Спустя Два месяца указом государыни графу Брюсу дано было знать, какие книги изъять из книжных лавок и сжечь. Дополнительно московскому главнокомандующему было сообщено, что государыне приятно будет, ежели после окончания аренды Новиковым университетской типографии сия аренда не будет возобновлена.

Таким образом, удар по масонству вроде бы и был нанесён, но цели не достиг.

В первый день нового 1800 года молодая жена великого князя Константина Павловича принцесса Юлиана Сакс-Кобургская едва не умерла от страха. Рано утром, когда за окнами Зимнего дворца было совсем темно, а в коридорах ещё не началось тихое мельтешение слуг и придворных, принцесса, принявшая в православии имя великой княгини Анны, была разбужена оркестром трубачей, прямо под её дверями проигравшими «зорю». Сделано было сие по приказанию её супруга, большого шутника, великого князя Константина. Бедную принцессу трясло весь день, что искренне забавляло её мужа.

Великая княгиня Анна не осмелилась пожаловаться императору, но своей свекрови императрице Марии Фёдоровне излила всё негодование, заявив, что у неё недостаёт сил переносить дикие чудачества грубияна мужа и она намерена покинуть Россию. Мария Фёдо-

университета и переехал в Москву. Издавал книги по всем отраслям знаний, в том числе религиозно-мистические, а также газету «Московские ведомости». Сплотил вокруг себя писателей, публицистов, переводчиков, арендовал ещё 2 типографии, организовал «Типографическое общество». Основал ряд библиотек, школ в Москве, сеть книжных магазинов в 16 городах. По приказу Екатерины II заключён в Шлиссельбургскую крепость, где просидел с 1792 г. по 1796 г. Освобождён Павлом I, но вернуться к общественной деятельности не смог.

⁴ ...вольнолюбивый дух екатерининского Наказа... – Наказ Екатерины II – философско-юридический трактат, изданный на русском, немецком, французском и латинском языках в качестве руководства для депутатов Комиссии об уложении 1767 г. Состоял из 22 глав, 655 статей государственного, уголовного и гражданского права, а также вступления, заключения и 2-х дополнений. Фразеология просветительских теорий сочеталась в этом Наказе с обоснованием необходимости самодержавия в России, с рекомендацией барщины и т. п. Практического применения не имел.

ровна, как могла, успокаивала бедную немецкую девочку, польстившуюся на великокняжескую корону.

Позднее принцессу успокаивали на половине наследника престола, великого князя Александра. Его молодая жена великая княгиня Елизавета Алексеевна (ещё недавно – принцесса Луиза Баденская) жила в полном мире и согласий с мужем. То была удивительно Счастливая пара.

Двадцатитрёхлетний великий князь Александр Павлович обладал очарованием редкого красавца (в отличие от брата Константина, курносого, лысоватого, с грубым голосом и резкими движениями). Улыбку его называли не иначе, как «ангельской», грация его движений и величаявая поступь порождали сравнения с Аполлоном. При всём том, наследник сформировался в дворцовой атмосфере трусости и стяжательства, смелого разврата и наглого лицемерия как умелый царедворец.

Он рано научился скрывать свои подлинные чувства и мысли, и от покойной бабки, и от строгого отца. Шатки и неопределённые были внушённые Лагарпом идеи республиканизма и свободы... Мягкость характера, природные доброта и лень порождали в нём мысль об отказе от престола, и он долго лелеял мысль о жизни свободного гражданина на берегу Женевского озера, однако притягательность царской власти оказалась несравнимо сильнее. Церковные обряды он послушно выполнял, но в атмосфере мистицизма, питаемой то вольтерьянством, то масонством, то идеями отцов иезуитов, которые осмелели в России при Павле Петровиче, великий князь стал сущим космополитом.

Впрочем, мысль о благе отчизны была для него важна, чувство долга оставалось твёрдым. Он сознавал крайнюю неготовность брата Константина для российского престола и видел растущее недовольство столичного дворянства батюшкиным правлением... Императорская корона надвигалась на него. Он и страшился этого, и очень желал...

Глава 4

Первопрестольная

Москва встретила отца и сына Дроздовых празднично. На пути в лавру они собирались остановиться в ней на денёк, а пробыли без малого неделю. День за днём пролетали в богослужениях, сидении за столом в доме деда Александра Афанасьевича, его сына Григория, служившего диаконом в церкви Иоанна Воина, и отцовского зятя Сергея Матвеевича, чиновника Московского епархиального управления (с помощью которого отец хлопотал о месте диакона для своего будущего зятя Иродиона Сергиевского). Сколько было съедено! Сколько услышано новостей и житейских историй! Сколько было увидено красоты и редкостей! У Василия голова шла кругом.

Первым делом сходили к Иверской. Часовня у Воскресенских ворот Китай-города пылала жаром множества свечей, Черета самых разных людей продвигалась медленно перед иконою, тут по виду были мещане и мужики, купчихи и закутанные в платки бабы с детками, которых они поднимали приложиться к святыне; тут же с десятков дворян и дворянок теснились вокруг священника, служившего молебен, как пронеслось вокруг, «для новобрачных». Но Василий не сумел разглядеть жениха с невестой.

На пути к отцовским родственникам – родителям жены отцовского брата Ивана Фёдоровича – прошли шумной Неглинною, по правой стороне которой на одном из московских холмов стоял Рождественский монастырь. Самой речки не было видно. По словам отца, на масленицу здесь устраивались знатные ледяные горы. Отец Михаил и радовался Москве, и побряхтывал от частых непредвиденных расходов то на сбитень и пирожки для Васи, то на дивной работы лампы (в подарок тестю и для дома), которые он присмотрел в лавке на Никольской и не мог не купить. А Василий с изумлением и робостью постигал после коломенского захолустья новую для него жизнь большого города.

В волнениях и хлопотах старший Дроздов едва не забыл наказ своего отца Фёдора Игнатьевича: непременно сходить в Новоспасский монастырь к старцу Филарету. Признаться, сам отец Михаил большой нужды в том не видел, да и времени мало у них, но ведь почему-то же молчаливый и несловоохотливый батюшка просил... Пошли в Новоспасский. Через густую толпу едва пробрались к келье старца, благо облачение иерейское помогло. Седенький старик едва глянул на отца с сыном, как руки протянул к ним:

– Милые мои, я вас заждался!

Дроздовы переглянулись с удивлением.

Старец начал свой монашеский путь с Саровской пустыни, был переведён в Александрово-Невскую лавру, а лет десять назад обосновался в Москве. Он славился исключительной прозорливостью; митрополит Платон назначил его духовником инокини Досифеи (дочери от тайного брака императрицы Елизаветы и графа Разумовского); православным книжникам известно было его немалое собрание рукописной святоотеческой литературы. Ничего этого Дроздовы не жали. Помимо неожиданного приветствия их поразила умильная кротость и ласковость старца.

– Благословите, отче, отрока Василия, – попросил отец Михаил. – В семинарию поступает.

Старец пристально вглядывался в лицо младшего Дроздова, так что Вася даже смутился и потупился.

– Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! – торжественно произнёс отец Филарет твёрдым голосом, осеняя крестом юношу, и неожиданно добавил: – А в другой раз ты меня благословишь...

Старец помолчал ещё и заговорил будто сам с собою:

– ...кто хочет идти за Мною, отвергись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною... Много званных, но мало, ох, мало избранных...

Келейник сделал им знак, и Дроздовы дошли к двери. На пороге ещё оглянулись и поразились прямому и счастливому взгляду старца: он радостно улыбался!

– Понравился ты ему, видно, – задумчиво сказал отец Михаил. – Надо полагать, с семинарией всё обойдётся.

Сын не ответил. Он заново переживал короткие минуты пребывания в полутёмной келье и непонятное пророчество.

В доме московского деда Василий бросился к книжной полке, на которой выстроились толстые и тонкие тома в твёрдых тёмных переплётах с золотым тиснением. Библия на славянском, Псалтирь тоже на славянском, «Грамматика» Ломоносова, творения Блаженного Августина на латыни, «Древняя Российская Вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений»... Интересно...

«Не всё у нас ещё, слава Богу, заражены Францией; но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся; с не меньшим удовольствием увидят некоторые начертания нравов их и обычаев и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотою. Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземных народов, но гораздо полезнее иметь сведения о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранным; но стыдно презирать своих соотечественников, а ещё паче и гнушаться оными».

– Батюшка! Какая хорошая книга! – обратился к отцу Василий.

– Книга, может, и хорошая, – осторожно сказал отец, – но ты всё ж таки поставь её на место. Издателя её, Новикова, только недавно из крепости выпустили.

По Кремлю его водил отец. Василий увидел первую церковь, поставленную на Москве, – Рождества Иоанна Предтечи, от которой открывался прекрасный вид на Замоскворечье. Неподдалёку древний собор Спаса на Бору с богатейшим убранством, но удивительно маленький, как образ ушедшего в историю Московского княжества. И будто для сравнения за ним возвышался величественный кафедральный Успенский собор, главный храм Московского царства. Для его осмотра дедушка Александр Афанасьевич назначил особенный день.

Василий был поражён громадностью храма уже при первом посещении службы. Нынче, отерев нос и щёки и распутав концы башлыка, он вдруг увидел то, чего не мог понять сразу: строгую красоту устройства и убранства храма.

Усталый отец присел у свечного ящика, а юноша, задржав голову, обходил храм. Подолгу стоял он у росписей стен собора. Западную сторону почти всю занимало изображение Страшного суда, северную – вселенских соборов. На огромных столпах – фигуры мучеников христианских, ибо они служат опорой и утверждением Божественной Истины.

Иконостас был грандиозен, возвышаясь во всю высоту собора на пять ярусов. Иконы на верхнем, пятом, были почти неразличимы, там вокруг Бога Саваофа помещались образы древних праотцев и патриархов, на четвёртом – пророков ветхозаветной церкви, с иконой Знамения Божией Матери посредине. На третьем иконы церковных праздников и евангельских событий. На втором – в человеческий рост изображения Спасителя в образе Великого Архиерея с предстоящими перед ним Богородицею, Иоанном Предтечей и апостолами. Нижний ярус, как и в любой Церкви, посвящался местным иконам, но среди них была одна – святыня всероссийская.

– Владимирская икона Божией Матери, написанная ещё при жизни Пресвятой Девы евангелистом Лукой, была вывезена из Царьграда в Киев в шестом веке, – сказал подошедший дедушка Александр. – Князь Андрей Боголюбский привёз её во Владимир на Клязьме – отсюда и название образа, – а в Москву впервые привёз её великий князь Василий Первый, дабы обо-

ронить город от жестокого нашествия. Сколько чудесных избавлений и исцелений случилось благодаря этому дивному образу, едва ли кто скажет... Пойди приложись.

С благоговейным трепетом юноша прикоснулся губами к холодному серебряному окладу, укрывавшему образ, перекрестился и совсем близко увидел дивный лик, в котором и умиление, и печаль, и утешение, и упование твёрдое... Никто не ведал, что было тогда в сердце его.

Дедушка рассказывал такие интересные вещи, что не только Василий, но и отец слушал с увлечением о царском и патриаршем месте, о троне Владимира Мономаха и упокоившихся здесь первосвятителях российской церкви, начиная с митрополита Петра до митрополитов Ионы⁵, Филиппа⁶, Гермогена⁷.

Людей в храме не было видно, лишь возле дверей какой-то служка не спеша тёр веником каменные плиты пола. Отец и дедушка свернули за толстый столп, и Василий не удержался – уселся на патриаршее место под невысоким сводом, опирающимся на витые столбики тёмного дерева.

– Зря примериваешься, выюноша, – с улыбкою и совсем не строго сказал вдруг вышедший из-за столпа Александр Афанасьевич. – Государь Пётр Алексеевич патриаршество на Руси отменил⁸. Теперь у нас Синод.

⁵ Иона – митрополит Московский. После смерти митрополита Фотия (1431) собор русских иерархов избрал на митрополию Иону, но в то время назначение митрополитов происходило от греческого патриарха, а последний поставил митрополитом не только всея Руси, но и Литвы епископа смоленского Гервасия. Иона продолжал именоваться наречённым митрополитом до 1448 г., когда собором русских епископов был торжественно поставлен митрополитом московским и всея Руси. Таким образом со времени Ионы начался период фактической независимости московских митрополитов от греческих патриархов. Митрополит Иона деятельно помогал великому князю московскому в собирании Руси воедино. Умер в глубокой старости в 1461 г.

⁶ Филипп – см. коммент. № 45.

⁷ ...упокоившихся здесь первосвятителях российской церкви, начиная с митрополита Петра до митрополитов Ионы, Филиппа, Гермогена. – Пётр, святой, митрополит всея Руси. Родился во второй пол. XIII в. Двенадцати лет поступил в монастырь, где научился писать иконы и отличался подвижничеством. В 1305 г. был избран митрополитом всея Руси и поселился в Москве, приняв сторону князя Юрия московского, боровшегося тогда за великокняжеское достоинство с Михаилом тверским. Вследствие этого Пётр был обвинён тверским епископом Андреем, но на соборе в Переяславле в 1311 г. оправдан. После смерти князя Юрия окончательно поселился в Москве, где деятельно помогал князю Ивану Калите в возвращении Московского княжества. Именно по совету Петра Калита построил в Москве кафедральный собор во имя Успения Богородицы. Умер в 1326 г. Гермоген (ок. 1530–1612) – патриарх всероссийский с 1606 г. по 1612 г. Его деятельность протекала в трудное для России время, названное в истории Смутным. И патриарх Гермоген оказал тогда государству Русскому и Церкви неоценимые услуги. Родился он в Казани, где и оставался до избрания его на престол всероссийского патриарха. В 1605 г., присутствуя на соборе в Москве, созванном по случаю помазания Лжедмитрия на царство, Гермоген оказал мужественное сопротивление самозванцу по вопросу о бракосочетании его с Мариной Мнишек, за что был удалён в Свою епархию в Казань. Вскоре после восшествия на престол Василия Шуйского был созван собор, который, низложив патриарха Игнатия, поставленного Лжедмитрием, избрал в июле 1606 г. Гермогена казанского патриархом. Во время восстания Болотникова, когда мятежники подступили к самой Москве, Гермоген разослал по городам грамоты с объяснением тяжёлого положения Москвы и царя. Грамоты произвели должное впечатление: народные ополчения двинулись к Москве, и с их помощью мятеж был подавлен. С низложением Шуйского начался особенно важный период деятельности Гермогена. Когда на московский престол была выставлена кандидатура королевича Владислава, Гермоген потребовал, чтобы он принял православие, но из переговоров об этом с королём Сигизмундом Гермоген понял, что тот сам рассчитывает сесть на русский трон. Поэтому Гермоген всячески протестовал против входа в Москву гетмана Жолкевского с войском. Когда бояре потребовали подписи патриарха на грамоте, предписывавшей Смоленскому сдаться и положиться на волю короля, он ответил отказом. Отсутствие его подписи на грамоте дало повод московским послам отказаться от этого приказания. Замыслы поляков покорить русскую землю стали очевидны всем. Гермоген, устно проповедуя и рассылая грамоты, увещевал народ крепко стоять за православную веру. Грамоты патриарха вызвали большой подъём патриотического чувства русских. Стали собираться народные ополчения и двинулись к Москве для освобождения Родины. Поляки и бояре, стоявшие на их стороне, под угрозой смерти требовали от патриарха, чтобы он приказал ополчениям разойтись. Патриарх не сделал этого и был заключён в Чудов монастырь, а когда казаки провозгласили царём сына Марины Мнишек, Гермоген из заключения послал в Нижний Новгород грамоту с протестом. В 1612 г. 22 октября Москва была очищена от поляков народным ополчением под предводительством князя Пожарского и Козьмы Минина. Но патриарх не дождал до этого. Он скончался 17 февраля 1612 г., уморённый голодом поляками.

⁸ Государь Пётр Алексеевич патриаршество на Руси отменил. – Патриаршество в России было учреждено при царе Фёдоре Иоанновиче в 1589 г., когда ослабела зависимость русской Церкви от Византии. В разные периоды истории значение патриаршей власти было различно – это зависело от условий, в которых патриарху выпадало действовать. Бывали периоды, когда патриархи не играли крупной роли и только стремились сохранить привилегии духовенства. Случалось же и так, что патриархи правили независимо и наравне с царями. Так было при Филарете (Романове) (см. коммент. № 33), носившем титул «великого государя»; при Никоне (см. коммент. № 42), принявшем такой же титул. Но патриаршая власть в России стала слабеть. В 1700

Василий мгновенно покраснел от стыда, но отец был задумчив и не сделал ему выговора за глупую шалость.

В алтаре они увидели величайшие святыни: Ризу Господню, привезённую в Москву послами персидского шаха, Гвоздь Господень, доставленный из Грузии, часть Ризы Пресвятыя Богородицы. Только крестились благоговейно Дроздовы и радовались, что сподобились такого счастья.

– ...Сия дарохранительница из червонного золота – дар светлейшего князя Потёмкина-Таврического⁹. В сём ларце покоятся государственные акты о престолонаследии... – Дедушка Александр неожиданно весело посмотрел на своих спутников. – А вот вам, говоря латинской поговоркою, *non multa, sed multum*, что означает: не много, но многое!

Таким знатокам латыни, как Дроздовы, перевод не был нужен. Они вопрошающе взирали на небольшой сосуд из тёмного камня, который бережно держал старый соборный ключарь.

– Сосуд сей из яшмы с финифтяной змейкой, символом вечности, по меркам земной жизни почти вечен, ибо служил ещё Августу Кесарю, от которого перешёл к византийским императорам, а от них попал к Владимиру Мономаху¹⁰. Подлинно пыль деков впитала эта чаша... Подержи, Васенька, подержи.

Август, Рим, ещё Господь не сошёл на землю, и он, Василий Дроздов, держит в руках это немое свидетельство протёкших веков. Значит, и сам он также часть не только огромного Божиего мира, но и пёстрой всемирной истории... Собор преподал ему ошеломляющие открытия, которые предстояло обдумывать и постигать во всей полноте.

Подойдя к патриаршей ризнице, все трое почувствовали усталость и решили отложить её осмотр на потом.

Отошли от ризницы и невольно подняли глаза на стройную громаду колокольни Ивана Великого. Будто рослый богатырь в золотом шеломе стоял посреди древнего городища, зорко оглядывая, не идёт ли откуда враг.

– Красота-то какая, Господи! – выдохнул отец.

– Батюшка, пойдёмте колокольню посмотрим! – И устал, и голова гудела, и ледяной ветер с реки разгулялся, но невозможно было отойти просто так от очередного чуда.

– Ты, Васенька, иди-ко сам, скажешь там, что я позволил, – решил дело дедушка Александр. – А мы с твоим батюшкою отправимся перекусить. Наморозишься – беги скорей в дом.

Квартира соборного ключаря располагалась в покоях старого Патриаршего двора позади Успенского собора.

Сам не понимал, отчего вдруг ушла усталость. Нош несли его всё выше, всё дальше по высоким потёртым белым ступеням внутренней лестницы, шедшей внутри пятиметровой толщи стены. Так же ходил царь Иоанн Васильевич Грозный, едва не задевая скуфейкой чернеца за своды.

Торопясь и поскальзываясь, он обошёл первый ярус, протискиваясь мимо громадных колоколов, каждый из которых был больше их самого большого соборного. На второй ярус вела

г., после смерти патриарха Адриана, царь Пётр I, не решаясь сразу отменить патриаршество, назначил местоблюстителя патриаршего престола, а в 1718 г., заменяя приказы коллегиями в государственном управлении, заменил и единоличную власть патриарха коллегией: постоянным сбором духовного правительства, – ибо на церковь Пётр Алексеевич смотрел не с духовной точки зрения, как на общество верующих, а с государственной, как на учреждение правительственное. Таким образом духовная коллегия (впоследствии Св. Синод) стала высшим духовным и правительственным учреждением в России. (Восстановлено патриаршество в России на поместном Соборе русской Православной Церкви 5 (18) ноября 1917 г.)

⁹ Потёмкин-Таврический – Потёмкин Григорий Александрович (1739–1791), русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (с 1784 г.), организатор дворцового переворота 1762 г., фаворит и ближайший помощник императрицы Екатерины II. Способствовал освоению Северного Причерноморья, руководил строительством Черноморского флота. После присоединения Крыма получил титул светлейшего князя Таврического.

¹⁰ ...ибо служил ещё Августу Кесарю, от которого перешёл к византийским императорам, а от них попал к Владимиру Мономаху. – Август Кесарь – Гай Юлий Цезарь Октавиан, римский император в 27 г. до н. э. – 14 г. н. э. Владимир II Мономах (1053–1125), с 1113 г. великий князь киевский, сын Всеволода I и дочери византийского императора Константина Мономаха.

уже витая металлическая лестница. Тут оказалось попросторнее, но тянуло дальше. Третий ярус ошеломил тем, что огромный город отсюда виделся сжавшимся вдвое.

Далеко внизу медленно тащилось множество саней, редкие кареты на полозьях. Хорошо было видно пёструю толпу на Красной площади, где снега будто и не было, а вдали на самом краю горизонта пустыри, рощи, укрытые снегом, какой-то дворец красного камня, поближе – невиданная сизая громада с остроугольной башней. Да это Сухарева башня!

За несколько минут он продрог до костей и с сожалением должен был уйти, не разглядев всего. Но, проходя мимо первого яруса, не выдержал, вышел на обзорную площадку с балюстрадой и, протаптывая тропинку в нанесённых сугробах, смотрел и смотрел на дома, церкви и дворянские особняки Замоскворечья, близкие Ильинку и Варварку внутри стен Китай-города, совсем близкие Охотный ряд и сказочный белокаменный дворец против самого Кремля, на удивительный собор Василия Блаженного, десятки церквей и соборов Кремля...

«Летом бы сюда приехать», – думал Василий, стуча зубами от холода.

В квартире дедушки, состоявшей из нескольких маленьких, квадратных и вытянутых, комнаток с низкими сводчатыми потолками и крохотными окнами, его заждались. Бабушка, тётки и дядя, которых ещё недавно он не знал, наперебой потчевали всем, что стояло на столе, а потом вернулись к своим разговорам.

– Преосвященный Платон строг, верно. Когда служит в Чудовом или в Большом соборе, никто не отважится разговаривать. Уж на что знатные дворянки есть, а ни одна не принимает благословение владыки или антидор в перчатках. Ежели увидал какого духовного на улице пьяным, никогда не спустит, – рассказывал старшему Дроздову второй сын дедушки Александра, диакон Фома.

– Что ж, в монастырь отсылает?

– Редко. Он хоть строг, а сердцем мягок. Иному выговор сделает, иного пошлёт поклоны земные класть или пеню наложит немалую, до пяти рублей, иного низведёт на низшие должности... Недавно кум из лавры приехал, рассказал, как к владыке после службы подошёл какой-то приезжий монах из дальнего монастыря с жалобой, что кормят их чёрствым и заплесневелым хлебом, и показал кусок. Владыка взял кусок и стал есть. «А где ты родился? – спрашивает монаха. – А кто родители?.. Отчего в монастырь постригся?..» Тот всё рассказывает. «Да с чем же ты, отец, пришёл ко мне?» – наконец спрашивает Платон. «Жаловаться на дурной хлеб». – «Где же он?» – «Да вы скушали его!» – «Ну и ты иди, твори такожде».

Посмеялись невольно духовные за столом, покрутили головами.

– А с чего ж пошло упразднение епархии нашей? – полюбопытствовал отец Михаил. – Едва ли владыка Платон тому причину.

– Синод мудрит, – нехотя отвечал зять Сергей Матвеевич, единственный ад столом бывший бритым и не в рясе, а в коричневом сюртуке. – Хотя дела так поворачиваются, что скоро и Синод по-московски говорить начнёт.

Про Василия никто не вспоминал. Он сидел в углу на твёрдой лавке в полудрёме от тепла, сытной еды и силился ничего не пропустить из таких интересных разговоров. Дома в Коломне дед и отец обсуждали церковные дела наедине, выставив его за дверь. А здесь он сидит со всеми за столом, как большой. Да он и есть большой!..

Служанка тихо и незаметно убрала со стола пустые блюда и тарелки. Духовенство не имело права владеть крепостными душами, но запрет этот обходили, покупая прислугу на имя знакомых помещиков. На столе появились бутылки с наливками, рюмки синего и зелёного стекла, мёд, варенья, сладкие пироги, белые фарфоровые чашки с синими рисунками цветов и трав.

– Хорошо живете, отец Александр, – невольно порадовался старший Дроздов.

– Не жалуемся, благодарение Господу, – отозвался тот. – Пряники что ж забыли? Внуков надо побаловать... А что в консистории про новые указы слышно?

Появившиеся из соседней комнаты внуки и внучки подходили и получали по печатному Вяземскому прянику. Василий думал было пересидеть, но отец глянул строго – юноша встал и тоже подошёл к старику.

Отец Александр пригнул его и поцеловал в лоб.

– Вот вам архиерей будет! – объявил он.

– Это почему же? – усмешливо поинтересовался диакон Фома.

– А потому что учен, а молчит себе да слушает, как мы с вами языки точим. Бери пряник, умница, и чай пей. А Москва, известно, слухом полнится, молвою живёт... Так что с указами?

– В точности не помню, батюшка, – с усилием заговорил ослотившийся консисторский, – про цветы вот. Высочайше поведено, что если кто желает иметь на окошках горшки с цветами, держали бы оныя по внутреннюю сторону окон, а ежели по наружную, то непременно чтоб были решётки. Другой указ – чтоб не носили жабо и не имели на физиономии бакенбард. Чтоб малолетние дети на улице из домов не выпускаемы были без присмотру...

– Как это у государя на всё времени достаёт...

– Ещё указ, что вальс танцевать запрещается, башмаки не носить с лентами, иметь оныя с пряжками.

– Ты всё про дворянские дела, а про духовных было что?

– Из недавних газет ничего не было.

– Да ведь и сколь уж дал нам государь, – вступил в разговор старший Дроздов. – Телесные наказания отменил, награды специальные ввёл. У нас в Коломне иные батюшки спят и видят, как бы наперсный крест особенный получить, а то и митру.

– Наш-то владыка был против, – тихо сказал отец Александр. – Полагает он, что митра есть часть только архиерейского облачения и честь ношения её умалится, ежели надеть её на голову любого протопопа. Но государю виднее...

Разговор ещё долго тек с события на событие, с одного лица на другое, о скорых свадьбах племянницы отца Александра и старшей дочери отца Михаила, о том, что правильно отец Михаил везёт сына в троицкую семинарию, о назначении на калужскую епархию какого-то Феофилакта, о странных предсказаниях полоумного монаха Авеля, а Василий то слушал, то на мгновение впадал в дрему... Нравилась ему Москва.

Глава 5

Троицкая семинария

В приёмной ректора архимандрита Августина пришлось издать долго.

Отец Михаил покорно сидел на лавке, положив руки на колени, и изредка поднимал глаза на висевшую в углу небольшую Смоленскую икону Божией Матери с едва заметным огоньком лампы. Василий, кусая губы, то мерно расхаживал от входной двери до лавки, то пытался посидеть, примостившись рядом с отцом, но снова вскакивал и начинал топтаться по тесной комнате. Его грызла обида.

В Сергиев Посад добрались к вечеру. Переночевали у земляков, а поутру, оставив вещи, отправились в лавру. Для младшего Дроздова всё виделось как бы продолжением московских чудес: высокие стены лавры, непохожие друг на друга церкви, громада Успенского собора и дивная красота лаврской колокольни. Зашли в Троицкий собор, чугунный пол которого был устлан толстым слоем сена (иначе зимой было не выстоять службу). После литургии поклонились преподобному Сергию и, помолившись, отправились в семинарию.

Огорошили их ещё у входа свои коломенские семинаристы, приехавшие ранее.

– А наших всех в класс риторики определяют! И на казённый кошт никого не берут! – объявил Ваня Пылаев.

– Как же так? – опешил Василий, – Мы прошли всю риторику...

– Прошли-то прошли, но тут говорят, что мы до философии не доросли, познаний не хватит уразуметь.

– Батюшка, что же это? – аж побледнел Василий.

Отец Михаил отправился в канцелярию. Высокий и худой инспектор иеромонах Мелхиседек сидел за большим столом, заваленным бумагами. Выглядел он строго, глаз почти не поднимал, внимательно выслушивал подходящих послушников и семинаристов, кратко отвечал, успевая при этом подписывать бумаги. Когда же поднял глаза на старшего Дроздова, тот увидел, что взор отца Мелхиседека добр и ласков.

– Ничем не могу помочь, – отвечал он отцу Михаилу, и видно было, что сам искренне этим огорчён. – Отец ректор указал, что знания вновь прибывающих настолько малы, что не грех им посидеть ещё в классе риторики. Беды большой нет. Коли сынок ваш знающ, через год поступит в класс философии. Давайте прошение и документы.

Через год... Восемь лет провёл Василий в коломенской семинарии и полагал, что достаточно учен, год уже отучился в философском классе, а тут на них смотрят как на полуграмотного деревенщину. Обидно! И несправедливо!

– Отец инспектор, – не сдавался старший Дроздов, – нельзя ли Мне самому объяснить отцу Августину наше дело. По справедливости говорю, что сын мой подготовлен отлично – извольте посмотреть аттестат. Латынь знает превосходнейше, это не как отец говорю...

Внутри у Василия всё сжалось от напряжения.

– А греческий? Греческий язык он знает? – мягко спросил инспектор.

– Греческого у них ещё не было...

– Ну что ж тут поделаешь... Да вы не отчаивайтесь, батюшка... Впрочем...

Из глаз Василия потекли жаркие слёзы. Утёр поспешно.

– Аттестат действительно отличный, – размышлял вслух отец Мелхиседек. – Я отцу ректору доложу, а там уж уповайте на Господа.

И вот они ждали. Отец ректор обедал.

Лаврские куранты на колокольные отбивали час за часом. Наступил вечер. Немолодой послушник внёс в приёмную свечу в фонаре с толстыми стёклами. Наконец распахнулись двери покоев архимандрита, откуда степенно вышли несколько иеромонахов и двое статских. Договаривая что-то своё, они прошли мимо Дроздовых, не заметив ни скромного батюшку в небогатой рясе, ни небольшого росточка худенького юношу. Подождали ещё немного. Наконец из приотворенной двери донеслось:

– Зови коломенских...

Василий вошёл со страхом, но ректор архимандрит Августин оказался обыкновенен: среднего роста, очень полный, с широкою бородою лопатою, с зачёсанными назад густыми волосами с проседью, открывавшими высокий лоб; голос его был мягок и певуч, звучал ласково; взор внимателен и испытующ.

– Ну что, батюшка, сына привезли... Учен, говорят, а мы сей же час его и проверим... Бери перо, юноша, и записывай тему: «An dantur ideae innatae»¹¹. Записал?.. Ступай в приёмную и пиши там сочинение, а мы пока с твоим батюшкою чаю попьем. Ступай, ступай.

Знал отец ректор, что в программе коломенской семинарии не предусмотрено было изучение ни платоновских, ни каких иных философских систем, а стало быть, чрезмерно приткий попович и не мог ничего написать о врождённых идеях. Но не было ему ведомо, что среди отцовских книг Василий давно отыскал «Философию» Винклера и проштудировал её внимательно. Благодушно беседовал отец ректор с коломенским иереем, который нравился ему чем дальше, тем больше неожиданной обширностью познаний. Отец Августин был близок к преосвященному и знал, что из 1200 священников московской епархии лишь десятая часть имела полное семинарское образование. Коломенский же поп и читал много, и говорил хорошо. Жаль будет ему отказать, решил отец Августин, поглядывая, когда же появится на пороге фигура удручённого поповича.

К искреннейшему удивлению почтенного ректора, попович вошёл твёрдым шагом и протянул листы с сочинением, которое не стыдно и выпускнику представить.

– Ай да Дроздов... – протянул отец Августин. – Как зовут тебя?

– Василий.

– Что ж делать, принимаю тебя, Василий Дроздов, в виде исключения в философский класс, но на свой кошт. Учись прилежно и моли Бога за отца своего.

Оба Дроздовых в первый миг не осознали прозвучавших слов, и вдруг будто глыба каменная пала с них. Поступил!

И потекли дни новой жизни.

Каждый из них был поначалу труден для семнадцатилетнего Василия, ибо приходилось не только усиленно заниматься науками и прежде всего греческим языком, догоняя товарищей, но и самому обустройства своё житье, что оказалось ой как непросто.

В первые дни жизни в семинарии он решил пренебречь наказом отца об устройении на казённый кошт, уж слишком неприглядно показались ему после дома условия жизни семинаристов. Даже в самом здании семинарии были теснота и страшный холод, так что иной раз учитель и рта не мог раскрыть. Семинаристы сидели в нетопленных классах с разбитыми окнами, по которым гуляли сквозняки, не снимая армяков и шинелей, часто чесались от множества паразитов. Почти все пожёвывали то сухарь, то кусок хлеба. Начальство же заботилось преимущественно о чистоте нравственности семинаристов и твёрдости их познаний в науках. Василию рассказали, что в открывающейся вскоре новой вифанской семинарии житье наверняка будет полегче, но туда сам преосвященный отбирает учеников. Владыка Платон экономил на отоплении учебных и жилых келий, с тем чтобы побольше помогать бедным: всех неимущих бого-

¹¹ О врожденных идеях (лат.).

мольцев в лавре кормили бесплатно. Семинаристам же владыка советовал для теплоты «жить потеснее», вследствие чего семинарскому начальству беспрестанно жаловались на страшную тесноту в кельях, где шесть – восемь бурсаков в тулупах едва не сидели друг на друге.

Полагалась казённокоштным семинаристам одежда: бельё, сапоги с чулками, шапки с рукавицами, овчинный тулуп на три года, башмаки с чулками, суконный кафтан на три года с починкою, кушаки из коломейки. В обыкновенные дни весны и осени ходили семинаристы по кельям в длинных халатах и (для сбережения обуви) босиком, надевая форму – суконные синие казакины с малиновым воротником – лишь на занятия. Хлеба полагалось на брата по 14 фунтов в неделю, кваса – без меры, щи по будням пустые, по праздникам с говядиною (по 2 фунта на три человека), да ещё баловали студнем, выставляя по блюду на семь человек.

Василию рассказали, что это ещё хорошо. Ранее на учеников низших курсов отпускалось по 2 1/2 копейки в день, на риториков – по 4 1/2 копейки, на философов – по 5 1/2 копейки и на богословов по 6 копеек. Теперь же расходы увеличили вдвое. Стипендию платят, но она невелика, и выгоднее всего постараться стать стипендиатом митрополита, им сам преосвященный доплачивает по 30 рублей.

Для большей экономии и пресекновения праздности троицкие семинаристы сами мололи себе рожь на хлеб и квас; скот для говядины также свежевали в самой семинарии. Летом все отправлялись на покос.

Народ вокруг Дроздова оказался разный. Иные, точно, богомольны и прилежны в учении, иные плывут себе по течению, не загадывая ничего на следующий день, а есть так и вовсе разгульные насмешники, непонятно для чего поселившиеся в стенах лавры. Разные слышал он советы и приглашения, они не колебали его внутренний покой, за исключением одного вопроса – квартиры.

«Живу на той же квартире, – писал Василий отцу, – но после праздника непременно сойду, потому что на Переяславке никому не велено стоять. Не знаю теперь, куда приклонить голову: не только на хозяйский кошт нигде не принимают, но и на свой – весьма мало. Там тесно; там хозяин пьяница; там беспокойно. Надобно жить или на худой квартире, или на улице. Беда! Если пойдёшь на худую квартиру и то за теснотою, то за шумом будешь терять много времени: то правда, что не хуже будет, если жить на улице»...

С Переяславки, известной в Сергиевом Посаде дурной репутацией, где поселил его сам батюшка, прельстившись дешевизною квартиры, он в январе же сошёл.

Новая квартира была у дворника рождественского попа. Оба, и поп и дворник, славились пьянством, но трём семинаристам был обещан «особый покой», Василий сам покупал муку, в очередь с товарищами варил пустые щи, а вечерами, закрыв уши ладонями, сквозь дворнические то пение, то храп зубрил греческий язык. Выхода иного не было. Иначе следовало поселиться в лачуге с волоковым окошком, где в самые полдни букв не видно в книге. В такой поселился один из коломенских и вдруг стал часто мигать и шурить глаза...

Василий представлял беспокойство матери и в каждом письме писал, что «меня сие житье весьма мало или совсем не трогает и не огорчает». О нескончаемых простудах, навалившихся на него с середины января, он не упоминал. С удовольствием передавал поклоны всем родным, бабушкам Фроловне, Алексеевне, Васильевне; по просьбе матери, которая, как всякая жена священника, занималась лечением, узнал полезный рецепт: два фунта анису, два фунта льняного семени, десять золотников салоцкого корня, десять золотников салоцкого соку – всё высушить, истолочь, просеять сквозь сито, потом, растопив в муравленом горшке два фунта мёду, всыпать порошок туда, размешать и поставить в печь, дабы хорошо протомился, а принимать по столовой ложке утром и вечером и продолжать лечение шесть недель.

Новости шли с обеих сторон. Василий сообщал отцу, что всю штудирует философскую систему Платона и Аристотеля, тексты которых читает по-гречески лишь с небольшими затруднениями. Владыка Платон почти не живёт в Москве в Троицком подворье, что на Суха-

ревке, а большую часть года проводит в Троице или новой своей обители Вифании. Весной по семинарии вышло распоряжение: рубахи, порты, шляпы, чулки и шейные платки казённо-коштным семинаристам иметь свои, получая на казённый счёт лишь бельё: Иные приуныли, и рассказывали про двух бурсаков, ходивших у московской заставы по дворам с протянутой рукою. Владыка Платон всячески поощрял в семинарии диспуты на латинском языке, и в них младший Дроздов скоро заслужил хорошую репутацию.

Он не написал об одном случае, заставившем задуматься. Шли после диспута семинаристы гурьбою через лавру, продолжая спорить по-латыни, и один мужик, посторонясь, сказал другому: «Видать, немцы. Как же пустили их сюда?» Василий усмехнулся темноте мужицкой, а потом пришло в голову, что, может, тот и прав... Всё богословие преподавалось им на латыни, а на что латынь в любом приходском храме?

Не знал Дроздов, что вопрос этот уже обсуждался в Святейшем Синоде. Митрополит Платон горячо к сердцу принял дело и писал члену Синода митрополиту Амвросию: «... чтобы на русском языке у нас в училище лекции преподавать, я не советую. Наши духовные и так от иностранцев почитаются почти неучёными, что ни по-французски, ни по-немецки говорить не умеем. Но ещё нашу поддерживает честь, что мы говорим по-латыни и переписываемся. Ежели латыни учиться так, как греческому, то и последнюю честь потеряем, поелику ни говорить, ни переписываться не будем ни на каком языке; прошу сие оставить. На нашем языке и книг классических мало. Знание латинского языка совершенно много содействует красноречию и российскому. Сие пишу с общего совета ректоров академического и троцкого...»

С жадным вниманием и интересом следил Василий за каждым появлением митрополита Платона. То был не просто архиерей высшего ранга, близкий к царям, но и мудрый философ, написавший курс богословия, красноречивейший проповедник, слова и речи которого юный семинарист со вниманием штудировал. Парадные митрополичьи выходы были пышны и красивы, но, когда владыка выходил на амвон и произносил проповедь, оказывалось, что говорит он о том, что равно близко и понятно всем, от высокообразованного столичного аристократа до последнего серенького мужичонки.

... Чада мои, остановимся на словах Евангелия: Приидите ко Мне труждающиеся и обременённые, и Аз упокою вы. Возьмите иго Моё на себе, и обрящете покой душам вашим... Сей глас Евангельский всех праведных столь зажёл сердца, что они не давали сна очам своим, и ресницам своим дремания, доколе не обрели покоя сего. Но... Сей покой не состоит в том, чтобы оставить все мирские должности и попечения, то есть чтобы оставить дом, жену, детей, промыслы, и удалиться в уединённое место. Нет. Сии попечения нам от праведной судьбы назначены: в поте лица твоего снеси хлеб твой... Да они же не токмо не отводят от спасения, но и суть средство ко спасению: ибо исправлением должности своя пользуем мы общество и воспитанием детей приготавливаем добрых граждан... Да и приметьте вы в Евангелии: оно, призывая нас к покою, тотчас придаёт: «Возьмите иго Моё на себе». Вот иго: и хотя сказано «иго Моё», а не мирское, но всякий труд, всякое попечение, по учреждению Божию отправляемое с пользою своею и общею, есть иго Божие.

И не может извиниться таковой, что он вместо того будет упражняться в единой молитве и богомыслии. Ибо одно дело Божие другому подрывом служить не должно, и сии дела суть совместны: одно другому не только не противно, но и одно другому помогает...

В феврале в классах в первые часы было темно, сторож приносил для преподавателя особую свечу. Василий берег глаза, не записывал, а запоминал и после лекции переносил в тетрадь главное. Вот и сейчас он не доставал чернильницы и пера, а сидел на отведённом ему месте в последнем ряду и поглядывал, как семинаристы медленно, один за другим тянулись в класс. Удивляло его необычное оживление известных на курсе лентяев и забияк Никиты и Ивана. Они что-то делали возле кафедры, выглядывали за дверь и давились от смеха. Верно, готовят какую-нибудь каверзу. Странно, что не видно их предводителя, злонасмешника Михаила. На

прошлой неделе кто-то из них ухитрился вырезать середину учительской свечи, закрыв провал берестой, и сколько было крика и смеха при испуге отца Иулиана, читавшего церковную историю, когда свеча вдруг погасла!

Василий чуть напрягся. Троица шалунов его частенько задевала, он отвечал ей молчанием. Но вроде бы сегодняшняя каверза его не касалась.

Точно! В класс влетел рыжекудрый задира Михаил, а за ним – самый тихий и робкий семинарист Акакий Малышев, прямо соответствуя своей фамилии, малый ростом и единственный на курсе без малейших признаков усов и бороды, постоянный предмет насмешек и помываний.

– Миша! Ну Миша! – канючил он тоненьким голоском. – Отдай шапку! Ну, прошу тебя!.. Мне сегодня за дровами ехать!.. Мишенька!..

– Отстань! – со смехом отвечал Михаил и вдруг резко повернулся к Акакию. – Да вон твоя шапка! Гляди!

Он показал на потолок, и все в классе вгляделись – точно: на крюке, для чего-то вбитом в потолок, почти над высоким пустым шкафом без полок, стоявшим возле кафедры, висел растрёпанный малахай.

– О-о-ой... – чуть не заплакал Акакий. – Миша! Отдай мне шапку!

– Полезай и достань, – равнодушно ответил тот, а глаза подозрительно блеснули.

– Миша, я не достану. Я боюсь.

– Попроси Никиту, он тебе поможет! – притворно ласково предложил Михаил.

Все в классе замерли, предчувствуя потеху.

– Конечно помогу! – с жаром отозвался высоченный лупоглазый Никита. – И Ванька поможет! Не бойсь!

Шалуны легко подняли на руки тщедушного Акакия и поднесли к шапке, но только поднесли. Тот потянулся... и не достал. Вновь потянулся...

– Ребята, ещё чуток... – попросил Акакий.

– Да ты на шкаф вставай! – посоветовал стоявший внизу Михаил.

– Точно!.. Вставай, вставай! – загалдели Никита с Иваном.

И Акакий послушно ступил на шкаф... и тут же провалился в него, не увидев отсутствия верхней доски.

Вид маленького семинариста, вставшего за стеклянными дверцами, воздев руки вверх (ибо шкаф был узок), и оторопело разевающего рот, оказался настолько смешон, что все в классе содрогнулись от хохота. И Василий хохотал неудержимо, до слёз, хотя и жалко было Акакия.

В дверь настороженно заглянул отец Иулиан. Настороженность и испуг на лице учителя вызвали новый взрыв смеха. Хохотали со стоном, видя, как учитель внимательно оглядывает класс, смотрит под ноги, ощупывает себя, тужится понять причину смеха и не понимает!.. Когда же он увидел Акакия за стеклом шкафа и гневно приказал тому немедленно выйти, и послушный Акакий попробовал сие сделать через запертые дверцы, класс упал под столы и катался по полу. У Гаврюши Ширяева от смеха икота началась.

Отец Мелхиседек пытался выявить виновников сего происшествия, но их никто не выдал. Ректор наказал весь курс недельным пребыванием в классе по вечерам с чтением всеми по очереди Псалтири. Шалуны лишь посмеивались и неожиданно взяли Акакия под своё покровительство.

На Пасху из дома сообщили радостную и ожидаемую весть: сестра Ольга вышла замуж за Иродиона Стефановича Сергиевского, произведённого в диаконы отцовской Троицкой церкви в Ямской слободе. Летом новая радость, уже неожиданная.

Владыка Платон, обозревая присоединённую коломенскую епархию, спросил в Коломне двух благочинных, который из них старший, желая назначить протоиерея в Успенский собор. Оба отозвались, что старше их обоих троицкий в Ямской слободе священник Михаил Фёдоров Дроздов. Он и был назначен протоиереем кафедрального собора, а заодно и зятя его перевели туда же диаконом.

10 июня Василий написал отцу: «Я скажу только с чувством сердечной радости: «Поздравляю!» Сплетением множества слов не лучше бы я выразил мои мысли, нежели одним». В письмах к отцу он по-прежнему был в высшей степени почтителен, но старший Дроздов ощущал, как стремительно взрослеет сын, как неудержимо отдаляется, утверждаясь в своей новой жизни.

Глава 6

Преодоление

Весна 1803 года долго задерживалась, а потом вдруг разом обрушилась на землю. Каждое утро приносило перемены. Небо день ото дня набирало синевы, солнце светило всё ярче и припекало жарче, сугробы синего мартовского снега приметно оседали в саду и вокруг храмов, а сосульки весь день веселили звонкой капелью; снегири, синицы и воробьи в саду звонко чирикали и свистели свои песни; самый воздух сделался так необыкновенно свеж и вкусен, что, выходя из душной тесноты семинарской кельи, Василий не мог надышаться. С весной накатилась какая-то странная слабость и усталость, но Василий был весь поглощён учёбою. Три года в лавре сильно изменили его.

В греческом языке он быстро достиг требуемого уровня познаний и даже смог в первую семинарскую осень 1800 года написать поздравление митрополиту на этом языке. Было принято, что в день тезоименитства высокопреосвященного Платона от семинаристов ему приносятся поздравления на русском, латинском, греческом, французском языках. Учитель греческого и еврейского языков Стефан Запольский неожиданно предложил Дроздову написать приветственное четверостишие, угадав в нём не только способность к языкам, но и талант поэтический. В назначенный день Василий вслед за другими вышел перед митрополитом и прочитал:

Пой в песнях великих героев, Омир!
Дела же Платона ты петь не дерзай!
Поэты наклонны и правду превысить,
А как превозвысить деянья Отца?

Среднего роста, очень полный, с окладистой белой бородою, владыка был одет в скромную чёрную рясу и скуфейку, лишь овальная панагия, сверкавшая золотом и драгоценными камнями, показывала его архиерейский сан. Он был уже стар, влача седьмой десяток лет, тяжело утопал в кресле, но красивое лицо было бело и румяно, тихий голос мелодичен и твёрд, а взгляд небольших серых глаз то весел, то неожиданно быстр и проницателен.

Василий видел, как после его приветствия ректор архимандрит Августин наклонился к митрополиту и что-то объяснил ему, видимо успехи Дроздова в изучении греческого языка за девять месяцев, и владыка бросил особенно внимательный взгляд на худенького семинариста. Это было более дорого, чем слова официальной благодарности.

С той поры Василий жил с сознанием, что между ним и владыкой Платоном существует какая-то особенная связь. Внешне это ничем не проявлялось. Василий не стремился протиснуться поближе к митрополиту при частых посещениях им семинарии, сам же Платон и не призывал его, как своего любимца Андрея Казанцева, высокого светловолосого семинариста с приятной улыбкою и звучным голосом. Но временами митрополит бросал на Василия взор, который тот мгновенно чувствовал, а сам с радостью и изумлением замечал, что и высокопреосвященнейший оглядывается на его пристальный взгляд.

Василий стал усиленно готовиться к майскому философскому диспуту, рассчитывая показать себя перед владыкою с лучшей стороны. Простуда его отпустила, но привязались головные боли, из носа шла кровь, и по временам темнело в глазах. Хвори беспокоили его, но не слишком. Незаметно для себя он всё более приучался смотреть на своё тело лишь как на необходимую оболочку, сосредоточиваясь на воспитании души.

Жизнь в монастырских стенах конечно же способствовала такому умонастроению, однако не менее тому споспешествовало некое особое положение, занимаемое Дроздовым среди товарищей.

Новичок в философском классе сразу привлёк внимание отличным знанием латыни, но скоро к этому привыкли. Были среди семинаристов более приметные по успехам Матвей Знаменский и Кирилл Руднев, был известный своей силою и громким басом общий любимец Гаврюша Ширяев, которому прочили диаконство в Успенском соборе, а Дроздов был лишён яркости. К этому добавлялось и его равнодушие к нередким гулянкам семинаристов, всегдашняя его серьёзность и поглощённость учёбой. Он не лез в чужие компании, довольствуясь обществом своих коломенских, и его оставляли в стороне.

Иные – особенно компания рыжего Михаила – даже недолюбливали Дроздова за всегдашнюю аккуратность и старательность в учёбе, неразговорчивость и сухость в общении. С ним было трудно. Все правила и порядки, не говоря уже о заповедях Писания, он принимал всерьёз. Немногие решались удержаться на такой высоте.

Сам же Василий, однажды и навсегда осознав умом и сердцем Божественную Истину, уже не мог думать и поступать, будто её не знал. Впрочем, одиночество подчас тяготило. Тянуло поговорить с кем-нибудь, кто мог бы понять его.

Один из первых его троичских знакомцев Андрей Казанцев, четырьмя годами старше Василия, был уже назначен в вифанскую семинарию учителем высшей грамматики и географии, и встречаться им стало затруднительно.

Даже среди земляков, безоговорочно признавших его превосходство (все они повторяли пройденное в классе риторики), он не всегда решался открыться всем сердцем, пожаловаться и попечалиться. Гриши ему не хватало Пономарёва.

Переживал Дроздов свои чувства в одиночку. Письма к отцу и деду лишь в малой степени передавали ход его внутренней жизни. Василий писал о получении известия о скоропостижной смерти императора Павла Петровича и принесении присяги новому государю Александру Павловичу; о новой своей квартире, где сожителями его оказались ученики, выгнанные из семинарии «за шалости» и кормившиеся воровством. У них был заведён такой порядок, чтобы каждый кормил понедельно всё общество из пяти человек. Василий едва месяц вытерпел и ушёл из разгульного дома. Родных он успокаивал, но к майскому диспуту по философии в первый год подготовиться не сумел.

В июне новый инспектор отец Евграф принял его на казённое содержание без взноса денег. С тех пор Василий полностью погрузился в глубины философской премудрости. В основу преподавания была положена лейбнице-вольфианская философия, которой онтологические понятия служили главным основанием для построения рациональной догматической системы и тем приуготовляли семинаристов к постижению богословия. По очереди из кельи в келью переходили учебники Баумейстера и Винклера, сочинения Эйлера и Пуффендорфа. В случае непонимания обращались к старшекурсникам, братьям Крыловым Савве и Стефану, которые никогда не отказывали в объяснениях.

Василий загорелся было философией, но быстро остыл. Не лежала у него душа ко всем премудростям логики, физики и метафизики, за исключением нравственной философии. Он увлёкся чтением трактатов Марка Аврелия и особенно Эпиктета, находя в мыслях древнего философа блестящие вечные истины.

«Если хочешь быть добрым, прежде всего считай себя злым», – выписывал он на узком листе бумаги и спешил макнуть гусиное перо в чернильницу. «Владей своими страстями – или они овладеют тобою»; «Гусь не пугает других своим криком, овца – бляньём; так и тебе не следует бояться криков глухой толпы»; «Чаще думай о Боге, чем дыши»; «Какая тебе будет выгода от добродетельной жизни? – спрашиваешь ты. Да разве не большая выгода; порядок вместо беспорядка, честность вместо бесчестия, воздержание вместо распутства, почитание своей души

вместо презрения её! Опомнись же и спаси свою душу!» Было о чём задуматься Василию долгими осенними и зимними вечерами, когда не шёл сон в тёмной келье среди похрапывания товарищей.

В жизни вдруг случались события диковинные. В апреле 1801 года, вскоре после принесения присяги новому императору Александру Павловичу, в Сергиевом Посаде поднялась страшная буря со снегом. Она скрыла половину Троицкого собора и отчасти больничные кельи. Среди погибших оказалось шесть семинаристов. Страшная зимняя непогода продержалась чуть больше дня и сменилась настоящей весенней распутицей, капелью и солнцепёком.

Отец в своих письмах повторял, что дома ждут его на вакации, но Василий домой не спешил. Ему и хотелось увидеть матушку, отца, сестёр, деда с бабушкой, но возникали затруднения материальные – денег нет на дорогу, и нематериальные – летом он намеревался попользоваться книгами семинарской библиотеки в своё удовольствие. За всем этим стояло нежелание отрываться от мирной лаврской жизни, с которой он крепко сроднился и иной не желал. «Письма по моему разумению сокращают расстояние, которое от Вас меня разделяет, – писал он отцу, – и я не только тогда, когда их получаю, но и когда пишу, по-видимому, к Вам приближаюсь». Письма от отца и других родных он сжигал, не желая, чтобы чужой, равнодушный или насмешливый взгляд скользил по дорогой сердцу частице дома.

Лето он провёл в окрестностях лавры, наслаждаясь тихими радостями подмосковной природа. Прогулки, чтение, рыбная ловля на пруду, а ещё подарок от нового родственника, зятя Иродиона, – гусли. Василий на радость себе и товарищам наигрывал мелодии, которым научил его дед.

Вернулись в лавру, ставшую для Дроздова родной. «Быстро время летело, и я дремал под шумом крип его. Прошёл целый месяц, как я в Лавре, но ни одного часа не выбрал я, чтоб употребить на извещение Вас о моём состоянии», – написал он отцу и получил в ответ письмо, наполненное горькими упрёками в неблагодарности, в том, что забыл родителей, так ждавших его домой. «Благодетельствовать тебе значит то же, что петь для глухого», – заключил отец.

Мучительно больно было для Василия сознавать отцовскую правоту и – в то же самое время! – не совпадающую с ней правоту собственную. Ибо ощущал он в следовании неторопливому потоку жизни верное течение Провидения, нёсшего его к неведомой пока цели.

Между тем большая жизньрывалась к ним сама. Осенью в Москве состоялась коронация Александра I. Из семинаристов видели её немногие участвовавшие в церемонии. Много разговоров породила речь митрополита Платона, произнесённая в Успенском соборе после таинства. Из-под руки передавали, что речь признана едва ли не дерзкой и вызвала недовольство в императорской семье. Об этом Василий не писал в Коломну, зная, что письма на почте просматриваются. Он сообщил отцу о посещении государем лавры 25 сентября, в день памяти преподобного Сергия, описал свою радость от лицезрения «гения России с кротким, но величественным взором, с ангельскою улыбкою, провожаемого собором харит». Не меньшую, а вернее и большую радость доставил ему перевод в богословский класс.

Преподавание богословия начал архимандрит Августин. Метода его оказалась довольно простою. Он ежедневно вручал в классе свою тетрадку, в которой на латинском языке излагалось толкование книг Ветхого Завета, приказывал читать по очереди вслух отмеченные им места и записывать по-русски в свои тетради. Устные пояснения отца Августина не отличались ни глубиной, ни продолжительностью, ибо он буквально воспринял требование митрополита Платона: «Богословие Христово состоит не в препирательных человеческих мудрости словах, а потому следует устранять все пустые и бесполезные вопросы, которыми обезображены книги римских католиков».

Со святок всё переменилось. Отца Августина перевели ректором московской академии, а во главе семинарии с января 1802 года был поставлен инспектор отец Евграф, принявший также обязанности преподавателя богословия. Вопреки требованию митрополита Платона заниматься по его богословию, он взял за основу учебник Голлазия, статьи из которого прочитывал в классе, переводил и подробно толковал (платоновское богословие казалось отцу Евграфу слишком уж упрощенным). Также в нарушение требований владыки ректор стал больше внимания уделять изучению русского языка, требуя и богословские диспуты проводить по-русски. Времени своего в классе: отец Евграф не жалел, поощряя семинаристов к всевозможным вопросам, отвечать на которые он старался вызывать самих учащихся. И чем дальше, тем больше на трудные вопросы отвечал Василий Дроздов.

После Голлазия перешли к изучению различий православия и протестантизма. Читали трактаты на латыни и на греческом, обсуждали, нередко спорили, выискивая всё Новые доводы в пользу православия во взглядах на Святую Троицу, на пути искупления, на значение икон. Отец Евграф открыл для семинаристов важность трудов отцов церкви и всемерно поощряя чтение ими Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Часть обучавшихся этим тяготилась, ибо предпочитала тупо следовать известному от дедов «канону». Быстрее всех и точнее всех его объяснения понимал Дроздов, в коем всё ярче разгоралась любовь к богословской премудрости. С чистым сердцем отец ректор оценил успехи Василия: «Отлично остр» прилежен и успешен». Он же в апреле 1802 года представил отличного семинариста к посвящению в стихарь для представления Слова Божия в трапезной церкви.

Учитель греческого языка оценил успехи Дроздова как «препыхательные, прекрасные»; ввели в семинарии обучение медицинской науке, и вскоре лекарь отмечал, что в ней Дроздов «очень хорошо успевает». В Твери также изучали медицину, и Гриша Пономарёв написал, что в их семинарию на страх всему городу купили человеческий скелет, дабы изучать натуру детально.

Признаться, главной причиной медицинских успехов Василия стала любовь к другу Андрюше. У Саксина оказалась слабая грудь. К обыкновенному его покашливанию все привыкли, но, попав в памятную апрельскую метель, он расхворался всерьёз. Друзья навещали его в лечебнице. Ваня Пылаев переписывал для него лекции, а Василий втирал в худую грудь мази и притирания, рецепты которых он вычитал из лечебника Буханова. Невольно сложилось так, что Дроздов стал распоряжаться всем лечением Саксина, несмотря на уверения доктора, что «тут случай безнадежный», а там и лечением других больных. Тишина лечебницы пришлась ему по душе, и он туда переселился вовсе, приняв на себя новые обязанности.

«Я не думал, что слова – живу в больнице – подали Вам мысль о болезни, – писал он домой. – Я живу в больнице, но не болен, или, чтобы точнее отвечать на Ваши вопросы – болен инспекторством над больницей; пользуюсь спокойствием уединения и забавами сада. Часто вижу высокопреосвященнейшаго, который иногда для того только выезжает из Вифании, чтобы пройти здешним монастырём и посетить больных».

О настоящей причине своего переселения Василий написать не решился.

За годы обучения курс не слишком переменился, лишь высоченный Никита остался на второй год в философском классе. Маленький Акакий немного подрос и постоянно теребил выющиеся волосинки на верхней губе и подбородке. Шалости сами собою прекратились, хотя характер главного заводилы Михаила не изменился. От него частенько пахло вином, на переменах он рассказывал о своих похождениях и описывал достоинства посадских вдовиц.

Нечистое всегда тянется к чистому, стремясь оправдаться им, утвердиться на нём. Так и рыжий Михаил нередко заговаривал с Дроздовым, пытался втянуть в кружок своих слушателей. Василию же был неприятен один только насмешливый тон забавника, и он не отвечал, проходил мимо. А вечерами думал: быть может, это в нём гордость – мать всех пороков – гово-

рит? Быть может, надо смириться и попробовать передать смирение самому рыжему? Из-за ничтожного предмета переживал всерьёз, терзался, не решаясь ни с кем посоветоваться, ведь сущий пустяк, какой-то рыжий задира и троечник... Но в глазах Михаила он видел человеческий интерес к себе, и его самого необъяснимо занимал этот яркий характер.

На философском диспуте Дроздову выпало выступать оппонентом Михаила. Василий чётко и с исчерпывающей полнотой показал слабые места в речи и даже вызвал смех, намекнув на ошибки в латинском языке некоторых ораторов.

...Но – *nomina sunt odiosa!*

Владыка Платон и архимандрит Евграф переглянулись с улыбкой, а Василий поймал на себе яростный взгляд рыжего недруга. Тому, видно, после экзамена растолковали, что точный смысл приведённой Дроздовым пословицы значил не только «не будем называть имён», но буквально – «имена ненавистны».

Вечером того дня, после вечерней молитвы, когда все разошлись по кельям, к Дроздову заглянул маленький Акакий.

– Выйди! – таинственно сказал он.

– Что такое? – удивился Василий.

– Иди, иди! – неопределённо ответил Акакий. – Там... зовут.

Сердце ёкнуло, предчувствуя недоброе, но – а вдруг владыка требует? Посреди ночи?! А вдруг!.. И с быющим сердцем поспешно натянул штаны, накинул сюртучок и вышел в тёмный коридор.

Но едва он ступил за порог, как кто-то набросил на голову грязное, вонючее одеяло и несколько крепких кулаков ударили по груди, по спине, по голове... Василий оцепенел и лишь шатался под ударами.

– Прорцы, Василие, – услышал он совсем рядом знакомый насмешливый голос, – кто ты ударяй?.. Не ведаешь? Так запомни: *multi multa sciunt, nemo – omnia!*

Его повалили на пол, кто-то ещё больно ударил в бок носком сапога, и вдруг они исчезли. Василий приподнялся, с ненавистью отбросил одеяло и посидел, переводя дух. «Многие много знают, никто не знает всего», – стучало в голове... Но он-то знал прекрасно этот голос!

Ночь Дроздов провёл без сна, а наутро, выбрав момент, когда никого не было рядом, подошёл к Михаилу и, поклонившись поясным поклоном, громко сказал:

– Прости меня, брат, за искушение, в кое ввёл тебя. Прости!

Михаил, не глядя на него, фыркнул и отошёл. Подсмотревший сцену Акакий разболтал о ней на курсе. Знающие молчали, а незнающие поразились поступку гордеца Дроздова. К нему с вопросами не рискнули подойти, а Михаил только отшучивался. Впрочем, Дроздова он больше не задевал.

Василий же, от всего сердца простив и опасаясь лишь возгордиться от своего смирения, всё же в глубине души таил непроходящую уязвлённость тем, что унизили и посмеялись над самым дорогим – знаниями, его заветными ценностями. «Многие много знают, никто не знает всего» – так! Но он будет знать всё!

После избиения ему неприятно стало пребывание в семинарском корпусе. Самый вид коридора постоянно напоминал о случившемся, особенно по вечерам, вот почему он с радостью воспользовался возможностью переселиться в больницу.

Но неисповедимы пути Господни. Перемещение в больницу неожиданно создало возможность сближения с владыкой Платоном. Беседы митрополита и семинариста доставляли удовольствие обоим. Владыка сделал его своим иподиаконом. Теперь на богослужениях Василий участвовал в архиерейском облачении и носил тяжёлый митрополичий посох.

Митрополит всем сердцем любил обе свои семинарии, частенько заглядывал на занятия, причём послушник нёс за ним корзину с калачами, которыми владыка награждал удачные

ответы. Платон знал наиболее способных учеников и, случалось, приглашал их прогуляться в Вифании по саду, беседуя о предметах учебных и житейских. К Дроздову он незаметно привязался и полюбил.

Василий чутко понимал это, и всё более укреплялась в нём вера в себя, в правильность избранного образа жизни. Он оказался один среди товарищей, отвергающих его ценности, – пусть так! Он пойдёт одной своей дорогою!.. Но шли дни, повсеместные успехи и ласки владыки сильно прибавили ему уверенности. Незаметно растаяли, ожесточение, горечь обид и одиночества. Знаменский и Руднев стали приглашать его к своим беседам. Сила жизни вновь разыграла в нём и одарила той лёгкой радостью, которая так хороша в юности.

Второе лето он также провёл попеременно в лаврской больнице и в Вифании, но на сей раз книги мирно стояли на полках.

17 октября 1802 года в тихий час накануне вечерни все в лавре слышали, как часовые колокола на третьем ярусе колокольни издали глухой и беспорядочный звон, чего не могло произойти от ветра. В церквях и соборах вдруг закачались паникадила. Двери повсюду отворились. Окна задрожали. Необъяснимый ужас вдруг охватил многих. То было землетрясение, явление необычное для Москвы и окрестностей.

Среди семинаристов нашлись любители истолковать сие чрезвычайное происшествие в плане мистическом, как явный знак предостережения свыше. Но вот от чего следовало предостерегаться и кому именно, никто не решался объяснить.

Василий не задавался пустыми вопросами. Он успешно прошёл годичный богословский курс и готовился ко второму году, но отец Евграф как-то отозвал его в сторонку и, глядя в глаза, сказал о возможности скорых перемещений в составе лаврских преподавателей и о том, что он намеревается рекомендовать Дроздова наряду с некоторыми другими на освободившиеся места. Тут же радостная весть полетела в Коломну. Читая ответ, Василий ощущал силу волнения отца Михаила, дожившего до желанного для всякого родителя рубежа – становления своего чада. Правда, радости сына отец Михаил не разделял, полагая наилучшим исходом для отличника-богослова место приходского священника в Коломне.

«Ваше Высокоблагословение!

Дражайший Родитель!

Я получил Ваше трогательное письмо. Чувствую цену доверенности, с которою Вы ближе показываете мне своё положение и позволяете участвовать в своих мыслях. Оно подаёт мне случай внимательнее размыслить о свете. Я представляю, что и я некогда должен вступить на сию сомнительную сцену, на которую теперь смотрю со стороны, где нередко невежество и предрассудок рукоплещет, освистывает злоба и зависть... И мне идти по сему пути, где метут под ноги то камни, то золото, о которых равно удобно претывается неопытность или неосмотрительность... Я молю Бога, чтобы далее и долее хранил Вас для меня, Дабы при руководстве Ваших советов и Вашей опытности легче мог я снискать свою. И так желая Вам, равно как и любезнейшей моей Матушке, совершенного здоровья и долголетия, есмь

Вашего Высокоблагословения

послушный сын В. Д.

10. XII. 1802.

Решение было им принято, что бы ни писал отец.

Зиму, весну и лето 1803 года он занимался столь же старательно по всем предметам – богословию, философии, истории, читал латинских и греческих классиков, переводил отдельные псалмы Давида с еврейского на русский.

Самым простым оказалось преодоление усталости – можно было выйти в сад при больнице, пройтись по дорожкам между душистым табаком и георгинами, и тяжесть в голове спадала.

Подобно всем своим сверстникам, он переживал позывы плоти, но к тому времени настолько научился владеть собою, что терпел, не стыдился и не мучаясь.

По временам охватывала лень. В самом деле, ну стоит ли так стараться? – уже один из лучших на курсе. Зачем читать новые книги? – их много, всех не перечитаешь; зачем мучиться над еврейскими текстами, давно переведёнными на славянский язык? Зачем переписывать выступление для диспута, судьба которого быть услышанным лишь его же товарищами, из которых немногие оценят тонкости красноречия?.. Натуры дюжинные давно бы отступили, но Дроздов с молитвою шёл дальше.

Большим горем для него стала смерть Андрея Саксина в марте от чахотки. Он видел усопших Стариков и младенцев, но теперь впервые в жизни с очевидностью понял слова покаянного канона: «Како не имам плакаться, егда помышляю смерть, видех бо во гробе лежаща брата моего, безславна и безобразна? Что убо чаю, и на что надеюся?..» Не нужны оказались милому Андрюше ни конспекты по философии, ни голубое небо над лаврской колокольней... Так, может, они и никому не нужны?

Митрополит стал благосклонен к нему больше обыкновенного. При прогулках по саду в Вифании Дроздов шагал слева от владыки, а справа шёл Андрей Казанцев, обретший к тому времени немалую известность и авторитет в лавре (сочинённые им ода и разговор на латинском языке митрополит Платон вручил императору Александру Павловичу при посещении им Вифании). Владыка заметно постарел, ноги его слабели, но гулять он любил. На слова Василия о пренебрежении жизнью сею и необходимости помышления лишь о жизни будущей митрополит посерьёзnel.

– В самом деле, ваше высокопреосвященство, – говорил Дроздов, – не следует ли нам желать скорейшего прохождения сей мимолётной и мгновенной жизни, аки для нас ненужной или вредной?

Митрополит присел на скамейку под раскидистой липой и оглядел своих спутников, среди которых были старшие семинаристы и молодые учителя. В китайчатом полукафтани, соломенной шляпе и туфлях на босу ногу маститый иерарх выглядел сущим философом в окружении учеников.

– Дети мои, человек есть животолюбив. Сия истина естественна, яко от Бога влиянна. Ибо если бы человек не был животолюбив, он не радел бы о себе, он при всяком прискорбном случае лишил бы себя жизни; он подобен был бы дикому зверю, всякаго терзающему, подобен был бы отчаянному. Мог ли бы таковой о другого пользе или о сохранении другого жизни подумать, когда бы собственную свою презирал?

Затаив дыхание, слушали юноши мысли старца.

– Сия к жизни сей любовь не только нужна для благоденствия человека, но и есть связь общества. Когда я люблю жизнь свою, буду беречь и другого, ибо по собственному животолюбию рассуждаю, сколь дорога она должна быть и другому. И потому для любви к ближнему положил правилом Спаситель любовь нашу к самим себе: Возлюби ближнего твоего, яко сам себе. А сие означает, что не любящий самого себя другого любить не может... Так, дети, я думаю.

В ноябре 1803 года Василий Дроздов был назначен учителем греческого и еврейского языков в триицкой семинарии с жалованьем в сто пятьдесят рублей в год.

Глава 7

Митрополит и цари

Семинаристы искренне любили своего митрополита и полагали, что хорошо знают его, но им была ведома всего часть его жизни и личности, причём малая часть. Они привыкли видеть доброго седобородого старца иногда в соборе и семинарии, чаще – в любимой им Вифании, где у ворот монастыря он попросту сидел на скамье, беседуя с лаврскими и пришлыми монахами, с богомольцами, а то шествовал по окрестной роще в дружески отеческой беседе, с наставниками и воспитанниками обеих семинарий. Так прост был митрополит, что иные семинаристы втайне недоумевали: в Вифанском храме сам правил клиросную должность, читал Часы и Апостол, подавал служившему иерею кадило и теплоту причастникам. Недоумевающе поразились бы более, зная, на каких высотах побывал владыка.

В 1770 году Платон Левшин был произведён из архимандритов прямо в архиепископы, став в тридцать три года самым молодым архиереем русской церкви. Способствовали тому не столько его таланты, сколько положение законоучителя наследника, великого князя Павла Петровича. Доверие к нему со стороны государыни Екатерины Алексеевны и великого князя было настолько велико, что самого его удивляло. Его проповедями восхищались, его советов и мнений ждали и желали, потому любимца даже не отпускали надолго из Петербурга.

Учившийся на медные деньги сын деревенского священника Пётр Георгиевич Левшин, двадцати одного года от роду принявший монашество с именем Платона, мог пройти к успеху без помощи покровителей и интриганов явно по милости Божией, ибо обладал характером горячим, хотя простосердечным и откровенным.

Сознавая возможности, открывшиеся ему, пёлся владыка Платон об укреплении православия в России и о защите Церкви. Он пришёл в царский дворец с открытым сердцем, искренне привязался к августейшей семье, но ему мало было милостивого благоволения. Он желал дружбы, дающей; право на взаимную откровенность и заботу о счастье друг друга. Год и другой он высказывал свои идеалы и убеждения, подавляя обиды от невнимания и равнодушия, пока не понял тщету своих усилий.

Для царских особ непонятны и странны были его старания, а прямота суждений скоро стала раздражать. Глубокая набожность Платона вызывала улыбку, а открытое бескорыстие и неспособность к лести порождали уверенность в чрезвычайной ловкости молодого архиерея. Во дворце милее и надёжнее считали «ласкателей» и «искателей» (как усмешливо называл честолюбцев Платон). Его наконец отпустили на московскую кафедру, а затем перестали призывать на заседания Святейшего Синода.

Москва была родиной Платона, и он с радостью отдался многочисленным делам по устройству епархии. В производстве дел московский митрополит не взирал ни на просьбы высоких лиц, ни на слёзы виновных. Был он вовсе чужд мздоимства, почитая то подлою низостью. Всё решал по своему разумению.

Прежде всего он изменил порядок поставления священников по выбору прихожан, полагая их мнения пристрастными и не всегда основательными. Руководствовался владыка достоинствами кандидата в иереи. Недовольство оказалось велико, и пошли жалобы в Петербург, но вскоре те же дворянские жалобщики приезжали благодарить митрополита за хорошего священника.

Продолжая попечение о духовенстве, Платон старался улучшить его материальное положение. Не колеблясь, закрывал скудные и малочисленные приходы, присоединяя их к другим, дабы более доставить духовенству пропитания. С тою же целью сколько возможно уменьшал состав причта.

Особенное внимание обратил он на духовные школы, ибо темно оставалось духовенство. По воле Платона были открыты новые семинарии в Саввино-Сторожевском монастыре в Звенигороде, в Лаврентьевом монастыре в Кашире. Митрополит потребовал, чтобы все духовные отдавали сыновей учиться, грозя, что в ином случае дети их отосланы будут для причисления к подушному окладу (который духовные не платили) или для определения в военную службу. К этому было прибавлено, что и места священнические и прочие в епархии будут замещаться токмо обучавшимися в семинарии.

Зашевелились недовольные. Возникла угроза десяткам священнических династий, сытно и бесхлопотно сидевших на своих приходах. Поначалу требование митрополита учиться посчитали мимолётной блажью: порядок служб и необходимые молитвы помнили назубок, Евангелие и Псалтирь умели читать, чего ж ещё? Но митрополит не отступал. Тогда пошли в Петербург с надёжными людьми доносы.

Первоприсутствующим в Синоде в то время был митрополит Гавриил, характером суровый и резкий. Он и разбирал донос о том, что митрополит ввёл-де новый налог на священнослужителей. Платону пришлось объясняться и оправдываться, что не налог он объявил, а приглашение о добровольных пожертвованиях в пользу бедных академистов, учившихся в Славяно-греко-латинской академии.

Сокрушаясь об этой и иных неприятностях, Платон писал другу, казанскому архиепископу Амвросию: «Нас ставят ни во Что, и светские правители не только хотят подчинить нас себе, но и почитают своими подчинёнными. Особенно тяжко, что наше-то синодское начальство не только не идёт против них, но даже содействует им и бежит с ними вперегонку... Что нам делать, несчастным, как не призывать Бога не устами, а делом?»

Вот тогда-то, в нелёгкие дни, владыка Платон и задумал построить свою Вифанию. Через Троице-Сергиеву лавру течёт на восток малая безымянная речка, с которой двумя вёрстами ниже соединяются с обеих сторон два ручья. При слиянии их некогда была лаврская мельница с птичьим и скотным дворами, но всё пришло в упадок, осталась лишь густая берёзовая роща Корбуха. Место это полюбилось Платону, и он задумал поставить там монастырь.

Епархиальных денег на это не доставало; Синод, раздражённый тратами митрополита на духовные школы, наверняка откажет – так начнём помаленьку сами, рассудил владыка. Официально было заявлено, что в роще устраивается кладбище для монахов. После поставили церковь. Построили покойцы для митрополита и несколько домиков для братии. Насаждали липы и сирень. Сию обитель Платон назвал Вифанией в память о воскресении Лазаря¹², дабы живущие здесь и приходящие чаще вспоминали об этом чудесном событии, важной опоре веры в истории божественного домостроительства.

Митрополит постоянное пребывание имел в Москве на Троицком подворье, летом – то в Перерве, то в черкизовском загородном доме, то в Саввино-Сторожевском монастыре, а потом как-то пристрастился к Вифании. Всё там было хорошо, но жизнелюбивой натуре его казалось пусто – и он завёл семинарию, чтобы дыхание молодости не прерывалось в обители. Однако Сделанное оставалось без формального утверждения властью.

В 1792 году он обратился к императрице с просьбою об увольнении от управления епархией на покой в лавру. Государыня ответила, что жалеет о его болезнях, признает его заслуги, но не может уволить его, дозволяя, однако, поручить управление епархией его викарию, а самому пребывать в лавре. Царская воля – закон.

¹² ...назвал Вифанией в память о воскресении Лазаря – Вифания – место на восточной стороне Масличной горы. В этом селении много раз ночевал Иисус. Здесь жили сёстры Марфа, Мария и их брат Лазарь. В Евангелии от Иоанна (11:1—45) рассказывается история: Лазарь заболел, и сёстры сообщили об этом Иисусу. Он ответил, что болезнь эта не к смерти, но к славе Божией, и ещё два дня оставался там, где застало его сообщение Марфы и Марии, и только после этого отправился в Вифанию. Между тем Лазарь умер и лежал по прибытии Иисуса уже 4 дня в могиле. Когда Иисус увидел плачущих сестёр, он воскресил Лазаря.

Платон занялся обустройством митрополичьих владений. Воссоздал Чудов монастырь в Кремле, заново выстроил митрополичьи покои в том же Чудове, на Троицком подворье и в Черкизове. Получив от казны тридцать тысяч рублей на лавру, он построил новую ризничую палату, в Троицком соборе поставил новый иконостас и обложил его серебром, доказал стенные росписи на золоте. То же сделал и в Трапезной церкви, и у Михея, и в Сошественской церкви – везде новые иконостасы, новые росписи. У Успенского собора выстроено было новое крыльцо, сад лавры обнесли высокой оградой. Преобразилась лавра, и радовалось сердце Платона.

Но где радость – там и печаль. «Прежде я вас письмами задирал, – писал Платон Амвросию, ставшему митрополитом новгородским, – ибо, несколько рулём Общих дел правя, имел что писать. Но нынче всё вращается без меня, другие на себя обращают и очи и перо... Теперь сижу в Вифании, да и место... Но мира каверзы и сюда достигают. Я думал было за прежние труды и заслуги получить ежели не награду, то хотя похвалу, хотя щадение. Но видно, что мало добра сделал я, а самолюбием сам себя обманывал... Впрочем, не унываю, и спокойствие духа при всяких неблагоприятных обстоятельствах никогда не оставляет меня, это дар Божий, за который не устаю благодарить Всевышнего».

В последние годы правления Екатерины Платон страдал, видя злоупотребления власти, её презрение к простому человеку, всевозрастающее безверие и развратность нравов верхов. Ему передали слова царицы, сказанные в голодный год: «У нас умирают от объедения, а никогда от голода. У нас вовсе не видно людей худых и ни одного в лохмотьях, а если есть нищие, то по большей части это ленивцы – так говорят сами крестьяне». Он уже потерял надежду на обретение народного блага от власти, желалось лишь – поменьше вреда.

В ноябре 1796 года Екатерина скончалась, и Павел Петрович тут же вызвал московского митрополита в Петербург. Ехать не хотелось, Платон медлил. Пришло письмо от императрицы Марии Фёдоровны с напоминанием, что государь ждёт его. На двадцать первый день Платон отправился, но, не доезжая Твери, получил высочайший выговор «за медленность». Платон знал, что Павел гневлив, да отходчив, но стерпеть не захотел и вернулся в лавру. В Петербург ушло письмо с объяснениями и просьбою об увольнении на покой.

В ответном письме император в тёплых выражениях отзывался о Платоне и пояснил, что требовал его к себе «по привычке быть с ним и для того, чтобы возложить на него орден», и что «надеется на продолжение службы его по епархии». Заодно государь освободил его от труда приезжать в Петербург.

Слух о недовольстве государя митрополитом быстро пролетел по Москве, и Троицкое подворье в приёмные дни стало на удивление малолюдным. После тёплого письма государя и извещения об ордене вдруг нахлынула толпа гражданских и военных чиновников во главе с генерал-губернатором, и все сердечно поздравляли высокопреосвященного.

Всё уж, казалось, пережил и перевидел он, а вот поди ж ты, кольнула обида, когда митрополит Гавриил назначил его в день коронации служить в Архангельском соборе и выговорил за самоуправное открытие нового монастыря. Смолчал и лишь в ответ на слова бывшего августейшего воспитанника: «Завтра мы с вами будем служить вместе», – отвечив: «Увы мне». Павел тут же всё переменял.

Благоволение императора к Платону не убавило даже строгое замечание митрополита, когда новопомазанный государь хотел войти в царские врата со шпагой на бедре. «Здесь приносятся бескровная жертва, – сказал Платон, указывая на престол Успенского собора. – Отыми, благочестивейший государь, меч от бедра своего». Павел послушно отступил и снял шпагу (хотя ранее иные духовные к ней прикладывались как к святыне). На следующий день Платон отказался приносить поздравления вместе с православным духовенством в присутствии римско-католических прелатов, и Павел принял католиков позднее.

Однако с орденом император не передумал. Как ни объяснял ему старый митрополит, что неуместно духовенству получать ордена от государства, что это ещё более оттолкнёт от церкви старообрядцев, что награды их ждут на небесах, – Павел сам надел на него синюю ленту и высший в империи орден Святого Андрея Первозванного.

Равнодушным взором смотрел Платон на суету императорского двора, льстивые обращения новых придворных. Всё помельчало как-то после Потёмкина, Безбородко и Орловых¹³. Для себя нечего было просить Платону, но была Вифания. Он зазвал туда Павла и получил указ о создании Спасо-Вифанского второклассного монастыря с семинарией при нём. Пела душа старика от радости.

Текущими делами епархии занимался викарный епископ, митрополит же полностью отдался семинарским делам, поставлению священников да По временам обращался с просьбами к государю: увеличить расходы на содержание братии лавры, на содержание богаделен, и неизменно получал искомое. Хотелось надеяться, что Павел Петрович охладевает к масонским и католическим увлечениям и всё более открывает своё Сердце православию, как то случалось со всеми государями российскими, сколько бы ни текло в их жилах немецкой крови... Но Провидение судило иначе.

По завещанию Павла Петровича митрополиту были присланы в Москву большая императорская карета, любимая трость покойного императора, набалдашник которой был богато осыпан бриллиантами и изумрудами, и золотые часы с бриллиантами. Радости сии дары не принесли. Следовало готовиться к новой коронации. В те дни митрополит написал своё духовное завещание.

Владыка Платон был очень далёк от высших сфер и не мог знать подробностей смерти Павла Петровича¹⁴ 12 марта 1801 года в только что построенном Михайловском замке, однако главное знал. Если б возможно было уйти тут же на покой – пешком бы поплёлся в Вифанию, но он монах, однажды и навсегда отрёкшийся от этого мира и своей воли, и должен следовать воле начальства. Митрополит сам служил панихиды по покойному государю и молебны во здравие взошедшего на престол государя, а по ночам молился в своей келье, моля Всевышнего о снисхождении к великим грешникам мира сего, из коих первый есмь он сам.

Ранним утром 15 сентября 1801 года двадцать один пушечный выстрел оповестил Москву о наступлении торжественного дня коронации. Стечение народа в Кремль было необыкновенное, хотя допускали только чистую публику по билетам; простонародье Толпилось за кремлёвскими стенами. В Успенский собор впускали только по именным билетам членов иностранных посольств, особ первых трёх классов и лиц, состоявших при особах императорской фамилии. Размещались они на специально выстроенных ярусах: наверху дамы, внизу кавалеры.

¹³ Всё помельчало как-то после Потёмкина, Безбородко и Орловых. – Потёмкин Григорий Александрович – см. коммент. № 9. Безбородко Александр Андреевич (1747–1799), русский государственный деятель и дипломат, светлейший князь. С 1775 г. секретарь Екатерины II, с 1783 г. фактический руководитель российской внешней политики, с 1797 г. канцлер. Орловы – Алексей Григорьевич (1737–1807/08) – граф (с 1762), генерал-аншеф (с 1769 г.). Один из главных участников дворцового переворота 1762 г. Командовал русской эскадрой в Средиземном море. За победы у Наварина и Чесмы получил титул Чесменского. С 1775 г. в отставке. Его брат Григорий Григорьевич (1734–1788) – граф, фаворит Екатерины II. Один из организаторов дворцового переворота 1762 г. Генерал-фельдцейхмейстер русской армии (1765–1775).

¹⁴ ...не мог знать подробностей смерти Павла Петровича... – Павел I (1754–1801), российский император (1796–1801), был убит (избит и задушен) в результате заговора гвардейских офицеров в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в Михайловском замке. Причиной заговора явилось недовольство среди дворян (в том числе сановных) и офицеров правлением Павла I, его мелкой придирчивостью, самодурством, ростом централизации и бюрократизации государственного аппарата. Во главе заговорщиков стояли граф Пален, кн. Голицын, Талызин, Уваров, братья Зубовы и др., а также английский посол в Петербурге Уитворт. Заблаговременно они решили переговорить и с цесаревичем Александром, уверяя, что речь идёт только лишь о регентстве. Таким образом, косвенно Александр был посвящён в тайные планы заговорщиков.

По вступлении в собор императорская чета поклонилась святыням и заняла места на тронах. По храму пронёсся восторженный Шёпот, и верно, на удивление были хороши в то утро Александр Павлович и Елизавета Алексеевна, блистая красотой молодости и счастья.

Началась божественная служба. По прочтении Евангелия митрополит Платон подал императору порфиру и, когда надевал её на государя, читал молитву. Император повелел подать корону и сам возложил её себе на голову... Старик заглянул в лицо самодержцу все-российскому, но прекрасные голубые глаза были будто закрыты непроницаемой завесой.

За стенами собора пушки рывкали сто один залп, гудели и звенели колокола Ивана Великого и всех московских церквей. Александр Павлович опустил на колена и стал молиться. После того митрополит Платон произнёс своё слово.

– Итак, сподобил нас Бог узреть царя своего венчанна и превознесенна. Что же теперь глаголем мы? Что сотворим, о российские сынове? Возблагодарим ли Вышнему Царю царей за таковое о любезном государе нашем и о нас благоволение? И мы благодарим всеусерднейше. Вознесём ли к Нему моления, дабы доброте сей подасть силу? И мы молим Его всею верою нашею...

Твёрдый баритон митрополита был хорошо слышен во всём пространстве огромного храма. Иностранцы и придворные, выждав первое мгновение, начали потихоньку переговариваться, полатая речь высокопреосвященного всего лишь необходимым элементом коронации.

– ...Пожелать ли вашему императорскому величеству счастливаго и долголетняго царствования? О! Забвенна буди десница наша, аще не всегда будем оную воздевать к небесам в жару молений наших!.. Вселюбезнейший государь! Сей венец на главе твоей есть слава наша, но твой подвиг. Сей скипетр есть наш покой, но твоё бдение. Сия держава есть наша безопасность, но твоё попечение. Вся сия утварь царская есть нам утешение, но тебе бремя.

При этих словах стоящие ближе к амвону увидели, как Александр Павлович устремил пристально взор на митрополита и невольно подался к нему (государь был глуховат).

– Бремя поистине и подвиг! Предстанет бо лицу твоему пространнейшая в свете империя, каковую едва ли когда видела вселенная, и будет от мудрости твоя ожидать во всех своих членах и во всём теле совершенного согласия и благоустройства. Узриши сходящие с небес весы правосудия со гласом от Судии неба и земли: да судиши суд правый, и весы его да не уклониши ни на шее, ни на десное. Узриши в лице Благаго Бога сходящее к тебе милосердие, требующее, да милостив будеши ко вручаемым тебе народам.

Наконец, благочестию твоему предстанет и Церковь, сия мать, возродившая нас духом, облечённая в одежду, обагрённую кровию Единородного Сына Божия. Сия Августейшая дочь неба, хотя довольно для себя находит защиты в единой Главе своей, Господе нашем Иисусе Христе, яко ограждённая силою креста Его. Но и к тебе, благочестивейший государь, яко первородному сыну своему, прострёт она свои руки и, Ими объяв твою выю, умолять не престанет: да сохраниши залог веры цел и невредим, да сохраниши не для себя токмо, но паче явиши собою пример благочестию – и тем да заградиши нечестивыя уста вольнодумства, и Да укротиши злый дух суеверия и неверия!..

Ограничься московский митрополит этим, и им бы восхищались все без исключения. Но он переложил страницу, оглядел сотни стоящих людей и, опершись руками об аналой, продолжал:

– ...Но с Ангелами Божиими не усомнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрест престола твоего пресмыкаться и ласкательство, и клевета, и пронырство со всем своим злым порождением, и дерзнут подумать, что якобы под видом раболепности можно им возобладать твоею прозорливостию. Откроют безобразную главу свою мздоимство и лицепрятие, стремясь превратить весы правосудия. Появятся бесстыдство и роскошь со всеми видами нечистоты, к нарушению святости супружеств и пожертвованию всего единой плоти и крови, в праздности и суете.

При таково злых полчищ окружении обьимут та истина и правда, мудрость и благочестие, и будут, охраняя державу твою вкупе с тобою, желать и молить, да воскреснет в тебе Бог и расточатся врази твои... Се подвиг твой, державнейший государь, се брань, требующая – да препояшаши меч твой по бедре твоей. О, герой! И полети, и успевай, и царствуй, и наставит та дивно десница Вышняго!

Митрополит поклонился императору и вошёл в алтарь.

Обе императрицы, вдовствующая Мария Фёдоровна и царствующая Елизавета Алексеевна, покровили губы. В сей радостный день они предпочли бы услышать только приятные слова. Статс-дамы позволили себе вслух выразить неудовольствие речью Платона. После выхода августейшей семьи из храма потянулись и приглашённые. Разговоры сосредоточились на отдельных моментах коронации и на ярком предостережении митрополита.

Поздно вечером вопрос этот обсуждался Александром Павловичем с близкими – Адамом Чарторижским, Павлом Строгановым и Николаем Новосильцевым – в заново отделанных покоях кремлёвского дворца. Речь Платона императору не понравилась. Согласившись на участие в заговоре против отца, Александр теперь всячески стремился забыть весь тот ужас и желал предстать перед миром и своим народом в светлых ризах христианнейшего государя.

– Без сомнения, старый митрополит руководствовался высокими образцами классиков при составлении своей речи, но отдельные намёки в ней могут вызвать толки... – размышлял Строганов. Разговор шёл по-французски, ибо все четверо предпочитали этот язык за тонкость и точность выражений.

– Так запретить? – поднял голову Александр. – Это невозможно.

– Для вас отныне нет невозможного, – улыбнулся поляк Чарторижский, презиравший Россию и потому особенно наслаждавшийся своим пребыванием в самом её сердце. – Но полагаю, нет нужды в первый год столь счастливого царствования порождать недовольных. Объясните, сир, эту речь образцовой, напечатайте в тысячах копий и сделайте обязательной для изучения в школах. Ручаюсь, от неё отвернутся тут же!

Компания громко расхохоталась.

На следующий день речь митрополита Платона была переведена на французский, немецкий и английский языки, спустя неделю Опубликована в московских и санкт-петербургских «Ведомостях», издана отдельными оттисками и предложена к обязательному изучению в учебных заведениях Российской империи как классический образец красноречия.

Александр Павлович Москву не понимал, не любил и с лёгкостью забыл после коронации. Он полностью погрузился в дела государственные, отдавая всей душою составлению плана коренных преобразований в империи. Вера оставалась внешним атрибутом его царской власти, он принимал за неё участие в церковных богослужениях и отдельные приливы сомнения, отчаяния или радости, побуждавшие его вспоминать имя Господне.

Синодские дела мало беспокоили его, но со временем там назрел конфликт между обер-прокурором Яковлевым и митрополитом Амвросием. Жалобы шли с обеих сторон. Следовало заменить обер-прокурора. Но кого поставить? Церковь также должна была подвергнуться преобразованиям, и следовало иметь в её управлении человека надёжного...

7 октября 1803 года в Зимний дворец был призван князь Александр Николаевич Голицын. Он был друг государя, во всяком случае, имел больше прав на это звание, чем кто-либо в империи, ибо воспитывался с младенческих лет с будущим царём, играл с ним и с тех пор пользовался немалою доверенностью. Впавший в немилость при Павле Петровиче, Голицын в новое царствование был призван к службе и назначен в Сенат, но основное время тратил на развлечения, толк в которых понимал. Однако в свои тридцать лет (он был на четыре года старше государя) князь Александр Николаевич выглядел свежо и бодро. В кабинет государя он вступил энергичным шагом.

– Ты, брат, тоже плешивеешь, – всмотревшись в него близоруко, заметил император. – Вот они, последствия тугих батюшкиных косичек... Садись. Князь, давай без предисловий. Я думаю назначить тебя в Синод. Яковлев повёл себя там слишком круто. Начал какие-то расследования и восстановил против себя всех синодских. Что ты об этом думаешь?

– Какой я обер-прокурор? – удивился Голицын. – Разве вам, государь, не известно, что, приняв назначаемую вами обязанность, я ставлю Себя в ложные отношения – сперва к вам, потом к службе, да и к самой публике... Вам небезызвестен образ моих мыслей о религии, и вот, служа здесь, я буду уже прямо стоять наперекор совести и моим убеждениям.

– Убеждениям... – с непередаваемой интонацией повторил император. – Князь, мне бы хотелось, чтобы преданный мне и мой, так сказать, человек занимал эту важную должность. Я никогда не допускал к себе Яковлева, никогда с ним вместе не работал, а ты будешь иметь дело непосредственно со мною, потому вместе с тем я назначу тебя и моим статс-секретарём.

– Позвольте мне, ваше величество, хорошенько об этом подумать, – встал с кресла Голицын.

– Конечно, князь, подумай. Сегодня Я подпишу указ об увольнении Яковлева.

Голицын решил посоветоваться со своим приятелем Гурьевым. Ему не хотелось перечить ясно выраженной воле Александра, но пугала перспектива погрузиться в тяготные дебри бумажных дел. Пролетели Три дня. От государя пришла записка с приглашением в Таврический дворец на обед.

Обедали вдвоём. За закусками обсудили последние любовные сплетни, князь рассказал о новой итальянской опере, а государь о новых идеях Михайлы Сперанского¹⁵.

– Нужны новые люди, князь! Слышал, что Державина я заменил Лопухиным? Предстоят большие дела!.. Ну, как же ты думаешь о своём месте? Решаешься ли?

– Ваше величество, я ещё не успел поговорить с Гурьевым, потому что его нет в Петербурге.

Александр посмотрел на него поверх старинной рюмки красного стекла с золотыми разводами.

– Будучи твоим истинным другом, я был бы вправе ожидать большей к себе доверенности. Мне прискорбно видеть, что ты советы Гурьева предпочитаешь моим указаниям.

В голосе Александра Голицын услышал не столько недовольство государя, сколько искреннюю обиду друга и усовестился.

– Ваше величество, простите. Я на всё согласен.

Именным императорским указом, данным Святейшему Синоду 21 октября 1803 года, на должность обер-прокурора был назначен князь Голицын.

Князь Александр Николаевич стал ездить в свой департамент, находившийся на Васильевском острове в здании Двенадцати коллегий. Входил в зал, полутёмный от тяжёлых штор на узких окнах. На огромном столе, покрытом зелёной скатертью, стояли зеркало и распятие.

¹⁵ ...о новых идеях Михайлы Сперанского. – Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) – русский Государственный деятель, граф (с 1839 г.). С 1808 г. ближайший советник императора Александра I, член Комиссии составления законов, товарищ министра юстиции. К октябрю 1809 г. по поручению Александра I составил план государственных преобразований; рекомендовал для предотвращения революции в России придать самодержавному строю внешние формы конституционной монархии, для чего осуществить ряд либеральных преобразований. В частности: ввести элементарную законность, выборность части чиновников, новые начала организации государственного контроля и т. д. По проекту Сперанского политические права получали только два сословия: дворянство и «среднее состояние» (купцы, мещане, государственные крестьяне). Они выбирали законодательную Государственную думу и распорядительные окружные и губернские думы, а также судебные органы и проч. Третьему сословию – «народу рабочему» (крепостные крестьяне, рабочие, дом. прислуга) по проекту Сперанского давались лишь некоторые гражданские права при сохранении крепостного строя. Сперанский считал, что крепостное право будет отменено постепенно, путём развития промышленности, торговли и просвещения. Объективно же планы Сперанского несколько ограничивали самодержавие и при сохранении основ крепостничества расширяли правоспособность буржуазных элементов. Сперанский был также инициатором создания Гос. совета (1810) и получил в нём должность государственного секретаря.

Он садился на какой-то византийский трон из позолоченного дерева, и чиновники в чёрных костюмах, всё как на подбор с постными лицами, приносили для ознакомления дела.

– ...и представьте, ваше величество, всё дела будто нарочно идут о прелюбодеяниях... и во всех подробностях!

Они вновь обедали вдвоём. Александр Павлович пристально посмотрел на князя.

– Расскажи мне все твои впечатления.

– Не затаю пред вами, ваше величество, что Синод произвёл на меня впечатление самое невыгодное, чтоб не сказать более. Мрачный вид этой закоптелой камеры, черноризцы в мрачнейших рясах, вместо украшений – распятие... Всё это наваяло на меня грусть могильную. Мне всё кажется, что приготовляются меня отпевать заживо! Да и дела там не по мне...

Князь весело улыбнулся, но осёкся, увидев серьёзнейшее лицо царя.

Александр Павлович вознамерился стать великим государем и преобразовать к лучшему жизнь всех своих подданных, вырвав их из обветшалых оков старины. Для того он учился у всех, внимательно выслушивал мнения и прочитывал десятки поступавших записок. Он считался с мнениями вельмож Панина и Куракина, молодых друзей своих Строганова и Новосильцева, известного умника Сперанского и никому не известного Каразина¹⁶, а также – митрополита Платона. Но по молодости лет и самолюбивому складу характера император не желал гласно признавать чужое авторство полезных идей. Всё должно было исходить от него. Он сам, как некогда Александр Великий, одною своею волею изменит мир...

В рамках намечаемых императором перемен предусматривалась реформа в деле духовного образования. На основании записок, подготовленных статс-секретарём Михайлой Сперанским и его однокашником по Александро-Невской семинарии архиепископом калужским феофилактом, был выработан единый план и создана Комиссия по делам духовных училищ. В её состав вошли князь Голицын, митрополит Амвросий и оба автора записок. Комиссия разрабатывала новые учебные программы, единые для всех духовных школ, семинарий и академий. Слухи об этом поползли из епархии в епархию.

Митрополита Платона никто не извещал о предстоящих переменах, а новости он узнавал от митрополита Амвросия всегда со значительным опозданием. Обидно было. Обидно не для стариковского самолюбия, а для дела – как он ни стар, а всё же кое-что присоветовать мог. Могли бы мнением его поинтересоваться. Но государь не соизволил распорядиться, а Феофилакт – человек молодой и не по сану отважный – и рад стараться всем вертеть...

У московского митрополита имелись основания для такого неблагоприятного суждения. Феофилакт Русанов был посвящён в сан епископа калужского в тридцать четыре года в присутствии императорской фамилии. Он получил известность своей широкой образованностью, отличным знанием французского и немецкого языков, чем сразу расположил в свою пользу обеих императриц, был красноречив и светски любезен. После смерти Павла его положение поколебалось. Присланный в Калугу с ревизией министр Державин открыл массу преступлений и злоупотреблений со стороны губернатора и губернских чиновников, с которыми, говорил во всеподданнейшем докладе, имел тесные сношения епископ калужский Феофилакт. Однако при содействии Сперанского дело замяли.

¹⁶ ...никому не известного Каразина... – Каразин Василий Назарович (1773–1842), русский Либерально-дворянский просветитель, общественный деятель, основатель Харьковского университета. Испытал известное влияние идей французской буржуазной революции кон. XVIII в. и был одно время близок с Радищевым, от которого перенимал ряд мыслей о гос. устройстве России. В письме Александру I (1801) предложил ограничить самовластие «непреложными законами», облегчить положение крепостных крестьян, ввести гласность суда, развивать народное просвещение, промышленность и торговлю. Однако со временем отошёл от этих прогрессивных планов и неизменно подчёркивал свою приверженность монархическому образу правления. Отмену крепостного права считал недопустимой. Но справедливо сказать: проекты Каразина содержали и положительные моменты – решительную критику некоторых отрицательных сторон существующего строя, за что Каразин подвергался репрессиям: в 1820 г. на полгала был заключён в Шлиссельбургскую крепость, затем находился под надзором полиции и т. д.

Теперь же Феофилакт покушался отнять от него управление подлинно родными детищами – семинариями! О том ли пещься надо!

Общее состояние Православной Церкви вселяло тревогу. В письме митрополиту Амвросию в 1804 году Платон писал: «...молиться о корабле церкви очень и очень должно. Усилились: 1) неверие, 2) философия, маскою христианства прикрытая, и 3) папизм. До какой степени лукавы и злобны его орудия – иезуиты...» Верхи уклонялись в мистицизм, низы – в раскол. Борьбе и с тем и с другим не виделось конца.

Душевную радость старику доставило пострижение в монашество Андрея Казанцева. Он давно направлял на этот путь любимого своего ученика, предостерегал его от явных искушений: то граф Кирилл Алексеевич Разумовский приглашал в учителя, то один священник готов был сдать Андрею своё место с взятием его дочери в жёны. Но Господь судил иначе.

16 декабря 1804 года Казанцев был пострижен наместником лавры архимандритом Симеоном с именем Евгения, а 6 января 1806 года митрополит Платон в Троицком соборе лавры рукоположил Евгения в сан иеромонаха.

В том же январе 1806 года Александр Фёдорович Лабзин начал в Москве издание нового журнала под названием «Сионский вестник», быстро превратившегося в идейный центр мистицизма.

22 июля митрополита постиг апоплексический удар, от которого он оправился спустя два месяца, да и то не вполне – ослабили язык и правая рука. Для посторонних взоров владыка заметно одряхлел, но дух его оставался твёрд.

Глава 8

Выбор пути

В июньский день 1808 года в Спасо-Вифанской церкви заканчивалась обедня. Церковь была заполнена семинаристами, не уехавшими на вакации домой, монахами и богомольцами. Владыка Платон находился, по обыкновению, на клиросе, ожидая, когда запоют его любимые «Иже херувимы».

Вдруг он заметил, что перед северными воротами в алтарь стоит свеча – видно, причетник забыл её отодвинуть, а сейчас предстоял Великий вход. Платон сказал стоявшему рядом незнакомому священнику:

– Батюшка, отодвиньте-ка свечу!

Священник искоса посмотрел на старого духовного в выцветшей коричневой рясе (Платон в тот день пришёл без клобука и без панагии) и нехотя ответил:

– Не подобает. Я священник.

Тогда Платон сам взял свечу, пронёс её перед вышедшим диаконом, остановился в царских воротах, чтобы получить благословение служившего священника, и затем, проходя со свечой мимо нелюбезного иерея, поклонился ему и промолвил:

– А я – митрополит.

Случай этот развеселил его, и из храма Платон вышел в добром расположении духа. Хотелось посидеть на скамейке возле храма под сенью выросших лип и отцветающей сирени, но в лавре ждали дела. Окружённый толпою семинаристов, владыка медленно направился к своему домику, где уже ожидала его карета.

Владыка был одинок. Большинство родных умерло, истинных друзей осталось немного, и потому всю свою нежность и ласку старик изливал на семинаристов. Он разрешил создать для них театр, в котором юноши играли духовные трагедии и исторические пьесы. На деньги, пожертвованные молодой графиней Орловой-Чесменской, купили инструменты и образовался оркестр. Калачи, раздаваемые митрополитом на занятиях, оставались для воспитанников не столько лакомством, сколько наградой.

– Ну что, мой милый!.. – погладил Платон по головке маленького семинариста. Тот как-то на занятиях получил от владыки задачу: придумать какое-нибудь противопоставление. Выпал: «Собака чем старше, тем злее, а наш архипастырь чем старше, тем добрее», – и, с опозданием сообразив неприличность сравнения, малиново покраснел. С тех пор он при встречах жался к владыке, но молчал.

– Ваше высокопреосвященство! – через головы обратился к нему троицкий семинарист. – Дозвольте просьбу представить!

– Срочное что? – повернулся Платон, припоминая, на каком курсе этот юноша. – Ну, отойдём.

Семинарист приблизился к нему с пожилым священником. Получив благословение митрополита, священник заговорил:

– Ваше высокопреосвященство, я протоиерей волоколамский Иоанн Фёдоров. Прошу милостивого вашего согласия на свадьбу дочери моей Аграфены с воспитанником Михайловым.

– Я тебе не сват! – с неожиданным гневом отвечал митрополит. – Зачем ты сего ученика отвлекаешь от школы? Он учиться может.

– Нечем существовать, владыко, – робко вступил семинарист.

– Просись на казённый кошт!

– Просился – отказано... Вот если б владыко могли предоставить мне до окончания курса диаконское место в городе Воскресенске.

– Что, оно не занято?

– Пустует после кончины моего родителя.

– Хорошо, подай просьбу, – тут же решил митрополит. – А тебе, батюшка, придётся нового жениха искать; Бог в помощь!

Благословив просителей, митрополит направился к карете. Милые, молодые, румяные, безусые и с редкими бородками лица окружили его. Среди них одно было милее всех. Платон нашёл его глазами и мимо всех обратился к учителю Дроздову:

– Помоги мне забраться. Ты один меня поддержишь.

Ходил владыка нормально, но при подъёме ноги отказывали.

Он опёрся на тонкую, но сильную руку Василия и сказал тихо на ухо:

– Загляни сегодня после вечерни.

Карета медленно тронулась. Ещё до того, как она выехала за ворота обители, Дроздов резко повернулся и пошёл к роще. Его проводили взглядами недоумёнными, равнодушными и завистливыми. Расположение митрополита к этому троицкому учителю было для всех явно. Ходили разговоры, что после пострижения другого своего любимца Казанцева владыка уговаривал решиться на то же Дроздова, но тот уклонился.

А Василий долго ещё прогуливался по Корбухе, стараясь ни о чём не думать, просто радоваться ясному летнему дню, в котором место нашлось и солнцу, и нежной зелени берёз, не умолкающей вдали кукушке и черно-белой сороке-белобоке, робкому колокольчику и ярко-алой землянике. Он ни о чём и не думал, но сознавал внутри постоянно беспокоящий вопрос: «Готов ли постричься в монахи и на всю жизнь остаться в лавре?» Ответа у него не было. То есть ответ был, и давно обдуманный, но оставались сомнения.

Едва ли кто знал бы заштатный городок в Дмитровском уезде Московской губернии, не существуй там несколько столетий Свято-Троицкая лавра, подлинно духовный центр России. Сюда не переставал течь людской поток.

Каждодневно под своды высоких и массивных ворот входили, осенив себя крестом, богомольцы. Весной в распутицу поток этот замирал, с тем чтобы к Пасхе возрасти многократно. С молитвой о помощи или просто о благословении к преподобному обращались мужики и бабы, отпущенные помещиками на богомолье, бойкие купцы, откупщики, мастеровые, благородные российские дворяне и сами цари, при посещении старой столицы непременно отправлявшиеся в лавру.

Радовалось сердце от вида соборов и церквей, от нежного перезвона курантов на лаврской колокольне, каждые четверть часа вызванивавших «Коль славен наш Господь в Сионе». Спешили богомольцы к вечерней службе, к исповеди, чтобы утром следующего дня причаститься.

После службы мужики в чистых рубахах и бабы в нарядах всех великороссийских губерний отдыхали, устроившись прямо на земле. Развязывались узелочки, откуда доставалась нехитрая снедь: хлеб, луковица, репа, огурцы. За водой ходили к источнику возле Успенского собора, отстаивали очередь и напивались от души лёгкой троицкой водою, считавшейся целебной. Самые припасливые набирали её в баклажки, чтобы сохранить подольше, чтобы поделиться дома. А иные, медля отойти от тонкой струи источника, напоследок умывались и смачивали голову.

Обходили богомольцы все открытые церкви, ставили свечи в поминание живых и усопших, как своих, так и чужих, на помин которых дадены были гроши и копейки. Прикладывались к чудотворным иконам и мощам преподобного Сергия, преподобного Михея, бывшего в услужении у святого Сергия и очевидца явления святому Сергию Богородицы; святителя Серапиона новгородского, а если повезёт – к ларцу, в котором хранится кисть руки святого архидиакона Стефана, к камню от Гроба Господня.

Увязывали в узелки просфоры, освящённые в лавре крестики и иконки. Вновь устраивались возле своих, чтобы назавтра после заутрени двинуться в обратный путь. Не все брали с собою детей, ибо долог и труден был путь. Потому богомольцы с особенным умилением смотрели на деток, бегавших в своё удовольствие друг за другом, плескавшихся в обмелевшей речушке, игравших нехитрыми деревянными игрушками местной работы, кормивших непосед воробьёв и многочисленных лаврских кошек. Завязывались разговоры, как живётся у такого помещика, как у другого; странники рассказывали о Киево-Печерской лавре, о Валаамском монастыре, о дивных чудесах и угодниках Божиих. И слушалось легко, и дремалось легко под высоким ярко-голубым летним небом, по которому плыли себе потихоньку белые облака.

– Эх, благодать... – скажет мужик.

И точно, благодать в лавре и летом и зимою, когда храмы заносились снегом, монахи и богомольцы в тяжёлых тулупах, армяках и шубах ходили по дорожкам между высокими сугробами, и дымы от печей в пекарне и кухне тянулись прямо вверх. Минет зима, и снова заголубеет небо, заворкуют голуби на крыше семинарии, а чёрные ряды монахов всё так же будут тянуться на службу в храмы...

Письмо к отцу, начатое вчера, Василий уже не хотел продолжать после встречи с митрополитом в Вифании. Отец знал всё. Когда два года назад он написал о предложении владыки Платона, батюшка ответил кратко: «Всё зависит от способностей и склонностей каждого, который можно знать самому». Чувствовалась обида старого священника, стезей которого пренебрегает родной сын.

Но в старике митрополите Василий нашёл точно второго отца, – так внимателен, ласков и требователен был с ним владыка. Забросал подарками: в прошлом году подарил шинель, пояс и ананас, а за эти полгода – гранатовые яблоки, в апреле – свежий огурец, на Пасху – искусственное яйцо, неделю назад – второй том своих проповедей и полукафтаны. Василий понимал, что владыка не пытается задарить его и купить его согласие на пострижение, то были дары любви и, может быть, восхищения его проповедями.

Дважды приезжали за ним из Коломны прихожане, с покорностью прося владыку Платона о поставлении к ним Василия Дроздова в приходские священники. Оба раза владыка, не спрашивая Василия, им отказывал, отвечая одно: «Он мне здесь самому нужен!»

Так близок казался берег, так знаком, там ожидали его отец, мать, бабушка... и Катенька, дочка отца Симеона. Простым и понятным виделся весь дальнейший путь, но что-то удерживало его от этого лёгкого шага. И течение жизни несло дальше...

Как было выразить то, что сам он скорее чувствовал, чем понимал рассудком? Не выгоды и невыгоды монашеского положения занимали его ум. Вера давно составляла основу его жизни, но в положении приходского священника страшило его впадение в некую обыденность, тогда как душа рвалась к большему, к более глубокому постижению сокровенной Божественной Истины. Его не понимали ни родные, ни многие собратья по службе, но вопреки житейскому здравому смыслу он полагался на внутренний голос, тихо звучащий в нём.

«... Меня затрудняет несколько будущее, – вновь взялся он за перо, – но я, не могши прояснить его мрачности, успокаиваюсь, отвращая от него взоры, и ожидаю, доколе упадут некоторые лучи, долженствующие показать мне дорогу. Может быть, это назовут легкомыслием, но я называю это доверенностью Провидению. Если я чего-нибудь желаю и мне встречаются препятствия в достижении предмета желаний, я думаю, что не случай толкнул их против меня и потому без ропота медлю и ожидаю, что будет далее. Мне кажется, что несколько лет нерешимости простительнее, нежели минута опрометчивости там, где дело идёт о целой жизни. Пусть кто хочет бежит за блудящим огнём счастья, я иду спокойно, потому что я нигде не вижу постоянного света. Я предлагаю Вам сии мысли, ожидая им справедливого суда от Вашей опытности и надеюсь узнать со временем Ваше мнение...»

Тем временем в комнате Дроздова, служившей кухней и столовой для троицких учителей, их слуга Дормидонт, отставной матрос и яростный спорщик по Апокалипсису, соорудил нехитрый обед. Жили учителя небогато. Жалованье Дроздова увеличилось до ста шестидесяти рублей, да ещё от высокопреосвященного добавлено было пятьдесят рублей за проповедничество, но все деньги уходили на пропитание и на книги.

На запахи свежих щей с укропом и селёдки с лучком потянулись товарищи: учитель риторики иеродиакон Самуил, учитель поэзии Кирилл Руднев, учитель грамматики латинского класса и немецкого языка Никифор Платонов, учитель низшего грамматического класса и французского языка Михаил Платонов, приехавший из ярославской семинарии учитель Протопопов. К концу обеда, когда Дормидонт принёс вторую бутыл лаврского кваса, в дверях показался отец ректор, которого тут же пригласили откусать.

Архимандрита Евграфа любили в семинарии. В нём не было ничего начальственного, однако ласковые просьбы его и укоризненный взгляд всегда печальных глаз воздействовали на семинаристов не слабее громовых разносов архимандрита Августина. Вот и сейчас ректор присел на лавку и вдруг рассказал недавний случай, когда его собачка Черныш всю истрепала картуз Василий Дроздова, играя с ним весь вечер, пока сам Дроздов и отец ректор были увлечены беседой о проявлениях соприкосновения земного и небесного миров.

После дружного смеха возникла пауза. Обыкновенно, отобедав, учителя до чая пускались в разговоры, но появление ректора у Дроздова было явно неслучайно, и они потянулись к дверям.

– Я с приятной вестью! – объявил ректор, когда они остались одни. – Только что владыка распорядился увеличить тебе жалованье до двухсот пятидесяти рублей! Ну не славно ли!.. Ты не рад?

– И рад и не рад, отец Евграф, – отвечал Дроздов. Они были друзьями с ректором, но Василий не решался обращаться к нему на «ты». – Владыка звал меня сегодня после вечерни.

– Верно, хочет объявить о прибавке.

– Нет, тут другое. Он ждёт от меня прошения.

– Что ж ты?

– Я думаю.

– Друг мой, объявлю тебе и иную новость. Меня призывают в Петербург. Официальной бумаги ещё нет, но известие сие верное. Через месяц-другой должен буду оставить я Троицу, семинарию и тебя... но прежде мне хотелось бы увидеть твоё пострижение. Ручаться не могу, но буди малая возможность помочь тебе оттуда – не премину сделать всё возможное... Решайся! Помнишь евангельские слова: Не вы избрали Мене, но Аз избрал вас? Помогите же Господи!

Несмотря на простоту и очевидность выбора, Василий выжидал. Терпеливое молчание митрополита, мягкие призывы отца Евграфа и затаённое недовольство отца он вполне понимал и всё же не спешил. В полной мере тут выказалось его пренебрежение суетной молвою, нередко покоряющей своей силой людей слабых.

Смирение – черта важнейшая, естественная и необходимая как в христианине, так и тем более в монашествующем, вполне проявилась в нём уже тогда. Однако одною покорностию не исчерпывался его характер. Все мы призваны на этот свет для свершения только нам вверенного дела, в котором и долг наш перед Богом и служение перед людьми. Никто не волен уклониться от оногo, но как же важно вовремя и правильно определить то самое своё дело, на которое стоит употребить все силы, потратить весь пыл сердечный. Мало кому неведомо блуждание по случайным путям, служение то ради копейки, то суетной молвы ради, без светлого чувства удовлетворения и душевного покоя. Как же важно на жизненном пути не изме-

нить себе, своему хотя бы и неясному призванию, устоять перед непониманием, а подчас и осуждением решения со стороны большинства.

В душе своей Василий давно сделал выбор и раз за разом утверждался в нём, работая над проповедями. Первую он произнёс по выбору митрополита Платона на день торжества освобождения обители преподобного Сергия от нашествия врагов.

– Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Было время – простите мне, что я от светлаго торжества облечённой славою России бросаю взор на мрачные виды России страждущей: тень возвышает красоту света, – было несчастное время, когда отечество наше, терзаемое иноплеменными, преданное недостойными сынами, готовилось испустить последнее дыхание. Часть верных ему и Богу, бежавших от опустошённых градов и сел, сокрывалась тогда в сей ограде, и враги, который, казалось, клялись не щадить ничего священного, истощили против нея все усилия злобы своей.

Ужасное состояние! Два ненасытимые чудовища, война и мор, споря о добыче, соглашались в лютости, в которую хотят поглотить сию обитель. Смерть за стенами, смерть в стенах; смерть носится в воздухе, смерть крадётся подземными стезями. Убийственные орудия досягают самого сего святилища, и Святые Божии приемлют раны на своих изображениях. Мышцы, способные обращать меч, оскудевают; едва остаётся несколько слабых рук для воздеяния ко гневному небесам.

Наконец, когда сирые чада отечества слезящимися глазами увидели, колько суетно спасение человеческое, когда всё колебалось, кроме упования на Вышнюю помощь, когда почти не было уже других орудий, кроме веры и молитвы, – Господь сил венчал нас оружием благоволения, и отчаяние, не нашед места между памятниками благочестия, устремилось в полчища злодеев.

Слава вам, насадители сего вертограда, возрадившаго лавры и оливы! Слава вам, бесплотные вожди безоружных воинов, преподобные отцы Сергие и Никоне, основатели и покровители сея обители! Слава тебе, беззащитная защита бедствующего царства! Торжествуй ныне избавление своё и со всею победоносною отселе Россиею, в подражание победоносной Церкви, исповедай, яко сия есть победа, победившая мир, и мир нам приобретающая вера во Всеблагаго и упование на Всемогущаго!..

Ясность языка, сила выражений и поэтическое вдохновение проповеди поразили многих. Владыка Платон порадовался успеху своего любимца и специально для него учредил должность лаврского проповедника. Он не обманулся в Дроздове и поверил в его будущее.

У Василия работа над проповедями, поиски единственно верного и сильного слова, выражающего и поясняющего смысл Священного Писания или значения церковных праздников, всё более усиливали стремление идти дальше и дальше по этому пути. Двадцатилетний учитель уже изведаль упоительные озарения мысли, вдруг обретающей то, что никто кроме тебя одного не знает; испытал восторги поэтической фантазии, вдруг дарящей выражениями красочными и сильными, так что сам после удивляешься; вкусил нелёгкого, но благодатного труда чтения и сравнения сочинений авторов, спорящих друг с другом, сходящихся и расходящихся по различным вопросам, и ему надлежало находить истину... И он находил!

Несколько лет он изучал с семинаристами творения отцов церкви и не мог не прикладывать к себе слова святого Антония Великого: «Муж умный, помышляя о сопребывании и общении с Божеством, никогда не прилепится ни к чему земному или низкому, но устремляет ум свой к небесному и вечному, зная, что воля Божия – сия вина всякого добра и источник вечных благ для людей, – есть та, чтоб человек спасся...»

Глядя на вихрастые и прилизанные макушки юношей, склонившихся над листами бумаги, он сознавал, что иночество есть тяжкий подвиг, в котором нет места многим житейским радостям – семье, жене, детям... но следовало быть последовательным и идти до конца.

«Всяк живущий на земле есть путник», – говорил святитель Тихон Задонский, так стоит ли обременять себя излишним грузом?..

Подлинное смирение – признак вовсе не слабости, а силы следовать воле Божией, несмотря на человеческие желания и немощи. «Конец нашей подвижнической жизни есть Царство Божие, – читал он у святого Иоанна Кассиана, – а цель – чистота сердца, без которой невозможно достигнуть того конца. К этой цели прикован взор наш, и должны мы направлять наивернейшее течение наше, как по прямой линии, и если хотя несколько помышление наше уклонится от ней, тотчас возвращаясь к созерцанию ея, исправлять его, как по норме какой...»

Куранты на колокольне пробили десятый час. Тишина и покой ясного июльского вечера опустились на лавру. Прожит был ещё один день в трудах и молитвах, а сколько предстоит их – Бог весть. Замерло и затихло всё. Монахи отдыхали в кельях, готовясь к ранней монастырской утрени, богомольцы разбрелись на ночлег. Только в Троицком соборе у гробницы преподобного оставался гробовой монах, он уходил лишь в полночь. Завидная сия участь – день за днём пребывать близ величайшей святыни...

Митрополит Платон и Дроздов сидели в одной из комнат митрополичьего дома возле распахнутого окна. Густые кусты отцветшей сирени скрывали их от любопытных взоров.

– ...Владыко, вы видите перед собою человека, который стоит в глубокую ночь на пустой дороге, но не может ни оставаться на одном месте, ни продвинуться вперёд. Всё жду некоего знака.

– Не мудрствуй. Поистине, коли стоишь на дороге, так и опусти глаза долу. Помнишь, ты мне детский сон свой рассказывал?

– Отлично помню. Будто очутился я ночью в дремучем лесу. Темно, вдруг огонёк вдали. Побежал – избушка. Только вошёл – вокруг лица будто и знакомые, но не узнаю, чёрные бороды, глаза горят. И один говорит: «Мы тебя сейчас уберём!» Тут я испугался и... всё.

– Лес тот дремучий и тёмный – жизнь мирская. И к смерти тебя призывали ради отказа от мира, предлагая иной жребий. Вот и гляди: в младенчестве знамение было, а он ещё чего-то особенного ожидает!

– Боюсь, владыко, не выдержу тяжести жребия сего, – признался Василий.

Они сидели в вечерних сумерках. Стемнело, и келейник принёс свечу, поставил её на конторку, за которою работал владыка. Слабый огонёк лишь усиливал темноту комнаты, и оттого легче говорилось сокровенное.

– Сын мой, – тихо заговорил старик, – монашество не может положить более обязательства на христианина, как сколько уже обязывало его Евангелие и обеты крещения. По духу евангельскому всякий христианин должен быть всегда воздержан, смиренен, послушлив, трезв, богомолен, никакими излишними житейскими заботами себя не связывает... Хотя может иметь жену по слабости плоти, но живёт с нею целомудренно, более пребывая в посте и молитве, нежели предаваясь сладострастию... При таковом рассуждении тот будет истинный монах, который будет истинный христианин. Труд велик, но спасителен.

Они не видели лиц друг друга, но Василий различал взор Платона, обращённый, кажется, в душу его.

– Об удалении от мира и уединённой жизни должны мы судить, что они не сами по себе что-нибудь значительное и потому похвалу заслуживают. Нет! И в жизни уединённой может иной быть развратник или лицемер, скрывающий только по наружности свою внутреннюю злость. Такового удаление от мира не только не спасает, но более осуждает и погубляет. Необходимо же, чтоб он удалил от себя все прихоти мира, жил един для единого бы Бога, содержал душу в чистоте, сердце наполнял любовью к Богу и ближним. Единственно чего бы стремился достигнуть – ничего для себя не желать и не искать в мире сем. При таковом только души расположении удаление от мира и уединённая жизнь богоугодна... Но я могу сказать, что в

мире живущий, а к миру не приверженный христианин не меньше, если не больше монашесствующего возвышает себя. Труден сей подвиг? Конечно, труден! Но чем большие встречаются трудности, тем большая награда, тем светлейшая победа, тем знаменитейшая слава!.. Ступай.

На следующий день после заутрени келейник доложил митрополиту, что прибежал учитель Дроздов и оставил прошение. Платон взял лист бумаги, исписанный знакомым мелким аккуратным почерком с редкими росчерками. Слезы умиления и радости навернулись на глаза старика.

«...Обучаясь и потом обучая под архипастырским Вашего Высокопреосвященства покровительством, я научился по крайней мере находить в учении удовольствие и пользу в уединении. Сие расположило меня к званию монашескому. Я тщательно испытывал себя в сём расположении в течение почти пяти лет, проведённых мною в должности учительской. И ныне Ваше Высокопреосвященство, милостивейшего архипастыря и отца, всепокорнейше прошу Вас архипастырским благоволением совершить моё желание, удостоить меня монашеского звания.

Июля 7 дня 1808 года. К сему прошению риторики учитель Василий Дроздов руку приложил».

Заработала канцелярия. Митрополит направил прошение о пострижении в Святейший Синод (указав на всякий случай возраст Дроздова четырьмя годами старше, ибо в монашество дозволялось принимать после тридцати лет). В начале октября искомое дозволение было получено. Потребное одеяние владыка приказал изготовить на свой счёт. Согласие отца подразумевалось, но тут всё прошло не так просто.

Отец Михаил 1 ноября получил от сына очередное письмо и устроился прочесть его после обеда в любимом кресле. Евдокия Никитична присела рядом, тихо радуясь привычному почтительному началу и предвкушая хорошие новости от Васеньки. Вдруг размеренный тон отца Михаила изменился:

– ...«Не знаю точно, понравится ли Вам новость, которую скажу теперь; впрочем, если в Ваших письмах говорит сердце, надеюсь, что я не оскорбил Вас и не поступил против Вашего соизволения, сделав один важный шаг по своей воле, по довольном, смею сказать, размышлении. Батюшка! Василия скоро не будет, но Вы не лишитесь сына, сына, который понимает, что Вам обязан более, нежели жизнью, чувствует важность воспитания и знает цену Вашего сердца...»

– Не пойму я, отец, что же это означает? – решила перебить чтение Евдокия Никитична.

Муж не ответил, только сурово взглянул и продолжил чтение:

– «Без нетерпения, но с охотою, без радости, но с удовольствием, я занимаюсь теперь некоторыми приготовлениями к преобразованию, но Высокий Благодетель мой отнимает у меня часть сих попечений... Я прошу теперь Вашего благословения и молитв...» А-а!..

Рушилась мечта отца Михаила, желавшего женить Василия на одной из дочерей отца Симеона (готового взять его в свой храм), поселить поблизости от себя в уютном домике (с хозяином которого уже столковались), со временем поставить на своё место в кафедральном соборе (ибо необъяснимые приливы слабости стал чувствовать отец Михаил и полагал, что век его близится к концу), а самому напоследок порадоваться внукам... Но этот молчун и упрямец поступил по-своему!.. Поражённый отец вскочил и хотел было разорвать письмо, но жена остановила.

– Что ты, что ты, друг мой! Васенька...

– Нет у тебя больше Васеньки! Нет!.. Монахом стал! Не послушал отца...

– Не горюй, батюшка. Видно, так Богу угодно... Что супружество? Иной поживёт и овдовит...

Стали они рядышком на колени перед иконами, молились, потом оба плакали в неутраченной, но светлой печали.

Долго в тот вечер не ложился отец Михаил. Сидел за столом перед раскрытой Псалтирью, а на ум приходило то давнее пророчество московского старца Филарета, то судьба недавно скончавшегося отца Фёдора Игнатьевича Дроздова, будто проложившего для внука иноческий путь... Сидел он, пока свечной огарок не догорел.

Казалось, жизнь определилась навсегда.

16 ноября 1808 года Василий Дроздов в Трапезной церкви был пострижен наместником лавры архимандритом Симеоном в монашество с именем Филарета в память Филарета Милостивого Пафлагонянина¹⁷. 21 ноября инок Филарет в домовый архиерейской церкви был рукоположен митрополитом Платоном в иеродиакона. Внешне жизнь его почти не переменилась. Он исполнял ту же должность учителя поэзии и риторики, жил в той же квартире, разве что Дормидонт стал более почтителен (впрочем, на качестве обедов это не сказывалось).

Внутренняя жизнь его, казалось, замерла, набрав новую высоту. Ушли неотвязные вопросы «что-то будет?», «что-то выйдет?». Владыка был особенно нежен к нему и потирапывал с написанием очередной проповеди.

Но из столицы, из какой-то Комиссии духовных училищ пришла бумага, а в ней требование: направить в Петербург из троицкой семинарии иеродиакона Филарета, иеродиакона Симеона, учителей Платонова и Александрова. По одному человеку вызывалось из калужской и ярославской семинарий.

Новое поприще готово было открыться перед Филаретом, поприще более трудное и обширное, близкое к искушениям и милостям высшей власти. Он же пребывал не столько в радости, сколько в недоумении. Неприятно был поражён владыка Платон, испытывавший искреннее огорчение от необходимости разлучаться с дорогим сердцу Дроздовым, только что, казалось, навеки прикреплённым к лавре.

Митрополит уже чувствовал себя осиротевшим. Вызвав к себе Филарета, Платон прямо спросил, доволен ли он вызовом в столицу.

– Нисколько, – был ответ.

– Тебе не хочется туда? – переспросил обрадованный митрополит. – Так я отстою тебя. Подай мне прошение, что желаешь остаться в московской епархии.

– Желал бы, – без промедления отвечал Филарет, – но не имею права сказать это, владыко... Я уже подал одно прошение о пострижении меня в монашество и тем отрёкся от своей воли, покоряясь воле вышестоящих. Другого прошения подать не могу.

И умилился и огорчился митрополит такому ответу и принуждён был сам хлопотать о своём любимце. Обер-прокурору Святейшего Синода ушло его прошение об оставлении в троицкой семинарии двух вызванных учителей – Дроздова и Платонова, но особенно Дроздова. «Я особливо о иеродиаконе Филарете усердно прошу Св. Пр. Синод обратить его паки в Троицкую семинарию... и как я об нем особливое прилагал, в рассуждении его воспитания, отеческое старание, то сие много послужит к утешению моей старости...»

¹⁷ ...«память Филарета Милостивого Пафлагонянина. – Филарет Милостивый – святой, родился в 702 г. в местечке Амния (в Пафлагонии) в семье богатого землевладельца. Получив наследство отца, стал очень щедро помогать всем нуждающимся, и вскоре его богатство сильно уменьшилось. Нашествие арабов довершило его разорение: земли его были захвачены, остатки имущества он раздал и совсем впал в бедность. Но вскоре внучка Филарета Мария стала супругой молодого византийского императора Константина VI. Захваченное имущество было возвращено Филарету, а его самого пригласили жить в константинопольском дворце. Заняв высокое положение, он стал ещё энергичнее, чем прежде, помогать нуждающимся. За свою благотворительность он удостоился узнать день своей блаженной кончины.

Вечером под новый 1809 год в Троицком соборе можно было увидеть новопостриженного инока Филарета. Жарко молился он перед двумя святынями – ракой, в которой почивали мощи преподобного Сергия, и чудотворным древним образом Святой Троицы, прося вразумления и умирения чувств. Он желал не ошибиться в исполнении Вышней воли.

Рака была закрыта покровом из золотой парчи, отороченным жемчугом. Лишь по большим праздникам его заменяли одной из драгоценностей лавры – покровом шёлкового шитья, на котором пять столетий назад неведомые монахини передали образ преподобного. Старец был изображён в полный рост на голубом фоне. Строго и призывающе взирал он, и – дивное дело – светлело на душе и легчало на сердце от его вида, прояснялись мысли и дух бодрости наполнял всякого...

Была мечта: жизнь свою провести в таком служении, дабы день за днём сливались в непрестанное славословие Господу и Его преподобному служителю земному Сергию. И вечное потрескивание свечей, шорох вереницы людей, идущих на поклонение святыне, запах ладана, пение молитвословий...

Неземные, нечеловеческие мир и покой исходили от образа Святой Троицы работы древнего богомаза. Чудное смиренное согласие ощущалось в наклонах фигур и поворотах голов трёх вечно юных странников, в сосредоточенной пустоте сидящих вокруг чаши, в которой будто вся мудрость мира.

Он вышел из храма незадолго до полуночи. Вокруг стояла темнота, фонарь мерцал лишь у входа в митрополичьи покои. Сиял лёгкий снежок. Мороз был некрепок, но снег под сапогами похрустывал. На невидимой в темноте красавице колокольне куранты отбили получас, и вновь мягкая тишина опустилась на лавру. Всё такое родное вокруг, такое **своё**, что невозможно, кажется, расстаться...

Вот и иноческий корпус. Дверь бухнула. Заспанный монашек-привратник едва поднял глаза на Филарета, встряхнул головой и стал перебирать чётки. У самого Филарета веки уже слипались, тянуло на жёсткую койку, но следовало совершить вечернее правило. Опустившись на колени перед образом Спасителя, он, едва шевеля губами, повторял привычные слова молитв и отбивал земные поклоны.

Господь предлагает новую дорогу, и надо идти по ней. Не стоит гадать, что там встретится, дано будет то, что предназначено. Предаться в волю Божию и всё принимать, как от руки Его... Сомнения отступили. Дух его вновь был твёрд и ясен.

Часть вторая

Невские ветры

Глава 1

Скромный инок

Зима в Санкт-Петербурге время неприятное, особенно в январе. Даже старожилы с трудом переносят крещенские морозы с пронизывающими до самого нутра ветрами. В такие дни и Невский проспект становится малолюдным, а уж за Литейным или на Охте сереньким тусклым утром увидишь только спешащих в канцелярии чиновников, засунувших нос в воротники шинелей; замотанных в платки чухонек, разносящих молоко, сливки, сметану, да дворовых людей, посланных господами по срочной надобности. Катят редкие ещё сани с дровами и иною поклажею. Закутанные в бараньи тулупы извозчики уж и не высматривают седоков. Изредка промчится всадник в военной форме или курьерская тройка.

Однако у застав вечно заспанные отставные солдаты записывают, как положено, имена и чины приезжающих в столицу, после чего поднимают шлагбаум – катите, люди добрые. 6 января 1809 поднялся шлагбаум Московской заставы и для только что прибывших троицких учителей. Вскоре возок миновал мещанскую застройку, и открылась взорам приезжих необъятная широта и протяжённость Невского проспекта, на одном конце которого просвечивал золотой шпиль Адмиралтейства, а на другом, ближнем, высились постройки Александрово-Невской лавры.

Спутники Филарета проснулись и, потирая заспанные глаза, выпрямляя затёкшие ноги, крестя кривящиеся невольной зевотою рты, вглядывались в дома, фонарные столбы, редких прохожих.

Сердца их бились сильнее обычного.

Ямщик на мгновение придержал тройку в воротах, снял громадную овчинную шапку, перекрестился и повернулся к седокам:

– Приехали, господа хорошие!

Тройка подкатила к крыльцу митрополичьих покоев, и тут обнаружилось, что иеродиакон Филарет не может идти. Выйдя из возка на негнущихся ногах, он вдруг покачнулся и упал в снег.

– Что с тобою, отче Филарете? – наклонился к нему Андрей Платонов.

– Ноги!.. – только и сказал тот, подавляя мучительный стон.

В пути он жестоко отморозил ноги. Ночью не мог спать, товарищи навалились на плечи с двух сторон, будить их казалось неловко, а от тесноты было поначалу только теплее. Сквозь дрему он ощущал, как холодно стало ногам, потом мягкая боль прошла от колен до пяток, потом ничего не чувствовал. В покоях ректора Александрово-Невской духовной академии Филарета положили на широкую лавку. Ноги тёрли снегом, шерстяной варежкой, и мало-помалу чувствительность вернулась.

– Ну, как ты? – склонился над ним архимандрит Евграф. – Полегче?

Так хорошо было после трудной дороги и волнений увидеть родное лицо, что Филарет невольно улыбнулся:

– Вас увидел, отче, и сразу вся хворь прошла.

Они обнялись и расцеловались. Есть сродство душ, необъяснимое в житейских понятиях, и счастлив тот, кто испытал это сближение поверх различий в возрасте и положении, кто ощу-

тил удвоение своих сил и радости. Зудящее беспокойство Филарета стихло от взгляда друга и учителя, в котором он читал: «Я всё тот же. Сердце моё открыто тебе...»

– Товарищи твои ушли в братский корпус устраиваться...

– Так я пойду! – Филарет живо вскочил с лавки и схватился за свой узел.

– Никуда я тебя такого не отпущу! – решительно заявил архимандрит. – Останешься у меня. Морозы стоят небывалые, в тридцать градусов. У меня и топят получше, и за ногами твоими сам посмотрю, и поговорим наконец вволю! Идти-то можешь?

– Вашими молитвами! – с облегчением отвечал Филарет. – Сам не понимаю, что такое приключилось.

– Ну что же, брат, – с обычной своей мягкой полуулыбкой произнёс отец Евграф, – дай-то Бог, чтобы сегодняшнее твоё огорчение стало самой большой неприятностью в столице. Пойдём в мою келью.

Первый день пролетел в разговорах за самоваром. Филарет рассказывал последние новости о лавре и семинарии, о митрополите Платоне и новом его викарии епископе Августине, хорошо известном обоим, о семинарских учителях и лаврской братии. Ректор накоротке пояснял, что следует поскорее познакомиться с митрополитом Амвросием и архиепископом Феофилактом, ибо первый играет главную роль в Синоде, а второй вершит всеми делами в Комиссии духовных училищ, приобретшей едва ли не большее значение, и утверждение Филарета преподавателем духовной академии зависит именно от комиссии, то есть от владыки Феофилакta. Размещается комиссия по повелению государя в Михайловском замке, занимая четыре залы на втором этаже.

На следующее утро после заутрени и благодарственного молебна в лаврском соборе архимандрит Евграф представил новоприбывшего иеродиакона Филарета митрополиту новгородскому и петербургскому Амвросию.

Большие залы и комнаты с высокими потолками были обставлены роскошно и, по троичским представлениям, «по-дворянски»: изящные стулья, кресла, столики, диваны, высокие зеркала в простенках окон, под ногами паркет, образующий диковинные узоры. Показалось, что сам владыка чужд этому блеску.

Топили жарко, и потому митрополит был в одном суконном подряснике с финифтяною панагией. Среднего роста, грузный, со строгим взглядом из-под лохматых бровей, он вполне отвечал образу архиерея.

После благословения митрополит начал расспросы о московских новостях. Занимали его, впрочем, не столько ответы архимандрита и молодого иеродиакона, сколько сами молодые монахи. Амвросию нужна была опора во всё нарастающем противостоянии с неуправляемым в своём властолюбивом напоре архиепископом Феофилактом. Доверяться питерским было опасно – все либо примыкали к какой-либо дворцовой партии, либо склонялись к калужскому владыке. Надёжнее было полагаться на вовсе сторонних...

Трудным было восхождение митрополита Амвросия к высотам духовной власти, но ещё более трудным оказалось удержаться там. Продвигал его поначалу Павел Петрович, ещё будучи наследником. Став императором, в один год одарил его мальтийским орденом Иоанна Иерусалимского и высшими российскими орденами Святого Андрея Первозванного и Святой Анны 1-й степени. Сделал первоприсутствующим в Синоде и главой петербургской епархии, 10 марта 1801 года возвёл в сан митрополита, да вот беда – спустя день приказал долго жить... А молодой император скорее терпел его, чем уважал. Слухи о его замене стали постоянными. В таких обстоятельствах борьба Амвросия с обер-прокурором Яковлевым, стремившимся взять в свои руки всё управление церковной жизнью, хотя и привела к удалению гордеца, но вызвала неудовольствие государя и самим митрополитом.

Приход в Синод князя Голицына поначалу обрадовал духовных. Князь был ленив и к делам равнодушен, как вдруг всё переменялось. Обер-прокурор начал изучать присылаемые из епархий бумаги, вменил архиереям в обязанность докладывать ему о всех происшествиях и сосредоточил в своих руках решение важнейших вопросов. Решения он принимал подчас несогласные с мнением архиерейским. Государь же решал спор, как правило, в пользу князя.

Митрополит Амвросий, подчиняясь желанию Александра Павловича, начал подготовку реформы духовного образования. Составление проекта он поручил своему викарию, епископу старо-русскому Евгению Болховитинову. Однако неожиданно участие в деле приняли попавший в случай Сперанский и калужский Феофилакт. Они повели дело к тому, чтобы отнять у архиереев на местах контроль за семинариями и академиями, насаждая там дух широкой светской образованности. Амвросий большой беды в том не видел, в отличие от своего учителя и друга митрополита московского Платона, ибо в конечном счёте тем повышался уровень подготовки всего священства. Проглядел он другой момент: возникшая из воздуха комиссия обрела реальную власть в перемещении духовенства и управлении жизнью духовных школ. Мнение его самого и всего Синода подчас и не спрашивали. В комиссии же тон задавал тридцатилетний Феофилакт... За составление проекта преобразований государь наградил митрополита орденом Святого Владимира 1-й степени, а Феофилакту, князя Голицына и Сперанского – орденами Святого Владимира 2-й степени. Ничего доброго от этой троицы для себя Амвросий не ожидал.

Скромный инок сразу приглянулся владыке. Помогло ли тому то, что он тоже был учеником митрополита Платона и пользовался доверием московского архипастыря, или просто по сердцу пришёлся троцкий чернец, кто знает. Владыка сам был добродушен, при всей своей опытности в политике, устал от неё и потому рад был видеть рядом иноков, не отягощённых суетными интересами, не втянутых в хитросплетения столичных интриг. Он положил сделать своей опорой в создаваемой Санкт-Петербургской духовной академии Евграфа и Филарета.

Вечером отправились к архиепископу калужскому Феофилакту. В его покоях царил иной дух, чем в митрополичьих. Мебель вся вызолоченная, натёртые воском полы покрыты большими малиновыми коврами, на стенах картины в больших золочёных рамах на темы из мифологии. В кабинете, сплошь заставленном высокими книжными шкафами с множеством книг на русском и иностранных языках, было на удивление светло от многих свечей в канделябрах на овальном столе орехового дерева, на камине с отодвинутым экраном, на громадном письменном столе, заваленном стопками бумаг и книгами.

Архиепископ поднялся навстречу входящим, и Филарет удивился, какого он большого роста. Феофилакт был по-гвардейски высок, плечист, темноволос, черты лица крупны и резки. Даже дома он носил богатую муаровую рясу, переливавшуюся оттенками синего цвета, а когда вышел из-за стола, на ногах сверкнули башмаки, расшитые золотом.

Сан архиепископа он получил только на минувшее Рождество, ныне же ожидал перевода из третьеклассной калужской во второклассную рязанскую епархию. Он не опровергал слухи о том, что преосвященного Амвросия намереваются перевести в Новгород, а освободившуюся петербургскую митрополию предоставят ему. Обер-прокурор не имел с ним разногласий, друг Михайло Сперанский оставался довереннейшим лицом государя, благоволение со стороны императора и императрицы не уменьшалось. Феофилакт понимал, что звезда его карьеры набирает всё большую высоту, и это наполняло его властолюбивую душу счастьем и гордостью.

Он оглядел стоявшего в напряжении невысокого и худого монашка в бедном подряснике. Простоват больно, хотя в карих глазах видны ум и характер. И этот пригодился бы, не будь из платоновского круга. Феофилакту сообщили, что Филарет известен близостью к московскому митрополиту, ещё в семинарском звании был его иподиаконом, и именно об его отзыве более

всего печалится Платон. Сообщили также и о больших познаниях молодого монаха... Хотя такая может быть наука в захолустной Москве!

– Чему учился?

– Философии.

– Что есть истина? – спросил резко.

На мгновение кроткие глаза потупились, а затем монашек негромким голосом, но ясно и обдуманно отвечал, что истина философская есть то-то, а истина метафизическая есть то-то, с цитатами на латинском, греческом и еврейском.

– Что есть истина вообще? – спросил архиепископ.

Филарет растерялся. Он не понимал, чего хочет высокомерный владыка, но не смел уточнить вопрос. Впервые после домашней обстановки лавры он ощутил бесправие низшего перед высшим.

Филарет молчал, и архимандрит Евграф поспешил прийти на помощь.

– На этот вопрос, владыко, – почтительно сказал он, – не дал ответа и Христос Спаситель.

Феофилакт промолчал и жестом пригласил Филарета садиться. Этот монашек чем-то его раздражал. Знающ, мыслит правильно, робеет, но вид какой-то постный, верно, ханжа перво-статейный...

– Что же ты не читал новейшей философии?.. Да ты владеешь ли французским?

– Нет, владыко.

– Так надобно выучить. Непременно следует учиться новым языкам, в особенности французскому, на котором пишут и переводят всё самое примечательное в науке, – говорил громко и внушительно, поглаживая чёрную бороду рукой, на которой посверкивали в перстнях тёмно-красный рубин и ярко-голубой сапфир.

На этом аудиенция закончилась. Филарет и Евграф прошли через анфиладу комнат, и лакей в напудренном парике закрыл за ними дверь.

Последствия двух визитов сказались вскоре.

Митрополит Амвросий предназначил Дроздова для преподавания высшей риторики в новой духовной академии с назначением на должность бакалавра. Однако архиепископ Феофилакт выдвинул на ту же должность своего кандидата – калужанина Леонида Зарецкого, также только что прибывшего в столицу по вызову комиссии, и сумел провести его. Филарет оказался без места и назначения, в положении неопределённом.

Глава 2

Северный Вавилон

День проходил за днём, а он всё сидел в комнатах ректора, выходя лишь на утренние и вечерние службы в Троицкий собор и Благовещенскую церковь. После вечернего правила разворачивал на полу свой тощий тюфяк и укладывался, желая поскорее заснуть. Каждое утро он с надеждой ожидал новостей, а их не было. Обычно лёгкий на письма, он не мог заставить себя написать ни родным, ни владыке Платону. Отец Евграф уговаривал его пойти погулять, но Филарет отговаривался то нежеланием, то болью в ногах. На душе было смутно.

Унизительный экзамен, которому подверг его архиепископ Феофилакт, будто открыл глаза на очевидные вещи, о которых и ранее знал, но то знание было отстранённым, его напрямую не касалось. В детстве казалось, все огорчения остаются вне церковной ограды, внутри её – покой и отрада. Но нет мира и за церковными стенами... Как жить в этом ледяном и враждебном городе? Как оставаться верным своему монашескому долгу, избежать соблазнов и искушений? Было бы служение трудное – положил бы все силы, но почти месяц прошёл, а никому не нужен со всеми своими талантами!..

Но в невзначай подсунутой отцом Евграфом книге наставлений святого Антония Великого прочитал: «Прежде всего не считай себя чем-либо, и это породит в тебе смирение; смирение же породит опытность и здравомыслие, кои родят веру; вера же родит упование и любовь, кои родят повиновение, а повиновение родит неизменную твёрдость в добре».

Столица подавила его. Одно дело слышать, другое – увидеть воочию громады дворцов и широту Невского проспекта, великолепие обстановки и высокую учёность здешнего духовенства. Троицкий собор лавры оказался больше кремлёвского Успенского. В нём было на удивление светло от двухъярусных высоких окон. Чёрный, зелёный, розовый мрамор, по стенам яркие картины светских живописцев на божественные сюжеты, бронзовые золочёные двери царских врат, высокие колонны коринфского ордера, лепнина, скульптуры... «Да полно, наш ли это, православный ли храм?» – подумал в первое мгновение Филарет. Но читались те же Часы, так же диакон обходил с кадилом стены, так же в гулкой тишине звучало чтение Евангелия... «Возлюби смирение, и оно покроет все грехи твои», – утверждал великий авва Антоние, но как же трудно смириться с пренебрежением сильных мира сего.

Они оказались чужими друг другу – иеродиакон Филарет и Санкт-Петербург.

В тот год просвещённые столичные умы занимали две проблемы: реформы и отношения с Францией. Всеобщее недовольство, охватившее русское общество после Тильзитского мира, побудило Александра Павловича вернуться к масштабным планам Сперанского. Оба они хитрили друг с другом. Государь желал вернуть себе симпатии дворянского общества путём внедрения некоторых европейских норм и форм государственной жизни при сохранении своей самодержавной власти. Умный попович, точно, готовил такой план, но имел под рукой и иной, рассчитанный на установление «решительною силою» ограничений самодержавия и утверждения «власти закона». Готовилась подлинная «революция сверху», основанная на логике, здравом смысле и европейском печальном опыте.

Александра Павловича весьма озабочивали финансовый кризис и неразбериха в судах, что и побуждало его поощрять деятельность Сперанского, но тем не менее дела внутренние были в большей степени регулируемы его волей, чем дела внешние. Государь фактически сам стал министром иностранных дел. Внешняя политика чрезвычайно занимала его, позволяя в полной мере проявить ум, хитрость, лукавство, твёрдость и незаурядное личное обаяние. Отношения с Пруссией он наладил более чем дружеские, с Австро-Венгрией сохранялся извечный прохладный союз, с Англией удалось установить «единодушие и доброе согласие» (импе-

ратор приказал российским послам за границей препятствовать распространению памфлетов о руководящей роли британского посла в Петербурге лорда Чарльза Уитворта в убийстве императора Павла. Оставалась Франция с её непредсказуемым и потому опасным Бонапартом.

Повелитель Франции к тому времени сокрушил Австрию, заставил помириться с ним Англию, господствовал над Голландией и Бельгией, откровенно давил на итальянские земли, на многочисленные германские королевства и курфюршества; внутри страны он обладал полной и безоговорочной поддержкой всего народа (с мнением эмигрантов-аристократов считаться не приходилось). В 1804 году был опубликован Кодекс Наполеона, предложивший Франции стройную систему законов, основанную на буржуазных принципах. В том же году Наполеон объявил себя императором, опираясь на согласие трёх с половиной миллионов французов, заявленное на плебисците. Для коронации он потребовал приезда из Рима папы, и Пий VII не рискнул отказаться. Будь это просто разбойник, захвативший корону, его можно было бы презирать. Однако новоявленный французский император был силен и чрезвычайно активен, ставя перед собою грандиозные планы преобразования мира – во имя распространения высоких принципов «свободы, равенства и братства», впрочем, не стесняя себя самого ни моралью, ни приличиями.

Неудачная война против Бонапарта в 1805–1807 годах в союзе с Англией, Австрией и Пруссией вынудила Александра Павловича пойти на заключение в Тильзите мирного и союзного договора с самым опасным врагом, которого ещё недавно клеймили с церковных кафедр как «богоотступника и антихриста». Военные неудачи и желание иметь свободные руки в войне со Швецией пересилили на время недовольство русского общества прекращением торговли с Англией. В то же время государь отлично сознавал, что мир с Наполеоном не только вынужденный, но и вооружённый. Он вызвал из деревни генерала Аракчеева, поручив ему реорганизацию артиллерии¹⁸. Генералы Барклай де Толли и Багратион в начале 1809 года завершили завоевание Финляндии, для которой Александр Павлович уготовил положение автономии в составе Российской империи. Положение на южных границах менее беспокоило, ибо Турция и Персия были слабыми противниками.

Дипломатическая борьба побуждала царя совершать многочисленные путешествия по Европе, которую он считал столь же, если не больше, своим домом, сколь и Россию. Но удивительная империя, раскинувшаяся на трёх континентах, была всё же дороже: то была его родина и его мастерская.

В конце января 1809 года состоялось освящение возведённого по проекту Кваренги здания Смольного института благородных девиц. Матушка попросила его непременно присутствовать, но государю и самому интересно было посмотреть на новое украшение его столицы.

Путь от Зимнего был неблизкий, однако гнедая шестерня, лихо погоняемая первым царским кучером Ильёй Байковым, домчала их по накатанному насту быстро и покойно. Тяжёлая карета, поставленная на полозья, едва покачивалась на смягчающих тряску ремнях. Александр

¹⁸ Он вызвал из деревни генерала Аракчеева, поручив ему реорганизацию артиллерии. – Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) – русский государственный деятель, временщик при дворах Павла I и Александра I. Сын небогатого помещика, он закончил артиллерийский и инженерный кадетский корпус. Ещё в 1792 г. был рекомендован наследнику престола Павлу, который вскоре назначил его инспектором гатчинской артиллерии и пехоты, гатчинским губернатором, а в 1796 г. – петербургским городским комендантом. При Павле I Аракчеев фактически руководил реакционными преобразованиями в армии. Несмотря на огромное влияние, Аракчеев дважды увольнялся Павлом I в отставку (1798; 1799–1801). Александр I возвратил его в Петербург и восстановил в должности инспектора артиллерии, в которой тот провёл ряд положительных преобразований. С 1808 г. он стал военным министром, с 1810-го – председателем военного департамента Государственного совета. С 1815 г. фактически сосредоточил в своих руках руководство Государственным советом, Комитетом министров и Собственной его императорского величества канцелярией, был единственным докладчиком царю по большинству ведомств, в том числе Синода. Проводил политику крайней реакции, полицейского деспотизма и грубой военщины. Пользовался всеобщей ненавистью современников.

Павлович, его мать и супруга невольно заговорили о том, насколько приятнее ездить по русским дорогам зимою, чем летом.

На подъезде к Смольному стояли два стройных ряда семёновцев с ружьями «на караул», во дворе самого института – преображенцы.

Здание производило сильное впечатление. Спланированное «покоем», оно было обращено крыльями к парадному двору. Центральная часть, украшенная восьмиколонным ионическим портиком с фронтоном, была вознесена на мощное арочное основание. Тут были красота, строгость и величие. Правда, никакого сходства со Смольным монастырём... Но он в прошлом, как и вся допетровская и послепетровская Русь. Пришло время императорской России.

Во время молебна и освящения государь осмотрел внутренние покои института и выразил своё удовлетворение отсутствием роскоши.

– Полагаю, девицам из благородных семей приличнее воспитываться в скромной обстановке.

– Vous avez parfaitement raison¹⁹, – заметал шедший рядом князь Голицын, – научиться мотовству проще простого, оно в самой женской природе.

Вдовствующая императрица погрозила пальцем известному насмешнику, но не могла удержаться от улыбки.

– Кстати, князь, почему из синодских присутствует только Феофилакт? – поинтересовался государь. – Эго очень неверно и... очень по-русски! – отчуждение духовенства от светских церемоний. Тут ведь, кажется, вполне богоугодное дело творится, но наши святые отцы предпочитают свои кельи. Быть может, они правы, быть может... Ну чем им плохо императорское общество?

– Простите, ваше величество, но в последнее время именно императорское общество становится не совсем приличным, – с невинным видом ответил Голицын, намекая как на Бонапарта, так и на негритянскую «империю» на острове Сан-Доминго.

Елизавета Алексеевна не удержалась от смеха, но император покосился на жену недовольно.

– Шутник ты, князь, – только и сказал он.

Следствием мимолётного разговора стало приглашение князем Александром Николаевичем членов Синода и всех лиц, которых они пожелают взять с собою, на большой придворный бал, заключающий в конце февраля масленицу.

Нигде не проявлялись так ярко главные черты петербургской жизни – власть и богатство, – как на парадах и балах. Война была делом обыденным, повседневным. Армейские полки шли на север, на запад, на юг, утверждая силу и мощь Российской империи. Гвардия принимала меньшее участие в боевых действиях, но её роль значила не меньше. Память о пугачёвщине и европейских революциях делала гвардию первым оружием в утверждении самодержавной власти. Парады и смотры на Марсовом поле и в Красном Селе, еженедельные разводы в столичных манежах приучили гвардейские части к постоянной готовности выступить, а петербургское общество – к армии.

Военная служба была самой естественной и обыкновенной для дворянства, военный мундир был не просто моден, а почётен и уважаем. Даже дамы отличали форму драгун от улан, семёновцев от преображенцев, отдавая всё же предпочтение лейб-гвардейцам гусарского полка с их умопомрачительными киверами, обшитыми смушкой ментиками, красными доломанами и голубыми или белыми чакчирами, украшенными золотистыми шнурами и выкладками.

Военные мундиры создавали на балах особенно красочный элемент рядом с воздушными нарядами дам и девиц, в свою очередь сверкавших кто молодую красотой, кто обаянием и

¹⁹ Вы совершенно правы (фр.).

очарованием, кто попросту блеском бриллиантов – но сколько было таких, что сочетали и то, и другое, и третье!

Беззаботной радостью бала наслаждались не только молодые люди. В тот февральский вечер в Таврический дворец съехался весь светский Петербург.

Все невольно оглядывались на молодую графиню Анну Алексеевну Орлову-Чесменскую, надевшую сегодня свои знаменитые жемчуга. За спиной графини тут же заработали языки, называя возможных кандидатов в женихи.

– Э, мать моя, – говорила собеседнице жена обер-священника Державина, – верно вам говорю, что графиня замуж не собирается. У неё иное на уме. Второй день только, как вернулась из Сергиевой пустыни, а скоро опять туда собирается.

– Возможно ли? Такая молодая, с таким богатством... Триста тысяч годового дохода!.. – понизив голос, добавила собеседница, – Неужто хочет постричься?

– Знать не знаю, мать моя, а врать не хочу, – отвечала Державина.

Графиня вызывала всеобщее внимание не только умопомрачительным состоянием, но и душевными свойствами. В доме честолобивого, грубого и безнравственного отца она сумела сохранить чистую душу. Известно было, что после смерти графа Алексея Григорьевича она, не отходя, просидела три дня у его гроба. Окружив вниманием своих старых родственников, она оставила всю роскошную обстановку жизни, заведённую при отце. Главным её занятием стала благотворительность, в которой она была столь щедра, насколько это было вообще возможным. Впрочем, не всеми было одобрено выделение графиней Анной ста тысяч рублей давней отцовской любовнице Бахметьевой. Двухлетняя графиня о подобных толках знала или догадывалась, но пренебрегала ими. Ей хотелось замолить, загладить грехи страстно любимого отца.

Шлейф разговоров потянулся и за княжной Марией Щербатовой, которой мать по завещанию оставила всё состояние, потому что обиделась на сына, женившегося против её воли. Добрая княжна решила разделить наследство поровну, но, к её удивлению, братец потребовал всё целиком себе. Дело рассматривалось в Сенате, и исход виделся неопределённым.

Двусмысленными улыбками был встречен князь Павел Гагарин, чья покойная жена Анна Петровна долгие годы оставалась главной фавориткой императора Павла Петровича, доставляя законному супругу чины и богатство. На её гробнице простодушный князь велел высечь: «Супруге моей и благодетельнице».

Прошёл бесцеремонный англичанин, лорд Сомертон, известный тем, что единственный в Петербурге не снимал шляпы при встрече с императором, полагая то проявлением храбрости. На балу свои законы, и тут оригинал был с непокрытой головой.

Но вот разговоры притихли, из разных углов залы потянулись к дверям сановники.

Прибыл государь, и, казалось, его присутствие прибавило звука и света в зале, хотя оркестр и так гремел оглушительно, а громадные люстры освещали сотнями свечей белые, красные, зелёные, чёрные мундиры, шитые золотом у офицеров, чиновников и придворных; орденские ленты и звёзды у генералов; пенно-белые, голубые, бордовые, синие, чёрные балльные платья с низкими корсажами, украшенные кружевами, лентами, живыми цветами у дам, сверкавших также золотыми и серебряными серьгами, диадемами, брошами, колье, кольцами, браслетами с рубинами, бриллиантами, изумрудами, сапфирами; почти все дамы были в полумасках, а плечи статских кавалеров покрывало маскарадное домино разных цветов.

Оркестр заиграл мазурку. Толпа в центре зала раздалась, старички и пожилые дамы заняли места в креслах у стен, а сияющие задорными улыбками пары выстраивались, чтобы в следующий миг взлететь, забыв всё на свете.

На хоры, где расположились члены Синода, поднялся князь Голицын.

– Ай да прощание с зимою! – с довольной улыбкой произнёс он. – Здравствуйте, владыко!.. Здравствуйте!.. Ваше высокопреосвященство, – обратился он к архиепископу Феофи-

лакту, – Жду вас завтра после обеда. Согласие Михайлы Михайловича я уже получил. Знатный бал, не правда ли?

Филарет из тёмного угла хоров безмолвно смотрел вниз. Дико всё это казалось ему. Он впервые в жизни слышал такую музыку, видел такой маскарадный бал, толпу чрезвычайно вольно державших себя мужчин и полуодетых женщин, и всё это был центр столичной жизни... там внизу находился и государь... Какой-то господин небольшого роста в странном плаще из белых и синих квадратов, из-под которого виднелся придворный мундир, запросто похаживал среди высшего духовенства, вертелся, улыбался, пожимал им руки и небрежно разговаривал. Странное существо... Тут он увидел, что митрополит Амвросий манит его.

– Да, владыко?

Митрополит подвёл Филарета к тому самому вертлявому.

– Позвольте вам представить иеромонаха Филарета. Недавно рукоположен мною в сей сан и определён инспектором семинарии здешней, в ней же профессором философских наук.

Господин в домино любезно улыбнулся и произнёс фразу по-французски. Филарет не понял, рассеянно поглядел на незнакомца, поклонился и молча отошёл, стыдясь своей неловкости и замечая странные взгляды членов Синода.

– Кто ж это? – спросил он, когда домино сбежал вниз.

– Князь Александр Николаевич Голицын, наш обер-прокурор.

Бал едва дошёл до своей половины, когда государь незаметно удалился. После того и митрополит счёл возможным отправиться домой. Чёрные наряды духовенства рассекли толпу. Все оглядывались на белый клобук Амвросия и ярко-вишнёвую рясу Феофилакta. Филарет шёл позади, опустив глаза, но услышал, как кто-то сказал за его спиной:

– Посмотри, какой чудак!

На ступенях дворца стояли лакеи с факелами и фонарями. Громко фыркали застоявшиеся лошади, на них покрикивали кучера. Пробежал с радостным лицом какой-то мальчик в зелёном мундире и белых лосинах. Дюжие лакеи в напудренных париках осторожно сводили по ступеням старую барыню в наброшенной шубе и меховом капоре.

Филарет топтался на ступенях, усталый и чуть отупевший от массы впечатлений. Он предвкушал, как поделится своим недоумением и вопросами с отцом Евграфом, вдруг слёгшим от недомогания... Но как же добраться до лавры?

Он видел, что кто-то машет из высокой кареты, но лишь когда митрополит высунулся, Филарет сообразил, что зовут его.

Ехали молча. Митрополит дремал, закрыв глаза и откинувшись на подушки, а Филарет, перед глазами которого всё ещё хаотически вертелся и оглушительно гремел бал, тихо шептал:

– Господи, помилуй!.. Господи, помилуй!.. Господи, помилуй!

Глава 3

В семинарии и академии

Петербургская жизнь начиналась трудно, да ведь и ничто не давалось Дроздову просто так. Он добросовестно входил в обязанности инспектора семинарии, обязанности многосложные и хлопотные, и спешно составлял конспект для философских лекций. Тяготило и то и другое.

Никогда ранее не занимал он административной должности, а тут вдруг оказался руководителем двухсот молодых людей, сильно различавшихся как по степени нравственности, так и по успехам в науках. Душа его лежала к богословию, а оказывалось необходимым погрузиться в холодные воды философии, которую знал меньше и хуже. Впрочем, можно было довольствоваться привезёнными лаврскими записями... Но как понятнее и точнее объяснить их воспитанникам? Он составлял один за другим планы курса, прочитывал книги из митрополичьей библиотеки, а вечерами самоучкою одолевал французскую грамматику, чтобы прочесть как бы в насмешку присланную от архиепископа Феофилакта книгу Сведенборга.

В середине февраля в Петербург прибыл старый друг – Евгений Казанцев. Полегчало на сердце Филарета, когда он увидел знакомую высокую фигуру и услышал звучный баритон, но тут же нагрянула и тревога.

Владыка Платон никак не хотел отпускать от себя ещё и Казанцева, просил хотя бы вернуть Дроздова, что и было ему обещано, но – через год. Это бы ладно, невелика печаль оставить суетный Вавилон, но Казанцева, приехавшего за день до открытия Санкт-Петербургской духовной академии, тут же назначили в неё инспектором и бакалавром философских наук. Почему-то владыка Феофилакт сам представил иеромонаха Евгения князю Голицыну, который принял его любезно. По должности Казанцев стал часто посещать и митрополита и обер-прокурора, хотя у владыки Феофилакта он бывал ещё чаще.

Филарету сообщил это с выражением сочувствия на лице Леонид Зарецкий, заметно тянувшийся к Дроздову. Филарет не сокрушался об отданном Евгению предпочтении, а увеличил время своих занятий, сократив сон до пяти часов. В редкие неделовые встречи троицкие воспитанники были откровенны друг с другом, ибо равно нуждались в помощи и советах.

Внешне три иеромонаха были непохожи. Высокий и плечистый, черноволосый Казанцев от следовавших одна за другой служебных удач пребывал в добродушном и самоуверенном настроении, был весел и лёгок на слово; коренастый, плотного сложения Зарецкий редко пускался в откровенности, предпочитая наблюдать и выслушивать других; худощавый, невеликий ростом Дроздов привлекал к себе внимание внутренней энергией и очевидной незаурядностью, в разговорах помалкивал, но, начав говорить, высказывался весь. Все трое были монахами не по одному облику, но и по складу души, однако все трое невольно питали надежды на большое будущее.

– Как всё успеть? – сокрушался Евгений. – Изволь и расписание согласовать, и списки семинаристов по разрядам составить, и философию излагать. Владыка Феофилакт поселился у нас в академии, нет-нет да и нагрянет на занятие. Потом вопрос: почему то, почему это... Он тебе Сведенборга давал?

– Вон лежит, – кивнул Филарет.

– Всем его навязывает! Я, признаться, не читал ещё. О чём там?

– Ты Кантовы сочинения помнишь? Там критикуется кое-что из Сведенборга. А от него самого – голова трещит! Несколько страниц прочитаю и на двор выхожу. Содержание какое-то... – Филарет хотел сказать «пустое», но сдержался, – неясное пока. Там рассказаны известные случаи, когда Сведенборг показал своё знание сокровенного: открыл, где найти платёжную записку должника, что-то сообщил одной княжне шведской и объявил о пожаре, проис-

ходившем в то самое время в каком-то городе. Собственно о Церкви там и нет ничего, все о корреспонденции земного и потустороннего... Пожалуй, я брошу, терпения не хватает.

– Ну уж если у тебя, брат Филарет, терпения недостаёт, я за неё и браться не буду! – решил Евгений. – И так к экзамену едва успею курс дочитать.

Подружившийся с обоими Леонид Зарецкий слушал молча, но на последние слова Евгения отозвался:

– Не спеши, брат, отбрасывать плоды шведской мудрости. Я сам слышал, как владыка Феофилакт, князь Голицын и Сперанский два вечера напролёт обсуждали эту самую книгу. Умна она или глупа – Бог весть, а знать её следует. Я вот сто семьдесят четыре страницы прочитал.

– Вот она где, премудрость-то наша! – Евгений хлопнул Леонида по плечу, – Собирайся, отче, оставим хозяина и вернёмся к нашим крикунам и буянам!

Они ушли, и Филарет вновь склонился над письменным столом.

Архимандрит Евграф трижды обращался в Комиссию духовных училищ с просьбою выделить ему помощника для преподавания богословия ради вящей делу пользы и облегчения его обязанностей, а именно – иеромонаха Филарета, за склонность которого к наукам и особенно к духовным он ручается. На первый раз просто отказали. На второй раз объяснили, что нечем заменить Филарета в семинарии и Александро-Невском духовном училище, коего он был также сделан ректором. На третью просьбу последовало в октябре 1809 года согласие, но друг и заступник недолго радовался ему: 11 ноября архимандрит Евграф скончался от паралича сердца.

Для Филарета то была вторая серьёзная утрата в жизни. Но если смерть Андрея Саксина принесла сердечную боль, то кончина Евграфа Музалевского будто закалила его, сметя наивность и простодушие, усилив твёрдость духа и пламень веры. Добрейший отец Евграф за недолгие месяцы служения показал, что можно и должно нести иноческий подвиг и в петербургском мире, где карьерно-бюрократический дух проник даже в церковную жизнь.

Филарет готовился к монашеству созерцательно-аскетическому, а поставлен был на путь церковно-общественный... Это бы ладно, всё принял с покорностью, но со смертью отца Евграфа пришло одиночество, казалось – на всю отмеренную Господом жизнь. Да, есть родители, брат и сёстры, рядом и вдали добрые приятели, благорасположенное начальство, но что с того? В мире служебном перед Филаретом открывалась ледяная пустыня. Зависть, интриганство, тайные козни, лицемерие – как далеко всё это от открытости троицкой жизни. Хватит ли сил на то, чтобы устоять, не изменить себе и заветам, заповеданным святыми отцами? Он не знал. Уповать следовало на волю Божию, надеяться на себя одного. Он скорее догадывался, чем сознавал, какой путь служения ему предстоит.

На бумаге всего не передашь, да и письма на почте просматривают, а как хотелось ему излить душу владыке Платону и получить совет, вразумление, услышать хотя бы одну из митрополичьих историй...

В письме Грише Пономарёву, ставшему приходским священником, Филарет писал: «...К здешней жизни я не довольно привык и вряд ли когда привыкну более. Вообрази себе место, где более языков, нежели душ; где надежда по большей части в передних, а опасение повсюду; где множество покорных слуг, а быть доброжелателем считается неучтивым; где роскошь слишком много требует, а природа почти во всём отказывает: ты согласишься, что в такой стихии свободно дышать могут только те, которые в ней или для неё родились. Впрочем, есть люди, которых расположением я сердечно утешаюсь...»

Филарет сильно переменялся. В феврале 1810 года в духовную академию пришёл суховатый, крайне сдержанный в проявлении чувств, хотя и вполне доброжелательный ко всем,

педантически аккуратный и поразительно работоспособный **пожилой** человек. Никто не знал, как старательно он сдерживал невольные проявления своей пылкой и горячей натуры, о которой позволяли догадываться лишь блеск глаз и сквозившая в движениях энергия.

В служебной перемене обнаружили весьма приятные стороны. По званию бакалавра философии ему выделили отдельную комнату; положили жалованье в шестьсот пятьдесят рублей, что по тем временам было немало (заседатели палат уголовного и гражданского суда получали по триста шестьдесят рублей в год, помощники столоначальника в губернских учреждениях – по сто рублей). Наконец-то он смог не обременять семью, но, напротив, помогать родным.

В открывающейся духовной академии незаметно образовались две партии. Во главе первой стоял влиятельнейший рязанский архиепископ Феофилакт, правой рукой которого стал Леонид Зарецкий, во главе второй неожиданно для себя самого оказался новый ректор архимандрит Сергей Крылов-Платонов. Решительный архиепископ ничуть не стеснялся очередного троицкого выходца. Устав академии был написан им, программа обучения составлена им же. Не менее двух раз в неделю он посещал лекции, нередко вызывал к себе преподавателей с отчётом, входил во все мелочи академической жизни. Устранить такое двоевластие архимандрит Сергей не имел ни твёрдости духа, ни возможностей.

Владыку Феофилакта воодушевляла горделивая мечта вернуть русскому духовенству высокое положение в обществе, поднять его из постыдной приниженности, куда загнал его Пётр Великий. Он желал возвысить духовное сословие на уровень дворянства, для чего необходимым видел повышение образованности иереев, чтоб знали и догматику и метафизику, и Священное Писание и французский язык, и литургику и новейшую литературу; чтоб были обеспечены материально и могли на равных разговаривать с властью светской. Всё это рязанский архиепископ (нисколько не спешивший из Петербурга к своей пастве) почитал возможным совершить одному. Он был крупной личностью и дело выбрал по себе. Верно, ради этого и принял монашеский сан, не имея ровно никакого призвания к аскетическому подвигу. Нет, он был полон сил и страсти для деятельности в этом мире.

Требовались союзники, из коих первым и наиважнейшим оставался Михайло Сперанский. Вот почему архиепископ не возражал, когда Михайло Михайлович предложил ему принять в академию для преподавания еврейского языка немецкого учёного Фесслера. Владыка побеседовал с немцем и обнаружил, что тот обладает вполне достаточной подготовкой в философских науках. Это было важно, ибо на первых экзаменах обнаружилось незнание семинаристами новейшей философской терминологии. Преподаватель иеромонах Евгений Казанцев оправдывался неимением литературы, но разве это оправдание? Казанцева Феофилакт распорядился вернуть в Троицу – ведь того желал и он сам, и его любезнейший московский архипастырь. Отослал бы и Дроздова, да повода не находилось. Фесслер же был назначен на должность учителя еврейского и немецкого языков, профессора философии, а кроме того, по просьбе высокоучёного немца готовился к преподаванию русских церковных древностей. Если б знал владыка Феофилакт, кому открыл он двери в духовную академию...

Игнатий Аврелий Фесслер начал свой жизненный путь капуцинским монахом, но не поладил с братией ордена и был вынужден покинуть монастырь. Отказавшись от латинского вероисповедания, он перешёл в лютеранство. Как неприкаянный скитался из страны в страну, из города в город, обойдя пол-Европы. Дошёл до такой степени нищеты, что не имел сменного белья. В Берлине, чтобы не умереть с голоду, писал журнальные статьи и романы, пытался стать адвокатом, но нашёл прбежище в одном из германских университетов. Там его заметили и обогрели, сделали профессором. Он вступил в масонскую ложу и прошёл все степени шведской системы. После закрытия в германских землях кафедр Кантовой философии учёные профессора двинулись в Россию: в Москву – Мельман и Буле, в новый Дерптский университет

– Парот, в Харьков – Якоб. Фесслера же по совету масонских братьев Сперанский пригласил в Петербург.

Кто знает, в какой мере Фесслер был жалкой игрушкой судьбы, а в какой орудием масонской пропаганды. Взглядов он своих не таил, ибо в то время на берегах Невы интерес ко всякому мистицизму, выходящему за рамки православия, был необыкновенно велик. В доме барона Розенкампа Фесслер открыл свою масонскую ложу, в которой проповедовал нечто туманное и загадочное. На собрания его стекалось немало любопытствующих, заезжал и Сперанский.

О Христе профессор мыслил не более как о величайшем философе. Суть учения Фесслера сводилась к растворению Бога во всём сущем и всего в Боге, к отрицанию возможности постигнуть рассудком деятельность Целого, что доступно лишь после долгой подготовки «духу благочестивого». Таким образом, неправославная мистика Фесслера отрицала не только божественность Спасителя, но и значимость его Церкви. Однако находились дамы и господа, желавшие путём подобной подготовки обрести «благочестивый дух». Обнаружились такие и среди семинаристов, не готовых к критическому восприятию пламенной проповеди масонского профессора. Весь полученный ими религиозный опыт расплывался в туманную зыбь томительных (но и пленительных) переживаний.

Обеспокоились некоторыми ответами преподаватели, некоторые признания на исповеди ошеломили духовника академии – надо было что-то делать. Призванный к архимандриту Сергию, Фесслер спокойно объяснил, что излагает в лекциях новейшие достижения европейской науки, до которых русское богословие ещё не дошло. Владыка Феофилакт решился поговорить со Сперанским – тот отмахнулся.

– Оставьте учёного немца в покое! Твои попы, кроме Псалтири, ничего не знают и боятся знать.

– Говорят, Фесслер создаёт особую ложу для духовных лиц, куда будут обязаны поступать наиболее способные для некоего «духовного обновления». Страшно подумать, к чему сие приведёт!

– К преобразованию русского духовенства, – с иронией ответил Сперанский. – Видел я подготовленные к печати письма моего тёзки Михайлы Ломоносова, так в одном он сокрушается о состоянии русского духовенства. При всякой пирушке попы – первые пьяницы, с обеда по кабакам ходят, а иногда и дерутся. Немецкие же пасторы не токмо в городах, но и в деревнях за стыд почитают хождение по крестинам, свадьбам и похоронам. Полстолетия прошло, а что у нас переменялось?.. Фесслер нас к Европе приближает, о желательности чего мы с тобою не раз толковали.

– Михайло Михайлович, ты пойми, его взгляды на грани ереси!

– У вас всё мало-мальски новое – ересь...

Сперанский говорил суховато. На его лице была печать усталости от важных государственных дел, от которых приходится отрываться на всякие мелочи. Спорить с ним далее владыка не решился. Звезда Сперанского набрала ещё большую высоту: в то время государем было утверждено создание Государственного совета и преобразование министерств, и все знали, что за этими важнейшими нововведениями (а возможно и будущими) стоит тихий попович, фактически первый министр.

Феофилакт переговаривал с Голицыным, но и тут успех имел небольшой. Князь Александр Николаевич за несколько лет своего управления Синодом сильно переменялся. Постоянное его общение с духовными лицами, регулярное посещение церковных служб, рассмотрение служебных дел с частыми ссылками на церковные догматы и труды отцов церкви повлияли бы на любого, а князь обладал немалым умом и сохранил, при всей светской испорченности, стремление к добру и надежду на спасение. Вера пробудилась в нём. Однако вера его была слишком

пылкой. Ему казалось недостаточным довольствоваться обычным исполнением православных обрядов (и Сперанский в том сильно его поддерживал). Уж он-то, мнилось, сумеет постигнуть сокровенные глубины Божественного учения. Разговор с Фесслером поддержал князя в этом убеждении. Впрочем, отпуская профессора, Голицын предложил ему представить конспекты своих лекций на рассмотрение академического совета.

Владыка Феофилакт был с Фесслером менее любезен. Немец представил свои замечания о постановке учебного дела в академии, предложив сократить продолжительность учебных часов и разделить предметы на главные и вспомогательные, а к «вспомогательным» отнёс эстетику, которую преподавал сам Феофилакт. На ближайшем заседании совета он обрушился с резкой критикой на Сперанского.

– Фесслер превозносит разум, упирая, однако, на условность человеческого познания, – гремел феофилакт во всю мощь своего голоса. – Начала, коим господин профессор неуклонно следовать обещается, суть начала разрушительный, а не созидательный. Он подрывает религию, приняв в основание философии своей рациональное толкование христианства... Относительно конспектов по еврейскому языку скажу, что намерение профессора показать разные диалекты, родственные еврейскому, похвально. Но того одобрить нельзя, что он хочет на диалекте арабском(!) читать историю патриарха Иосифа в том виде, как она изложена в Алькоране... Рассматривая русские церковные древности по немногим лживым или неверным европейским трудам – ибо профессор русским языком не владеет, – он рассматривает все церковные обряды как «драматические и лирические представления». Не ясно ли, что об обрядах Церкви думает он как о трагедиях и операх, представляемых на театре?.. На лекциях Игнатия Фесслера, – откладывая в сторону бумаги, заключил Феофилакт, – в предосторожность читателей прилично будет поставить эпиграфом сии слова Апостола: «Блюдитесь, да никто будет вас прельщать философией по стихиям мира, а не по Христе».

Оказавшись перед выбором между истиною и ересью, Феофилакт не мог лукавить. Как бы ни относился он к слабому, устаревшему петербургскому митрополиту и его приверженцам, ему, как и им, была очевидна явная духовная опасность Фесслера для православия.

Академический совет согласился с мнением владыки Феофилакta о вредности проповедуемых Фесслером философских начал для Церкви и отечества и пагубности их для студентов. Комиссия духовных училищ была вынуждена 9 июля 1810 года согласиться на увольнение немецкого профессора из духовной академии (Сперанский тут же пристроил его в своей Комиссии законов в качестве корреспондента по уголовному праву). Поражение могущественного статс-секретаря и обер-прокурора неприятно удивило обоих и вызвало заметное их охлаждение к Феофилакту.

Возможно, это сыграло свою роль в назначении на пост ректора академии архимандрита Филарета, а не Леонида Зарецкого, чего почти все ожидали. Впрочем, более вероятно, что в выдвижении Филарета решающее значение имели его собственные достоинства и таланты, и прежде всего талант проповедника.

Глава 4

Истины с церковного амвона

Сказать, что иеромонах Филарет лишь исполнял свои служебные обязанности в академии, будет и верно и неверно. Верно потому, что, преподавая богословие и церковную историю, а позднее, с марта 1812 года, приняв на себя обязанности ректора, он в высшей степени добросовестно, до сущих мелочей входил в любое дело, однако не преподавательству и администрированию отдавал он самое сокровенное. Жар своего сердца и глубину ума он вкладывал в проповеди. В них в полной мере раскрывалась его горячая и тонкая натура, в них за привычными оборотами на церковнославянском языке стояли подлинные чувства Филарета.

Началось с того, что митрополит Амвросий как-то вспомнил слова московского владыки Платона в одном из писем, что Дроздов славился в лавре своими поучениями, и посоветовал ему подготовить проповедь. Первое же слово Филарета, произнесённое в 1810 году в день Благовещения, произвело сильное впечатление.

По обыкновению, Филарет написал слово в один присест без черновиков, однако счёл необходимым накануне вечером просмотреть. Кое-что сократил, отдельные слова переменил, но сомнений в своём творении он не испытывал.

Давно уже стал привычным ему Троицкий собор лавры, но в тот день при виде знакомого портика и двух башенок-колоколен сердце забилося чаще.

В праздничный день в соборе стояли монашествующие и много чистой публики. Среди простонародья толпились студенты семинарии и академии. Немало проповедей звучало под высоким куполом сего храма, но немногие оказывались такими яркими, относясь к сегодняшнему дню столько же, сколько и к празднуемому событию. Голос монаха был несилен, но в полной тишине слышно было каждое слово.

– Давно уже бедствия человечества призывали Избавителя. Наконец ожидаемый веками день приближается...

Свете тихий святых славы! Поели луч твой рассеять мглу беспокойных мыслей, да видим хотя зарю надежды, во тьме сидящие.

Истина, слушатели, не должна быть ужасна любителям истины, поелику «совершенная любовь изгоняет страх»...

Предположим на минуту возможность... вообразим, например, что Христос внезапно явился бы в сём храме, подобно как некогда в Иерусалимском, и, нашед здесь, как там, продающих и покупающих, продающих фарисейское благочестие и покупающих славу ревностных служителей Божества, продающих свою пышность и покупающих удивление легкомысленных, продающих обманчивую лепоту взорам и покупающих обольщение сердцу, приносящих в жертву Богу несколько торжественных минут и хотящих заплатить ими за целую жизнь порочную, – всех сих немедленно и навсегда извергнул бы отсель; да не творят дома молитвы домом гнусной купли, и, как недостойных, отсек бы от сообщества истинно верующих...

Лукавствующий мир сей не царствует, но рабствует. Если исключить от него тех, которые всем его званиям предпочитают звание христианина, то в нём останутся одни рабы – рабы честолюбия, рабы злата, рабы чрева, рабы сладострастия, и все вместе рабы самолюбия...

Отврати, верующая душа, очи твои, еже не видят суеты; обратись в покой твой, и в тайне ищи тихаго, безмятежнаго царствия Божия в себе самой – в живой вере, в чистой совести, в ангельской любви...

Всё сие – начало блаженства, скоро – бесконечность! Теперь оно в меру, скоро без меры! Сие заря утренняя, скоро день невечерний!..

Владыка Амвросий с радостью поздравил вошедшего в алтарь иеромонаха и приказал ему выступать с проповедями чаще. Он похвастался отличным проповедником перед обер-

прокурором и пригласил князя послушать Филарета. Голицын приехал раз, другой и стал ездить на все проповеди Филарета да ещё привозить с собою друзей, родственников и знакомых, перед которыми, в свою очередь, гордился красноречивым глашатаем слова Божия.

По Петербургу пошла молва о новом проповеднике в лавре. Голицын рассказал о Филарете в Зимнем дворце, и рассказ произвёл впечатление. Напечатанные проповеди Филарета вызвали восхищение государя.

Доходившие со всех сторон похвалы были приятны, но Филарет ощущал и очевидное внутреннее удовлетворение от своих поучений. Молящиеся внимали ему, сердцем принимали его слова – объяснить такое подчас невозможно, следует почувствовать самому – а значит, умы и сердца их открывались Божественной Истине.

Он уже понял, что занесённое западными ветрами вольномыслие нестойко, внешняя легкомысленность дворянства подчас скрывает подлинную веру. Иные дамы ездили в карете не иначе, как с иконой. У иных аристократов в доме под молельню была отведена комната, сплошь увешанная старыми и новыми образами, перед которыми они в одиночку били поклоны и проливали слёзы. Это подчас не мешало им же, подчиняясь господствующему тону в обществе, высмеивать «суеверие» и подшучивать над «святошами». Иные, правда, тяготились привычными обрядами Православной Церкви и обратились к мистицизму, видевавшемуся более утончённым. Обширнейшее поле деятельности представало перед духовенством.

– ... Так, Он воскрес, христиане! – вещал небольшого роста, худощавый иеромонах в Троицком соборе в день Святой Пасхи, и, подчиняясь магнетическому притяжению его голоса и взора, теснились к амвону слушатели. – «Воссияла истина от земли», куда низвели её неправды человеческия и правый суд Божий...

Как одно мгновение изменяет лицо мира! Я не узнаю ада; я не знаю, что небо и что земля... Непостижимое прехождение от совершенного истощания к полноте совершенства, от глубочайшего бедствия к высочайшему блаженству, от смерти к бессмертию, из ада в небо, из человека в Бога! Великая Пасха!..

Воодушевление, ясность и лёгкость слога, пламень веры и поэтичность – всё было ново, необычно для петербургской публики, привыкшей к тяжеловесным поучениям старых иереев или к головокружительному жонглированию словами заезжих проповедников. Новых проповедей Филарета уже ждали, причём иные с недобрим чувством. Леонид Зарецкий называл их пренебрежительно «одами».

По приказанию митрополита Дроздов произнёс слово в день Святой Троицы на тему о действиях Святого Духа. Тема была непростая, и текст оказался насыщенным цитатами из Ветхого Завета, Евангелия, Деяний Апостольских. Владыка сам накануне просмотрел текст и одобрил. Архимандрит Сергей полюбопытствовал и тоже похвалил. В алтаре владыка Феофилакт поинтересовался, не Дроздов ли сегодня проповедник, взял свёрнутые в трубочку листы, быстро просмотрел и молча вернул.

Филарет вышел на амвон в привычном приподнятом состоянии волнения и уверенности. Проповедь была выслушана со вниманием, и он не предполагал никаких неожиданностей.

На обеде в покоях митрополита Дроздова вновь поздравляли с прекрасной проповедью, лишь владыка Феофилакт хмуро промолчал. За столом беседа пошла вновь о действиях Святого Духа. Александр Фёдорович Лабзин, секретарь Императорской Академии художеств, блистая эрудицией, пытался оспорить слова архимандрита Сергея с позиций мистических. Тому не хотелось продолжать спор, слишком серьёзный для обеденного стола, и он попытался свести дело к шутке:

– Воля ваша, Александр Фёдорович, но вы пантеист²⁰. Впрочем, – заметил он с улыбкой, – и в нынешней, много и справедливо хвалимой проповеди есть нотки пантеизма.

– Так! Нынешняя проповедь явно отзывает духом пантеизма! – тут же заявил Феофилакт.

– Да неужто? – строго взглянул на него Амвросий.

– А что вы думаете, – с жаром стоял на своём архиепископ, – пантеизм и есть!

Поражённый Филарет молчал на своём конце стола. Будто в ледяную купель после жарких похвал опустили его несправедливые слова преосвященного Феофилакта и архимандрита Сергия. Однако прения за столом не имели продолжения, ибо хозяин решительно взял Дроздова под защиту и заставил замолчать его критиков.

Слух о споре у митрополита быстро распространился по Петербургу, тем более что сам владыка Амвросий не делал из него тайны. Голицын решил, что следует поддержать Филарета. И вскоре за отличие в проповедовании Слова Божия иеромонах Филарет был всемилостивейше пожалован наперсным крестом с драгоценными камнями. Для простого монаха то было отличие небывалое. А чуть позже Филарет был возведён в сан архимандрита. Его стали приглашать на службы в Большую церковь Зимнего дворца.

3 октября 1811 года в Казанском соборе архимандрит Филарет произносил слово при отпевании тела действительного тайного советника, графа Александра Сергеевича Строганова. Покойный президент Академии художеств был истинным ревнителем славы отечественного искусства, отыскивал и поощрял таланты. Любимцем его был Андрей Воронихин, бывший графский крепостной, за счёт графа учившийся в Италии и ставший первоклассным архитектором. Последней радостью графа Александра Сергеевича стал Казанский собор, выстроенный Воронихиным по своему проекту, причём и всё убранство собора было исполнено русскими мастерами. Осветили собор 8 сентября, а вскоре пришёл день печали.

...Едва смолк хор, на амвон вышел Филарет.

– В мире отходишь ты, знаменитый муж, но можем ли мы провожать тебя в мире? Когда один от великих столпов, украшающих Престол и поддерживающих народные сословия, сокрушается пред нами, наше око и сердце невольно с ним упадают. Ты отходишь в старости добрей, и, может быть, ты находил её слишком долгою, поспешая к жизни нестареющей; но коль краткою теперь она кажется тем, которые покоились под твоею сению, возрастали под твоими синами, жили твоею жизнью! Отходя к вечности, ты ничего не теряешь во времени, поелику дела твои в след тебе идут; но все тебя знающие теряют в тебе тем более, чем долее ты принадлежал их сердцу...

Голос звучал звонко и взволнованно. Чуть потрескивая, горели восковые свечи в подсвечнике и в руках присутствующих. Женщины утирали глаза под чёрными вуалями, да и некоторые из мужчин доставали носовые платки. То был век людей не только сентиментальных, но и искренних.

Подобно некогда прогремевшей оде Державина на смерть князя Мещёрского, надгробное слово Филарета сделало его широко знаменитым. Текст был дважды напечатан отдельными выпусками, а в следующем 1812 году опубликован в первой книжке самого модного журнала «Вестник Европы», что означало уже всероссийскую славу и признание. 27 марта 1812 года архимандрит Филарет был определён настоятелем первоклассного Юрьевского монастыря.

Отношения с владыкой Феофилактом оставались прохладными. Сергей Платонов, уезжая на костромскую епархию, утешал Филарета:

– Уверю тебя, ты сбудешь этого Бриэна!

²⁰ Пантеист – последователь пантеизма, религиозного и философского учений, отождествляющих Бога и мировое целое, или Бога и природу, выступающих как форма перехода от теизма к материализму.

– Где мне сбыть? Хотя бы меня самого не заслали куда подальше.

– Нет. Ты непременно его сбудешь. Я видел во сне: он выедет в среду.

Внешне отношения их были равны. Проезжая через Коломну, владыка Феофилакт предложил протоиерею Михаилу Дроздову перевести своего младшего сына в Санкт-Петербургскую семинарию. Филарет его благодарил, но переводу брата решительно воспротивился, находя самым благоприятным образ жизни и воспитания в Троицкой семинарии.

Пока же Рязанский архиепископ блистал в дворянских гостиных и столичных соборах, где любил служить. О проповедях его говорили разное. Дроздов полагал, что владыка слишком старается привлечь публику, рассуждая о картинах светских живописцев и политических вопросах, а то делая намёки на современное положение России. Об одной проповеди Феофилакту ему поспешили рассказать несколько доброжелателей. В ней владыка изобразил человека престарелого, обременённого службою, из-за спины которого управляет делами молодой человек. Намёк на митрополита Амвросия и архимандрита Филарета был более чем очевиден.

Амвросий сильнее всего опасался, что слух дойдёт до государя. Старик не знал, что делать, и совсем потерялся.

– Знаю, чего хотят враги мои – чтобы ушёл! Но не сам я поставил себя, не могу себя и снять со своего поста.

– Владыко, есть способ к прекращению таких проповедей на будущее время, – подумав, сказал Филарет, призванный в митрополичьи покои для совета. – Согласно двадцатому правилу шестого Вселенского собора, воспрещается епископу проповедовать в чужой епархии.

Амвросий расцеловал своего мудрого советчика, и на следующем же заседании Святейшего Синода молча положил перед Феофилактом раскрытую на нужной странице Кормчую книгу²¹. Больше тот не проповедовал... Сколько сил и времени отнимала эта потаённая и всем явная борьба...

Теперь он занимал обширную квартиру ректора академии, он проводил почти всё время в кабинете, обстановка в котором не переменялась со времён отца Евграфа. Работать приходилось допоздна. В душный июльский вечер он сидел за письменным столом, освещённым двумя свечами под зелёным абажуром. Справа лежала пухлая папка листов – переписанный его отчёт о проверке духовных училищ и школ Петербурга. Слева – только что законченное слово, которое он завтра должен был произнести в придворной церкви в присутствии обеих императриц и великих князей. Перед ним – папка с бумагами, присланными из Петербургской консистории для предстоящего заседания. Он придвинул папку, раскрыл, глянул на листы, исписанные мелким витиеватым писарским почерком, но в глазах будто заплескались серые мошки. Устал.

И что за город Петербург: лето, а окно лучше не открывать – то дожди и сырость, от которой тяжело ломит обмороженные ноги, то жара, духота, пыль, мухи... То ли дело родная Троицкая Корбуха, в которой все тропинки исхожены, или милая Коломна... Мать опять просила за каких-то родственников. Он оказался завален просьбами. Отказывать не хотелось, но подчас тяжело было чувствовать себя перед князем Голицыным вечным просителем.

С князем Александром Николаевичем они за последние полгода сильно сблизились, несмотря на очевидную разницу в положении и возрасте. Филарет часто бывал в доме князя,

²¹ Кормчая книга – сборник права, древнейший в русской Православной Церкви. Если Церковь сравнивают с кораблём, пребывающие на котором не гибнут в житейском море, то – как кораблю, которому нужен кормчий, который направлял бы его путь, – так и церкви нужно водительство, управление, регулирование её жизни. Так в названии «Кормчая книга» сказалось сознание того высокого значения, какое имеет в церкви её правовая система. С XII в. на Руси появился сербский перевод Кормчей книги; на протяжении XIV, XV и XVI вв. он неоднократно переписывался, при этом в списки всякий раз вносились изменения, поэтому в них не было единообразия. В XVI в. появилась сводная Кормчая. В сер. XVII в. русская церковь окончательно перешла к единой Кормчей, напечатанной и официально изданной в 1650 г. по повелению царя Алексея Михайловича и благословению патриарха Иосифа.

и вечера напролёт шли разговоры обо всём, и обоим было интересно друг с другом. Троицкого воспитанника привлекало в обер-прокуроре очевидное стремление к углублению духовной жизни, которое ставило человека в личное общение с Богом. Будто заново он переживал слова псалмопевца: К Тебе, Господи, воззову, и к Богу моему помолюся... Слыша Господь и помилова мя: Господь бысть Помощник мой...

Голицын, в свою очередь, нашёл в проповедях Филарета отражение мистики. Правда, то была православная мистика, тесно связанная с православной догматикой, однако познания Филарета были действительно велики, а ум живой и незашоренный. Доверие князя росло быстро, он нередко пускался в откровенности перед двадцативосьмилетним монахом:

– Поверите ли, отче, в первые годы ездил я в Синод регулярно, но сердце моё не переменилось, страсти крепко обуревали мою душу. Признаюсь, любил я тогда поддаваться особенно тем из их изысканных нелепостей, где занимаемое мною звание могло служить наибольшим упрёком. Иногда в чаду молодого разгулья, в тесном кругу тогдашних прелестниц я внутренне посмеивался над тем, что эти продажные никак не соображали, что у них гостит обер-прокурор Святейшего Синода. Милостивый Боже! Сколько Он терпелив был ко мне и сколько раз милость Его меня щадила!.. Знаете ли, я иногда со страхом думаю, что если бы тогда пресеклась жизнь моя, что бы тогда было со мною, слепым и несчастным грешником?.. И вот когда я услышал ту вашу проповедь, я ахнул – вы говорили обо мне! Вы меня пристыдили без гнева, с печалью и жалостью... Поверите ли, я был потрясён!..

После одной из таких бесед наедине Голицын просил Филарета стать его духовным отцом, но тот уклонился. Князь был приятен ему, да и что скрывать, его покровительство сильно помогало Филарету, но не чувствовал он в своей душе некоего созвучия душе князя, того, что ощущал с иными своими духовными чадами.

В дверь робко постучали.

– Войдите! – устало откинулся он на спинку кресла. Высокие напольные часы в углу пробили половину одиннадцатого часа. Что за поздний гость?

Вошёл один из лучших воспитанников академии Глухарёв.

– Ваше высокопреподобие, простите великодушно за беспокойство!..

– Ну, что у тебя?

Глухарёв протянул к нему руку и раскрыл ладонь. Филарет увидел золотые часы.

– Что это за часы?

– Один молодой человек, крайне нуждаясь в деньгах, поручил мне их продать. Я ходил по лавкам и ростовщикам, но везде дают так мало... Не купите ли ради доброго дела?

– Сколько ж нужно ему?

– Нужно-то ему, может быть, и вдвое против того, во что он их ценит.

– Во сколько же?

– Он уступает их за двести рублей.

Филарет прямо посмотрел на Глухарёва. Этого малого он хорошо знал и верил ему. А деньги появились большие, жалованье ректора да за настоятельство...

– Хорошо, что на этот час могу уделить деньжонок, только не по вашей оценке.

– Как знаете... – выдохнул студент.

– Они дороже стоят. Вот, возьмите.

Глухарёв почтительно поблагодарил и помчался к другу Юрию Бартеневу. Только у него, развернув свёрнутые ассигнации, они обнаружили, что ректор дал пятьсот рублей. Бартенев вспыхнул.

– Да они стоят не более трёхсот! Надо вернуть лишек!

– Дурак! – с чувством сказал Глухарёв, – Оставь своё самолюбие. Из скверных обстоятельств ты теперь выпутался – так поминай в молитвах о здравии архимандрита Филарета!

Глава 5

Упрямый лекарёнок

В те годы, когда Василий Дроздов постигал науки в коломенской семинарии, учился и учительствовал у Троицы, в монашеском сане трудился в столице, в разных концах империи подрастали два человека, предназначенные Провидением для участия в его жизни, участия значительного, но не всегда доброго.

В 1792 году в Новгородской губернии в семье сельского дьячка Семёна Спасского появился на свет сын Пётр. Обстоятельства сложились так, что родился он в день смерти своего деда, одержимого падучей болезнью. Слабая и болезненная мать, в страхе перед суровым до свирепости мужем и стыдясь своих страданий перед скорбным событием, забилась в хлев, где, подавляя крики и стоны, родила сына. Радости младенец никому, кроме неё, не доставил. Спустя четыре года она умерла. Хилый, слабый, крайне возбудимый мальчик тяготил родителя, но оказался весьма смышлён. Сам выучился читать по Псалтири и хорошо пел на клиросе. Отец отправил его к родственникам в Петербург для определения в певчие. Дома жить было тяжело, но в городе оказалось много хуже. Регент бил его, вороватые и развратные певчие были вполне равнодушны. Он часто плакал от безнадёжной тоски и одиночества, умоляя отца в письмах отдать его учиться или в монахи.

Ни на то, ни на другое у дьячка денег не было, но помогла добрая помещица Чоглокова. Петра и его младшего брата Евфимия отдали в Новгородскую духовную семинарию. Правда, и тут возникли было осложнения из-за неполноты познаний Спасского, но опытный дьячок Семён преподнёс отцу ректору двух замороженных рыбин удивительной величины, и дело было решено окончательно.

Житье Петра и Евфимия оставалось весьма скудным. Плата за ученье и содержание составляла по шести рублей, которые пьяница отец с трудом находил. Ему, а в каникулы и сыновьям, приходилось косить, рубить лес, убирать сено, жать хлеб. Всё ж таки, случалось, летом от голода ели жёлуди.

Учился Пётр Спасский хорошо. Быстро нагнал и перегнал своих товарищей, начальство благоволило к нему за пение, за его дивный голос. Радости это приносило немного. Помимо бедности тяготили его два обстоятельства – пьянство отца и девки.

Он любил и жалел своего жестокого и слабого родителя, старался удержать его от питья, но после того как был жестоко избит отцовским собутыльником, местным попом, оставил свои усилия.

Блудные искушения от деревенских девок мучили его с отроческих лет. Природное целомудрие и страх нарушить Божию заповедь усиливались робостью, бедностью и сознанием своей чуждости деревенскому образу жизни. А на покосе, в дурманящем июльском жаре, напоенном травяным духом, насмешницы не оставляли его в покое. Одетые в одни рубашки, распевая свадебные песни, сверкая белозубыми улыбками, окружали Петра, валили на скошенную траву, и он чувствовал их тела. С колотящимся сердцем Пётр отпихивал горячих, потных девок, отмахивался серпом, и те с хохотом отступали.

Понять его было некому. Вновь женившийся отец оставался чужим, брат – мал ещё, мачеха его не замечала. В полном одиночестве формировалась натура страстная и сильная, способная к глубоким и тонким переживаниям и к подавлению своих страстей. Его никто не любил, его лишь жалели или презирали. Ему бы самому кого-нибудь полюбить, но изъеденная страхом и самовнушениями натура его на это уже не была способна.

Раз в их доме ночевала девушка-родственница. Оказались вдвоём. Лежали на покрытом сеном полу, и тут такой жар охватил Петра, что не мог вымолвить привычные слова молитвы. Будто огонь жёг его с головы до пят, помрачая рассудок и отнимая волю. Катался по полу, а

потом бросился на горячую печь, в которой только что пекли хлеба, и жар внешний пересилил жар внутренний.

Удивительно ли, что монашество стало для Петра желанным идеалом. Он пристрастился молиться в уединении, со слезами, измощал себя поклонами и задумывался о подвиге местного старца-молчальника, прожившего в совершенном безмолвии тридцать лет. Семинарская библиотека была бедна, учителя малознаючи, и ответов на вопросы пытливого ума приходилось доискиваться самому на страницах Писания. Семинарское начальство одобряло такое умонастроение Спасского, а дома мачеха частенько повторяла: «Самое место тебе в монастыре! Ты любой жене будешь в тягость...» Так дожил он до двадцати лет.

В этом же 1792 году, но в губернии Нижегородской, в семье Гавриила Медведева родился мальчик, наречённый Андреем. Медведев с женою Ириною были вольноотпущенниками графини Екатерины Ивановны Головкиной и служили в Лыскове, имении князя Грузинского. Старик Гавриил Иванович исполнял обязанности повара, жена была при кухне. Она ещё родила мужу трёх дочерей, как он умер, оставив вдову с детьми почти без средств, хотя и в собственном доме.

Молодая красавица Ирина Максимовна вдруг проявила твёрдый характер. Женихов и на порог не пускала. Кормилась делами рук своих, обшивая окрестных жителей, помогая при родах, перепродавая товары, заносимые торговцами. По селу бродили, как водится, слухи, что кто-то вдове помогает тайно, ибо она не только дом в чистоте содержала, но деток почти по-господски одевала и сама появлялась в церкви в замечательных шaliaх. Однако ж ничего определённого никто сказать не мог.

Ирина Максимовна была матерью нежной и строгой. С Катенькой, Леночкой и Верочкой ей было управляться довольно просто, а вот с Андрюшей сложнее. Непоседа, насмешник и выдумщик, черноволосый румяный мальчуган рано заявил себя командиром и помыкал сёстрами, как хотел. А то начинал рассуждать, будто взрослый, так что мать дивилась, откуда он набрался премудрости. Для девочек следовало накопить приданое и выдать поудачнее замуж, а сына хотелось направить по надёжному пути. После обучения грамоте Андрей был отдан матерью в ученики Осипу Полидорову, аптекарю при больнице в Лыскове.

Необходимо сказать, что Лысково представляло собой нередкий в то время образец богатого имения, управляемого самим помещиком со вниманием и тщанием. Князь Георгий Александрович Грузинский, прямой потомок царя Вахтанга VI, не видел для себя возможности служить. После ранней смерти жены он жил в своё удовольствие в имении, занимаясь хозяйственным управлением столь же внимательно, сколь и благоустройством мужиков. На полях колосились рожь, пшеница и овёс, дававшие немалый доход благодаря поставкам в казну. В селе появились новая церковь, школа и больница. Мужики похваливали князя, который не препятствовал желающим переходить на оброк, помогал нуждающимся деньгами, держал в страхе управляющих и старост.

Соседи помещики, напротив, побаивались крутого и своенравного до самодурства князя. Известно было, что он принимал беглых мужиков и не выдавал их законным хозяевам, на что губернские власти смотрели сквозь пальцы.

Однажды на престольный праздник с дочерью стояли в церкви. Служба шла своим чередом. При пении «Верую» обоих поразило звучание звонкого мальчишеского альты, как бы парившего над ровным пением хора.

– Папенька, какой дивный голос! – не удержалась двенадцатилетняя Аня. – Прямо ангельский!

Голос был действительно хорош. Князь, когда подходил к кресту, поинтересовался у священника, что за мальчик поёт в хоре.

– Андрюшка Медведев! – улыбнулся батюшка. – Сын покойного вашего повара.

Тут взор князя несколько затуманился, и он потребовал привести певца. Аня ждала, что выйдет маленький и худенький мальчик с робким взором, опущенным долу. Но с правого клироса показался неожиданно высокий и рослый подросток с чёрными кудрями и румяными щеками, затенёнными тёмным пушком. Одет скромно, чистенько. Почтительно, но без малейшей робости он поклонился князю и поднял глаза, в которых светились ум и чувство собственного достоинства.

– Молодец! – сказал князь и потрепал мальчика по голове. – Кто тебя учил петь?

– Регент.

– Вот как... А грамоте знаешь?

– Знаю.

– Он, ваша светлость, обучается у аптекаря, – осмелился вставить слово священник.

– Так ты ещё и учёный... – с непонятным чувством протянул князь. – Что матушка твоя, здорова?

– Здорова, ваша светлость, – послушно отвечал подросток, но видно было, что он равнодушен к княжескому вниманию и готов отойти по первому слову.

– Сколько лет тебе?

– На Троицу тринадцать исполнилось.

Аня во все глаза смотрела на мальчика, так непохожего на виденных ею на прогулках деревенских мальчишек, грубых, оборванных, курносых, с кудлатыми русыми и каштановыми головами. А у этого кудри чёрные как смоль и большие глаза, тоже тёмные, и нос совсем не курносый, длинный и прямой. Такой нос был у её бонны, но мисс Гроув была худа, бледна и белокура.

– Вот тебе награда, – протянул князь мальчику золотой империал. – Завтра приходи в усадьбу и спроси доктора Дебше. Знаешь небось француза? Скажешь ему, что я приказал учить тебя лекарскому делу. Ну, ступай.

Андрей поцеловал тёплую княжескую руку, густо поросшую чёрными волосами, и отошёл, недоумевая, радоваться ему или печалиться словам всемогущего властителя Лыскова. На тихую девочку в синем платье с рюшами и в шляпке с лентами он не обратил внимания.

К немалому его удивлению, мать отнеслась к новости странно. Она в первый момент обрадовалась десяти рублям, а потом вдруг заплакала – от счастья, видимо.

Жизнь Андрея переменялась разительно. Спустя неделю доктор предложил ему вовсе переселиться в усадьбу, во флигель рядом с барским домом, заверив, что князь позволил.

Дебше, вывезенный князем полтора десятка лет назад из Франции, вполне обжился в своём новом отечестве, говорил по-русски почти правильно, но чувствовал себя одиноким. Жениться на крестьянке или на дворовой он не мог, никакая дворянка за него бы не пошла, а ехать в Нижний Новгород или Москву за невестой робкий француз страшился. Вот почему он всей душой привязался к Андрею, придавшему новый смысл его налаженной жизни.

Андрей сидел в углу приёмного покоя, когда доктор принимал больных. К удовольствию Дебше, подросток не робел ни криков и воплей, ни крови и язв. День за днём, слово за слово, и наконец Андрей стал первым называть заболевания страждущих и возможные лекарства. Поначалу он многое путал, но Дебше блаженствовал от неведомой прежде радости **любить** и не спешил его поправлять.

– Merci, mon ami, mais²², – говорил он, – но можно делать лютче...

Князь нередко заглядывал в больницу, разговаривал с Дебше и никогда не проходил мимо Андрея. Ему будто нравилось беседовать с мальчиком, который нисколько не робел, а подчас позволял себе спорить с его светлостью. Надменный со всеми, приводящий дворню в трепет одним поднятием бровей, князь по странной прихоти позволял ему сие. Приметив, что

²² Спасибо, мой друг, но... (фр.)

упрямый лекарёнок смышлён и сносно болтает по-французски, позволил ему брать книги из своей библиотеки. В столь благоприятных условиях шло быстрое развитие Андрея.

Когда юноше исполнилось восемнадцать лет, доктор и его воспитанник задумались о будущем. Дебше уверял, что Andre вполне может получить аптекарский диплом и поступить в университет на медицинский факультет. Сам же Андрей остыл к медицине. Он целыми днями запоем читал то «Риторику» Ломоносова, то разрозненные книжки новиковского «Живописца», то пухлые томики «Юлии, или Новой Элоизы» Руссо, то «Письма русского путешественника» Карамзина, и всё бросал, тяготясь несоответствием книжных мыслей и чувств своим собственным. Однако юность не может довольствоваться одними книгами.

Случилось то, что должно было случиться. Раз и другой он встретил на дорожках парка юную княжну Анну. Он бы не решился заговорить с ней, но она обратилась к «лекарёнку» первая, несмотря на неудовольствие бонны. Потом они договорились погулять вместе, и Аня сбежала от англичанки, подчинясь необъяснимому и непонятному чувству, тянущему её к Андрею.

Лето. Отцветает липа. Пчёлы деловито жужжат. Солнце высоко, и его лучи, пробиваясь сквозь колеблемую ветром листву, пятнами освещают брошенную на траву книжку. Мальчик и девочка сидят под липой и горячо спорят о том, прав или не прав был Вертер, уходя из жизни от неразделённой любви.

Андрей кого угодно мог убедить в своей правоте, но, когда Аня поднимала на него бархатисто-коричневые глаза из-под длинных ресниц, он вдруг уступал ей. То тихая, гордая, плавной походкой идущая рядом с отцом, то озорная, насмешливая, готовая высмеять любую его оговорку или промашку, то нежная и ласковая, одним взглядом смиряющая его азарт и напор, — она была такая разная и такая удивительная...

Аня думала об Андрее днями напролёт. Раньше представить не могла, что такое возможно, а теперь — сидела ли она за вышиванием, играла ли на клавикордах, разговаривала ли с отцом или с бонной — думала о нём, сразу и вспоминая последнюю встречу, что он сказал и как сказал, и вызывая в памяти его белозубую улыбку, смешно ломающийся голос, задумчивый взгляд, твёрдость его руки, когда поддержал на мостике, и от этого прикосновения обдало жаром и голова закружилась... Правда, удивляло княжну, что она, в отличие от героинь французских романов, не томится, не страдает, не терзается. С Андреем ей было легко и хорошо.

Они не думали о том, что будет завтра. Когда обоим открылось, что они любят друг друга, то просто наслаждались своим счастьем, не забывая, впрочем, таить его от всех. Год пролетел в этой сладкой муке.

Наконец в долгих спорах и сомнениях всё было решено окончательно: они поженятся и будут жить вместе. Князь, конечно, сначала огорчится, может быть, даже рассердится, но потом смирится и даст им средства. А не даст, так Андрей сам заработает.

Ранним октябрьским утром, когда князь уже встал, но до завтрака оставалось время, Аня подвела Андрея к двери отцовского кабинета, перекрестила и быстро постучала в дверь.

— Заходи, Аннушка, — приветливо сказал князь, но вместо дочери вошёл лекарёнок.

Аня хотела уйти, но любопытство было слишком велико. Сознывая абсолютное неприличие своего поведения для благовоспитанной барышни, она прижалась ухом к двери. Звонкий баритон Андрея она почти не слышала, но вот вскрикнул отец, и его громкий бас был слышен отлично.

— Как тебе такое в голову пришло, дурень!.. Для того ли я тебя сюда взял?! Молчи! Молчи! Всё, что скажешь, — всё бред! Ты забудь и помышление само!.. Как она согласна? Княжна тебе сказала?..

Дверь стремительно распахнулась. Аня шлёпнулась на пол, но сильная рука легко подняла её и внесла в кабинет.

— И ты, девчонка! Начиталась романов дурацких, куда только эта мисс смотрела!

– Папенька, вы же сами говорили, что все люди равны! – пролепетала она. Самообладание вернулось к ней, а кровь мгновенно вскипела, ибо княжна была верным подобием своего отца.

Решалась её судьба, и она не могла молчать. – Папенька, мы любим друг друга!

Она ожидала, что её выкрик вызовет бурю ярости, но князь криво усмехнулся, взмахнул рукою и устало опустился в кресло.

– Дети мои, дети, – печально сказал он. – Вы любите друг друга, и это естественно, вы же брат и сестра... Я ни у кого и никогда не просил прощения, но у вас прошу: простите меня!

Он закрыл лицо руками, но слёзы текли неудержимо по седым усам. Аня и Андрей ошеломлённо и будто заново смотрели друг на друга.

Глава 6

Отечественная война

Летом 1812 года в Троицкой лавре и в Вифании было тревожно. Ходили слухи о войне, которую вот-вот начнёт проклятый Бонапарт, но московский главнокомандующий граф Фёдор Васильевич Ростопчин уверял, что войны не будет, а если всё ж таки француз пойдёт, то наша армия быстро поворотит его восвояси. Архиепископ Августин привёз владыке Платону несколько отпечатанных ростопчинских афишек... Чему было верить?

Граф Фёдор Васильевич приезжал в Вифанию в мае для беседы с преосвященным после назначения в Москву и поведал, что весьма обеспокоен активностью масонских обществ. Удаление государем Сперанского их ослабило, но всё же князья Трубецкие, Лопухин, князь Гагарин, Кутузов, князь Козловский, Поздеев и сотни иных продолжают собираться на тайных сходках. Граф открыл митрополиту, что направил любимой сестре императора, великой княгине Екатерине Павловне, письмо, в котором раскрывает, какая опасность таится под благопристойным покровом смирения и любви к ближнему. На масонских собраниях обсуждается мысль о необходимости переменить образ правления, о праве нации избрать себе нового государя – а это уже не туманные мистические рассуждения!..

Платон невольно вспомнил Николая Новикова, ныне забытого всеми в подмосковном своём Тихвинском. Такой поворот, верно, и в голову не приходил московскому просветителю. Ростопчина же митрополит благословил на его служение.

Владыка сильно опасался возможности новой войны, в которой он угадывал большую опасность для отечества, однако дух его оставался покоен. Платон предвидел, что Россия сможет преодолеть страшное нашествие. Старость отняла у него силы телесные, но прибавила мудрости.

Большую часть дня он пребывал один и не тяготился этим. Любимые его ученики были далеко: Филарет в столице, Евгений поближе, владыка поставил его архимандритом Лужецкого монастыря близ Можайска. Приходили письма с новостями, которые всё меньше занимали его ум. Платон часто брал в руки Псалтирь, которую вроде бы знал почти наизусть, и перечитывал псалмы Давидовы, пламенные моления к Господу великого царя, сознававшего себя великим грешником...

Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие моё. Наипаче омый мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя. Яко беззаконие моё аз знаю, и грех мой предо мною есть выну. Тебе Единому согреших и лукавое пред Тобою сотворих...

В послеобеденные часы быстро спадала несильная июньская жара. В распахнутое окно веяло от рощи прохладой. Обыкновенно то было время полной тишины, замирали людские разговоры, тележный скрип и прочие хозяйственные звуки, но сегодня митрополита отрывал от молитвы шумный спор где-то рядом. Старик тяжело вздохнул и будто заново прочитал строки, заученные в юности: Отврати лице Твоё от грех моих и вся беззакония моя очисти. Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего, и Духа Твоего святого не отними от мене...

Рядом уже кричали в полный голос, того и гляди до драки дойдёт. Закрыв глаза, митрополит дочитал псалом, перекрестился и, тяжело ступая, пошёл на крики.

В его доме перекладывали печь. Работа шла споро, и Платон не обращал внимания на трёх печников и мальчишку-подмастерье. Теперь он увидел, как они яростно переругиваются, одолеваемые злобой. Оказалось, что у одного пропали три рубля, деньги немалые, и пропали, когда спали после обеда, Чужих не было – значит, взял свой. Потерпевший горячо изложил митрополиту свою обиду и примолк.

Владыка оглядел трёх мужиков и мальчика, с покорностью смотревших на него, и молвил только:

– Идите вечером молиться со мною в храме Преображения!

В тот день 12 июня наполеоновская армия перешла границу. Россия столкнулась с сильнейшим противником. Главный смысл нашествия двенадцати языков во главе с революционным императором, ниспровержителем старых тронов и устройтелем новых, состоял в намерении Наполеона положить весь мир к Своим ногам ради утоления непомерной гордыни. Следовало подчинить страну, выбивающуюся из общего европейского ряда. Новый порядок, который несла наполеоновская армия, долженствовал привести русский народ к «освобождению» от «диких», на европейский взгляд, обычаев и уклада жизни и «реформировать» православную Церковь во «вполне европейскую форму». Поэтому не **против** французов и Франции поднималась волна народного гнева в России, а за своё сохранение, за страну и обычай, веру и уклад жизни, за то, чтобы оставаться русскими не только по названию, но и по духу.

Александр Павлович, как ни ожидал войны, всё же надеялся на успех предварительных переговоров. Он полагал возможным отвести страшный удар, грозивший гибелью ему и России. Увы, приходилось в одиночку противостоять самой большой и победоносной в Европе армии, ведомой гениальным полководцем, не знающим поражений. Сопровождения в Вильно шли одно за другим, пока же он поспешил отправить к Наполеону для вручения послания и переговоров министра внутренних дел Балашова.

Неразбериха была полная. Балашов обнаружил, что его генеральский мундир и александровскую ленту уже отправили с обозом на Смоленск. Выполнять миссию парламентария в походном мундире было невозможно. Из затруднения министра вывели приятели: граф Пётр Александрович Толстой ссудил лентой, а граф Евграф Федотович Комаровский – мундиром. К вечеру, взяв адъютанта и четверых казаков, Балашов выехал за русские аванпосты.

В домовом храме митрополита шла вечерня. Священник и диакон совершали её по обычному чину, не зная о начавшейся войне. Митрополит стал на правом клиросе и время от времени окликал печников:

– Молитесь ли вы?

– Молимся, батюшка! – откликались те.

Началась утренья. Диакон произносил моление о государе нашем и всяком начальстве, дабы Бог сохранил их, да и мы проживём тихое и безмолвное житие.

– Молитесь ли вы? – вновь окликнул митрополит мужиков.

– Молимся! – дружно ответили они.

– И вор молится?

– Молюсь, батюшка! – отозвался один из печников и вдруг осёкся.

Балашов достиг французской императорской квартиры через два дня. К его изумлению, она не только находилась в Вильно, но Наполеон принял его в той же самой зале губернаторского дворца, откуда отправил Александр Павлович.

Император французов быстро прочитал письмо и сказал Балашову:

– Нас англичане поссорили!.. Я не могу согласиться на требование вашего императора об отступлении. Когда я что занял – то считаю своим. Увидим, чем всё это кончится... Вы были, кажется, начальником московской полиции? Что такое Москва? Говорят, большая деревня со множеством церквей – к чему они? В теперешнем веке перестали быть набожными.

На сие Балашов отвечал:

– Я не знаю, ваше величество, набожных во Франции, но в Гишпании и в России много ещё есть набожных.

Наполеон усмехнулся.

– Пойдёмте обедать, генерал!

Огромная армия навалилась на разделённые на две части русские войска (третья часть прикрывала Петербург) и медленно, но неуклонно продвигалась в глубь России, к Москве.

12 июля митрополит Платон несколько раз доходил до кареты, чтобы ехать в Москву для встречи государя, но, чувствуя полный упадок сил, остался в Вифании. Прибывшего ночью Александра Павловича приветствовали владыка Августин и граф Ростопчин.

Стечение народа в Кремль наутро было так велико, что генерал-адъютанты должны были взять государя в своё кольцо, чтобы довести через толпу до Успенского собора. Громогласное «ура!» почти заглушало колокольный звон. После службы Александр Павлович встретился с московским дворянством и купечеством и вновь был поражён единодушным энтузиазмом народа. Ему казалось, что он знает свою страну и своих подданных, однако справедливой оказалась французская поговорка, что подлинное знание даётся в трудном испытании.

Митрополит Платон прислал ему в благословение образ преподобного Сергия, написанный на его гробовой доске и сопутствовавший Петру Великому в его походах. В письме митрополит писал: «Кроткая вера, сия праща Российскаго Давида, сразит внезапно главу кровожаждущей его гордыни».

Александр Павлович в тридцать пять лет неожиданно вдумывался в вопросы, казавшиеся давно решёнными: о Боге, о судьбе, о человеческой воле. К счастью, рядом находился князь Голицын, с которым можно было говорить обо всём вполне откровенно.

Князь горячо поддержал государя в таком настроении и предложил ему прочитать Евангелие. Александр Павлович впервые открыл Святую Книгу и ежевечерне читал по несколько глав (во французском переводе де Саси, ибо церковно-славянский язык был ему труден).

Бородинское сражение, ожидаемое всеми с таким нетерпением, не принесло победы русским. По врагу был нанесён удар сокрушительный, но едва не лишивший Россию армии. Потери были огромны.

Вдовствующая императрица Мария Фёдоровна, цесаревич Константин Павлович, верный Аракчеев и канцлер граф Румянцев умоляли просить мира. Александр Павлович без колебаний сей совет отверг, заявив, что скорее отпустит бороду и отступит в Сибирь, но мира с Наполеоном не заключит. В роковую минуту император проявил твёрдость, которой от него не ожидали. В нём говорило не только самолюбие, оскорблённое вероломством Бонапарта, но и нечто большее. Он и сам не мог ясно сказать, на что надеется, но некое внутреннее чувство побуждало его действовать так, а не иначе, и рассуждения барона Штейна, утешения князя Голицына, доводы генерала Витгенштейна лишь укрепляли это чувство.

Москвичи оставляли свой город. Владыка Августин предложил настоятелям и настоятельницам монастырей выехать с ним в Вологду, захватив с собою сокровища ризницы. Владыка Платон отказывался уезжать, уверяя, что враг в Троицу не войдёт. Однако в начале сентября примчавшийся Евгений Казанцев и другие монахи почти насильно вывезли его в Махрищенский монастырь, хотя принуждены были вскоре возвратиться в Вифанию... И точно, французы в лавру не вошли. Посланные Мюратом за сокровищами, польские уланы заблудились в тумане, неожиданно павшем на землю, и вернулись с пустыми руками.

Враги грабили Москву. Нашествие «просвещённых европейцев» оказалось сродни татаро-монгольскому. В Москве большая часть церквей оказалась разграблена и сожжена. Некоторые храмы были обращены в казармы для войска, а иные – в конюшни и бойни. Не редкостью было поругание над святыми иконами и священными облачениями: с икон сдирали золотые и серебряные оклады (их собирали в Успенском соборе и переплавляли в слитки), рубили и жгли; святые престолы употребляли вместо столов и на иные надобности; священ-

нические ризы надевали пьяные гусары и разъезжали в таком виде по улицам. Оставшиеся в столице священники с опасностью для жизни сохраняли церковное имущество, нередко обливали врагов в их кощунстве. Иные приняли смерть от меча неприятеля.

Протоиерей Вениаминов был убит на паперти своей Сорокосвятской церкви за отказ отдать французам ключи от храма. Дьячок Иоанн Соколов за убийство шести французов был пойман и бит без пощады, поставлен под расстрел, но сумел бежать с тремя лёгкими ранами. В Зачатьевском женском монастыре сгорели все кельи и внутренность церквей, но написанный на дереве образ Христа не сгорел в пламени. Немало совершилось в те дни явных и неявных чудес, пока не исполнились мудрые слова: «Не в силе Бог, а в правде».

Владыка Платон тяжело переживал все события. В сентябре его каждый день возили молиться в Троицкий собор лавры. Вечером 10 октября владыка дремал в своём кресле, но вдруг вскочил и закричал:

– Вышел! Вышел!

Его не могли понять, пока он не объяснил:

– Французы уходят! Слава Богу, Москва свободна, и я теперь умру спокойно.

В тот день он долго молился, исповедался у своего духовника старца Аарона, который постоянно был при нём вместе с Евгением Казанцевым.

– Знаешь ли, – сказал он ночью Евгению, – я всегда боялся смерти. Где-то в глубине гнезвился страх... а нынче его нет. Об одном только думаю: доколе пришествие моё здесь продолжится?.. Ты напиши Филарету. Я хочу, чтобы он сказал надо мною последнее слово, подобно Григорию Богослову над гробом своего друга Василия Великого. Напиши...

Силы старика угасали. Он ещё мог вывести своё имя, что делал каждодневно для проверки твёрдости руки, но ничто его не интересовало и не волновало. Шумно дыша и заходясь подчас в неудержимом кашле, он лежал на постели и слушал чтение Евангелия.

Вечером 10 ноября он сказал старцу Аарону:

– Сегодня всё решится.

И тихо отошёл в иной мир утром 11 ноября.

По сожжённой и разграбленной Москве служили панихиды. Велика была печаль, но люди понимали, что Господь продлил жизнь московского архипастыря для того, чтобы по молитвам праведника решать исход идущей битвы двух сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.